Убушаев Владимир Бадахаевич

Калмыки: выселение и возвращение. 1943-1957 гг.

Правду, мы вам правду,
Одну только правду!
Нашу правду, естественно,
Мы и не знаем другой!
Гёте

Правда о депортации калмыцкого народа 1943-1957 гг.

Посвящается памяти жертв депортации калмыцкого народа

К читателям

Эта книга началась для меня, как и для многих тысяч калмыков, ранним утром 28 декабря 1943 года. Сегодня мне предстоит с позиций более чем полувекового возраста мысленно возвратиться в прошлое, вновь воссоздать, насколько это возможно, ту страшную трагедию, которая приключилась с моим многострадальным народом. Изучить это ужасное прошлое, написать правдивую историю насильственного выселения калмыков «вольных сынов степей» с родных мест – мой гражданский долг перед памятью тысяч безвинных жертв неслыханного сталинского геноцида. К этому меня обязывает и то, что я профессиональный историк.

Знаю и верю: пройдут годы, десятилетия, а поколения калмыков, историков-исследователей, пока жив народ, будут считать священным долгом, чтобы внести свою долю вклада в отображении объективной, полнокровной истории неслыханной трагедии калмыков декабря сорок третьего года. Появятся десятки, сотни книг по депортации калмыцкого народа. Пожелаем этого им, нашим потомкам!

«Выселен навечно». Почему? За что?

... средняя наша человеческая память
не удержала ни от XIX, ни от XVIII, ни от XVII века
массовой насильственной пересылки народов
А.Солженицын

Этот холодный, суровый день третьего года жестокой войны каждый калмык – стар и млад – запомнил на всю жизнь. Задолго до рассвета в соответствии с тщательно запланированной операцией под кодовым названием «Улусы», утвержденной «железным сталинским наркомом», Генеральным комиссаром государственной безопасности Л.П.Берия, одновременно во всех хотонах, селах, поселках и городах в дома калмыков вошли по двое-трое военных из войск НКВД и объявили, что по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 года все калмыки как изменники и предатели выселяются в Сибирь, а Калмыцкая автономная республика отныне ликвидируется. В чем только не обвинялся калмыцкий народ: в период оккупации калмыки якобы изменили Родине, предавали немцам честных советских граждан, вступали в организованные немцами воинские отряды для борьбы против Красной Армии, передавали немцам эвакуированный из других мест колхозный скот, организовывали банды и совершали налеты на колхозы и совхозы, терроризировали население и т.д. и т.п.

Конечно, многие калмыки из прочитанного наспех пришедшими военными мало что поняли, да и что могли уразуметь плохо знающие русский язык старики, женщины и малые дети, оставшиеся тогда в большинстве калмыцких семей, но одно запомнили точно: их, калмыков, выселяют по Указу, подписанному самим М.И.Калининым. А Михаила Ивановича, «всесоюзного старосту», знали многие.

Мы долго искали этот Указ. Он хранился за семью замками в спецархиве, в так называемой «Особой папке Сталина», где руководством НКВД лично С.С.Мамулову (Мамулян) было поручено собирать специально для «вождя народов» важные материалы по «наказанным» народам. Даже для нас, профессиональных историков-исследователей, местонахождение Указа, тем более его содержание, до последнего

времени было неведомо. Многие наверняка не читали Указ в полном виде и поэтому нужно в этой книге дать его текст полностью.

Не для печати

УКАЗ

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О ликвидации КАЛМЫЦКОЙ АССР

и образовании Астраханской области в составе РСФСР

Учитывая, что в период оккупации немецко-фашистскими захватчиками территории Калмыцкой АССР многие калмыки изменили Родине, вступали в организованные немцами воинские отряды для борьбы против Красной Армии, предавали немцам честных советских граждан, захватывали и передавали немцам эвакуированный из Ростовской области и Украины колхозный скот, а после изгнания Красной Армией оккупантов организовывали банды и активно противодействуют органам Советской власти по восстановлению разрушенного немцами хозяйства, совершают бандитские налеты на колхозы и терроризируют окружающее население, – Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Всех калмыков, проживающих на территории Калмыцкой АССР, переселить в другие районы СССР, а Калмыцкую АССР ликвидировать. Совету Народных Комиссаров СССР наделить калмыков в новых местах поселения землей и оказать им необходимую государственную помощь по хозяйственному устройству.

2. Образовать в составе РСФСР Астраханскую область с центром в гор.Астрахани.

Включить в состав Астраханской области районы бывшей Калмыцкой АССР – Долбанский, Кетченеровский, Лаганский, Приволжский, Троицкий, Улан-Хольский, Черноземельский и Юстинский и гор.Элиста; районы Астраханского округа – Владимировский, Володарский, Енотаевский, Камызякский, Красноярский, Наримановский, Харабалинский и гор.Астрахань.

Астраханский округ Сталинградской области ликвидировать.

3. Районы бывшей Калмыцкой АССР – Мало-Дербетовский и Сарпинский включить в состав Сталинградской области; Западный (Башанта), Яшалтинский – включить в состав Ростовской области; Приютненский – в состав Ставропольского края.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР – (М.Калинин)

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР – А.Горкин)

Москва, Кремль
27 декабря 1943 г.

Идея депортации калмыцкого народа созрела у Л.Берия и его сподручных еще задолго до этого Указа. «Лучший чекист» советской державы Л.Берия, судя по имеющимся у нас документам (хотя их сохранилось немного, он постарался такие улики уничтожить или упрятать подальше в глубины своих секретных архивов), неоднократно докладывал в Государственный Комитет обороны на имя Сталина о неблагонадежности калмыков и ставил вопрос о необходимости их насильственного выселения из Калмыкии в сибирские районы. «Мудрый вождь советского народа» не стал утруждать себя хотя бы элементарной проверкой предъявленных верным наркомом страшных обвинений в адрес целого народа и, поверив его информации, милостиво санкционировал переселение в разгар войны многих десятков тысяч несчастных калмыков. К середине октября 1943 года было утверждено Сталиным

решение ГКО о ликвидации Калмыцкой АССР и выселения калмыков в Красноярский и Алтайский края, Омскую и Новосибирскую области. Благо опыт депортации целых народов у Сталина и Берия к тому времени уже существовал.

Еще ранее, в начале войны 28 августа 1941 г. были выселены в восточные районы страны (в Сибирь и Казахстан) все немцы, проживающие в СССР, а Республика немцев Поволжья была упразднена. Основанием для проведения такой преступной акции послужило то, что якобы среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются десятки тысяч диверсантов и шпионов, которые будто бы по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, заселенных немцами. Не вызывает никаких сомнений, что эти сфальсифицированные тяжкие обвинения в адрес советских немцев не имели под собой никакой почвы. Показательно, что и по материалам архива УКГБ по Саратовской области контрразведывательными органами не велось (с начала года по август 1941 г.) ни одного дела «по немецкому шпионажу». К тому же за период пребывания в России с XVIII в. немцы добросовестно трудились на благо нашего государства. Многие представители немцев активно участвовали в российских революциях – Н.Э.Бауман, П.П.Шмидт, Э.Квиринг и многие другие. Имена ученых из немцев – О.Ю.Шмидт, Э.Кренкель, Ф.Цандер и другие были хорошо известны в стране. Самоотверженно сражались с германским фашизмом в начале войны славные сыны из числа немцев в СССР. Однако, несмотря на значительный вклад советских немцев в развитие нашей страны, органы НКВД осуществили к зиме 1942 года выселение поэтапно свыше 1 млн. 120 тыс. немецкого населения.

Следующими за ними 4 ноября 1943 г. были выселены в Среднюю Азию карачаевцы, затем 28 декабря 1943 г. калмыки, 23 февраля 1944 г. – в Казахстан и Среднюю Азию чеченцы и ингуши, 8 марта 1944 г. балкарцы в Среднюю Азию и 18 мая 1944 г. в Казахстан и Среднюю Азию – крымские татары. Насильственному переселению в восточные районы СССР подверглись также в 1944-1945 гг. курды-хемшилы, крымские греки, болгары, поляки, значительная часть эстонцев, литовцев, латышей, западных украинцев, западных белорусов, западных молдован. По данным НКВД общее количество выселенцев составило 3 336 258 человек. За что пострадали миллионы этих людей и почему стало возможным, когда по отношению ко многим народам был осуществлен самый настоящий геноцид. Ответ может быть один: это результат сталинской политики репрессий, который целенаправленно проводился, начиная с конца 20-х годов в отношении советских людей. «Нужно было наступить надежде цивилизованного человечества – XX веку, и нужно было на основе единственного Верного Учения высочайше развиться Национальному вопросу, чтобы высший в этом вопросе специалист взял патент на поголовное искоренение народов путем их высылки в сорок восемь, в двадцать четыре часа и даже в полтора часа, – пишет А.Солженицын в книге «Архипелаг ГУЛАГ».

Система была опробована, отлажена и отныне будет с неумолимостью цапать всякую указанную назначенную предательскую нацию, – и каждый раз все проворнее: чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкар, калмыков, курдов, крымских татар, наконец, кавказских греков. Система тем особенно динамичная, что объявляется народу решение Отца Народов не в форме болтливого судебного процесса, а в форме боевой операции современной мотопехоты: вооруженные дивизии входят ночью в расположение обреченного народа и занимают ключевые позиции. Преступная нация просыпается и видит кольцо пулеметов и автоматов вокруг каждого селения. И дается 12 часов (но это слишком много, простаивают колеса мотопехоты, и в Крыму уже только 2 и даже полтора часа), чтобы каждый взял то, что способен унести в руках. И тут же сажается каждый, как арестант, ноги поджав, в кузов грузовика (старухи, матери с грудными – садись, команда была!) и грузовики под охраной идут на станцию железной дороги. А там телячьи вагоны до места...»

После высочайшего разрешения «великого вождя» о депортации калмыков контора НКВД развернула, как и было в отношении немцев и балкарцев, активную подготовительную работу.

14 октября 1943 года появилось за подписью Молотова постановление СНК СССР за № 1118-346сс, которое в развитие решения ГКО предлагало Алтайскому и Красноярскому крайисполкомам, Омскому и Новосибирскому облисполкомам в двухнедельный срок незамедлительно заняться вопросами подготовки приема и

расселения по районам прибывающих спецпереселенцев-калмыков. Этим же решением обязывались Наркомат внутренних дел СССР (т.Берия), Наркомат путей Сообщения СССР (т.Каганович), Наркомзем СССР (т.Бенедиктов), Наркоммясомолпром СССР (т.Смирнов), Наркомзаг СССР (т.Субботин), наконец, Наркомздрав СССР (т.Митерев) создать специальные комиссии, которым надлежало в пределах своих ведомств осуществить необходимые мероприятия в связи с выселением калмыков.

Небезынтересно отметить, что основные правительственные решения были подготовлены руководством НКВД. Об этом свидетельствуют сохранившиеся копии этих документов и подтверждающие данное заключение резолюции руководящих работников НКВД, в частности, Л.П.Берия и его заместителя В.В.Чернышева, непосредственно занимавшегося вопросами депортации «наказанных» народов.

В связи с правительственным поручением указанные в постановлении СНК наркоматы отреагировали незамедлительно. Например, зам. наркома земледелия СССР Пензин по согласованию со своим наркомом Бенедиктовым разослал на места подготовленную им 18 октября 1943 года «Инструкцию о порядке приемки имущества переселяемых колхозов, колхозников, единоличников, рабочих и служащих по специальному решению». На период выселения калмыков по линии Наркомата земледелия была создана Республиканская комиссия во главе с зам. председателя Совнаркома КАССР Серегиным, в состав которой были включены нарком земледелия республики Колбасов, зам. Уполнаркомзага КАССР Колесников, директор мясосовхозтреста Иванов и управляющий республиканской конторой «Заготскот» Степанов. Для приемки имущества, скота и сельскохозяйственной продукции по населенным пунктам создавались на местах свои комиссии в составе: председателя улусного исполкома Совета, секретаря улускома ВКП(б), представителей улусземотдела, уполнаркомзага, заготскота, директоров совхозов. Любопытно то, что в составах всех комиссий не был включен ни один представитель калмыцкой национальности и это было сделано специально: во-первых, все калмыки подлежали выселению, во-вторых, не вызвать каких-либо подозрений до начала спецпереселения калмыков.

На период переселения в каждый район назначался специальный уполномоченный крайоблисполкома, которому подчинялись в своей работе местные комиссии. На него также возлагалось проведение всех сельскохозяйственных работ и других хозяйственных мероприятий по улусу.

Согласно этой Инструкции спецпереселенцам разрешалось взять с собой принадлежащее им имущество (одежду, мелкий сельхоз и бытовой инвентарь, зерно и продовольствие весом всего до 500 кг на семью). Весь молочный и продуктивный скот, лошади, птица, продовольственное и фуражное зерно, дома и сельхозпостройки, принадлежащие колхозам, колхозникам и единоличникам переселенцам подлежали сдаче при выселении. Оставшееся имущество колхозников, единоличников, рабочих и служащих должно было приниматься местной комиссией по акту и подлежало возмещению, включая сданный скот в новых местах поселения. Однако в большинстве случаев никакого акта не составляли, да никто из выселяемых калмыков и не ведал, что имущество и скот нужно сдавать по акту. Да было ли до этого при том всенародном горе. Поэтому, как и следовало ожидать, никакого возмещения на новых местах расселения не было, да что могли дать разоренные вконец маломощные колхозы, живущие сами на постоянных подачках государства.

Безусловно, вся подготовительная работа ложилась главным образом на инициатора замышляемой депортации – бериевское ведомство. Оно только ждало команды «сверху». Тем более, основные документы руководством НКВД СССР были заранее уже заготовлены. Поэтому в тот же день сразу после выхода постановления СНК СССР им был издан приказ о мероприятиях по проведению операции по переселению калмыков в Алтайский и Красноярский края, Омскую и Новосибирскую области. Во исполнение данного приказа была утверждена наркомом внутренних дел СССР Л.П.Берия специальная «Инструкция о порядке проведения мероприятий по делу «Улусы». Операции по выселению калмыков в НКВД СССР дали общее кодовое название «Улусы».

В разработанной Инструкции в целях четкой организации депортации калмыцкого населения предлагалось осуществить следующие мероприятия:

1. Операции подвергаются все жители Калмыцкой АССР по национальности калмыки. Подвергаются операции также члены ВКП(б) и ВЛКСМ, работники партийных и советских органов вместе со всем калмыцким населением для проведения соответствующей работы в новых местах расселения (оговоримся сразу, что в данном пункте просматривается явное лицемерие, т.к. ни соответствующей работы, ни любой другой руководящей должности как раз по указанию органов НКВД им не надлежало занимать).

В Инструкции определялся перечень лиц, проживающих в калмыцких или иных семьях, выселение которых являлось необязательным или обязательным. Например:
а) женщины-калмычки, состоящие в замужестве с лицами другой национальности, операции не подвергаются;
б) женщины русской национальности, состоящие в замужестве с калмыками, подлежат операции на общем основании;
в) отсутствующие в момент операции отдельные члены семей (служебная командировка, отпуск, отлучка по личным делам и т.д.) берутся на учет и подлежат операции дополнительно.

В организационной части Инструкции, в частности, предлагалось:
1. Организацией и проведением операцией в районах руководят представители НКВД СССР. Для приема имущества и разрешения всех хозяйственных вопросов в районы направлялись на весь период операции специальные уполномоченные крайоблисполкома.
2. Для приемки и организации сохранности скота и прочего имущества создаются специальные комиссии в масштабе республики и районов, высылаются уполномоченные во все населенные пункты.
3. Проведение операции в улусах и хотонах непосредственно осуществляют участковые уполномоченные, утвержденные заместителем наркома внутренних дел СССР. По распоряжению участковых уполномоченных выделяется соответствующее количество оперативных работников и войск НКВД.
4. Установить, что каждой оперативной группой, состоящей из одного оперработника НКВД и 2-х бойцов войск НКВД, одновременно производится операция по выселению 3-х семейств. После доставки на сборный пункт первых трех семейств опергруппа едет за остальными.
5. Для проведения арестов легализованных бандитов, немецко-фашистских пособников и иных антисоветских элементов, состоящих на оперативном учете в органах НКВД–НКГБ, выделяется оперативная группа в составе одного оперативного сотрудника и 2-х военных из войск НКВД на каждые 2 человека, подлежащих аресту.
6. Участковые уполномоченные обязаны перед началом операции оцепить населенные пункты, организовать войсковые засады в балках и на тропах, ведущих в соседние районы по заранее разработанному плану.

Вышеуказанные работники обязаны прибыть к местам назначения заблаговременно. Например, на территории Кануковского оперативного участка (каждый сельсовет составлял оперучасток) военные засады планировалось выставить с началом операции и менять через каждые три часа. Контрольно-проверочные пункты и дозоры выставлялись также с началом операции, им приказывалось нести службу без смены, до окончания операции. Накануне начала выселения уполномоченный по этому оперучастку подполковник госбезопасности Погожев утвердил состав каждого воинского наряда:

контрольно-проверочный пункт (кпп)	– 4 человека
засада	- 3 человека
патруль	– 2 человека
дозор	– 2 человека

Кроме того, уполномоченные оперучастков обязывались ознакомиться и уточнить имеющиеся в органах НКВД учетные материалы на лиц: 1) подлежащих аресту; 2) подлежащих выселению.

Уполномоченные по каждому оперативному участку, а также входящие в их подчинение оперработники НКВД, были обязаны совместно с командованием войсковых подразделений тщательно изучить маршруты движения автотранспорта со спецконтингентом от каждого населенного пункта до железнодорожной станции. В период всей подготовительной работы строго предлагалось соблюдать тщательную конспирацию с тем, чтобы не вызывать каких-либо подозрений о готовящейся операции.

В Инструкции НКВД СССР был определен порядок проведения операции «Улусы». Согласно приказа наркома внутренних дел СССР вся операция должна была проводиться одновременно и начиналась повсеместно с рассветом рано утром с тем, чтобы вывезти до наступления темноты основной состав спецконтингента на железнодорожные станции.

До осуществления основной операции предлагалось арестовать всех подозрительных, вызывающих недоверие, лиц и только после произведенных арестов специальные уполномоченные НКВД обязаны были направить намеченные оперативные группы в дома выселяемых калмыков. По прибытию в дом им приказывалось первым делом произвести тщательный обыск и изъять, если имелись, огнестрельное и холодное оружие, антисоветскую литературу и имеющуюся иностранную валюту.

Необходимо отметить, что согласно Инструкции по приходу в дома калмыков оперативный работник обязан был сначала объявить об Указе Президиума Верховного Совета СССР от 27 июня «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР», затем предложить собрать в багаж необходимые вещи, немедленно погрузить к вывозу имущество на транспортные средства и с одним из бойцов войск НКВД направить калмыцкую семью к месту сбора.

В перечне Инструкции разрешалось выселяемым взять с собой продовольствие, мелкий бытовой и сельскохозяйственный инвентарь по 100 кг на каждого члена семьи, но не более 500 кг общего веса на выселяемую семью. Деньги и бытовые драгоценности изъятию не подлежали, хотя сплошь и рядом многие пришедшие военные, пользуясь растерянностью выселяемых, прикарманивали себе золотые вещи.

Как уже отмечалось, все подозреваемые лица подлежали заранее немедленному аресту. Я неслучайно подчеркиваю этот момент, так как об этом записано в Инструкции два раза в соответствующих пунктах.

Конечно, сотрудники НКВД, осуществлявшие выселение калмыков, имели заблаговременно такие списки. Например, в городе Элисте в список, подлежащих аресту до начала операции, были внесены И.М.Мацаков – бывший редактор Республиканской газеты, Ц.О.Саврушев – бывший секретарь улускома ВКП(б) и другие, числившиеся в органах НКВД как буржуазные националисты, замаскированные троцкистские элементы. В Инструкции содержался также специальный пункт относительно их поведения и сотрудники НКВД были прямо сориентированы по отношению к таким проявлениям: «В случае попыток к организации антисоветских волынок или нападения на оперативную группу принимать меры к их ликвидации вплоть до применения в необходимых случаях оружия».

В разделах утвержденной НКВД Инструкции были определены все вопросы, связанные с проездом на автомашинах к станциям погрузки и передвижением по железной дороге. Предлагалось, чтобы на каждую грузовую машину было погружено имущество 3-4 семейств, а также имущество женщин с грудными детьми. Строго запрещалось допускать, чтобы грузовые автомашины уезжали недогруженными людьми или имуществом. На каждую выселяемую семью составлялась уполномоченным оперучастка специальная учетная карточка в 2-х экземплярах: одна (первая) должна была направляться районному уполномоченному НКВД с рапортом об итогах проведенной операции, другая (вторая) сдаваться коменданту поезда.

На железнодорожной станции уполномоченный оперучастка обязан был сдать выселяемые семьи калмыков под расписку. Подробно был расписан весь распорядок перевозки спецконтингента на железнодорожном транспорте.

Во-первых, каждый железнодорожный эшелон должен был загружаться количеством спецконтингента не менее 2-х тысяч человек, из расчета 40 человек на каждый двухосный вагон, предусмотрев не менее 6 основных вагонов для погрузки имущества выселяемых. Поезд должен был комплектоваться таким образом, чтобы в каждом эшелоне был один вагон для караульного конвоя (правда, в пути следования санитарный вагон служил в основном для содержания умерших в дороге спецпереселенцев, которых на крупных станциях при длительных стоянках отвозили на санях куда-то в общие могильники).

Во-вторых, каждый эшелон с выселяемыми калмыками обеспечивался специальным конвоем войск НКВД численностью не менее 40 человек. На каждый поезд-эшелон направлялся один оперработник НКВД–НКГБ, при котором находилось несколько сотрудников для связи.

В-третьих, комендант поезда совместно с командиром конвоя войск НКВД был обязан расставить караул как при стоянках эшелона, так по пути следования спецконтингента, чтобы отразить нападение на поезд со стороны всяких бандитских элементов.

В-четвертых, питание спецпереселенцев-калмыков рассчитывалось производиться в специально установленных пунктах – в железнодорожных столовых и буфетах на станциях. Горячая пища должна была выдаваться один раз в сутки и кипяток два раза. Оплату за питание обязан был производить начальник эшелона. На расходы за питание спецпереселенцев органам НКВД–УНКВД по приказу наркома предписывалось выдавать начальникам эшелонов аванс, исходя из продолжительности нахождения эшелона в пути.

В-пятых, по договоренности с местными органами власти на каждый эшелон выделялся врач и две медсестры с необходимым инструментарием и медикаментами. Однако, несмотря на специальное предписание наркома здравоохранения Митерева, эта мера в условиях военного времени осталась лишь благим намерением, так как крайне не хватало медработников на фронте и в тылу, даже для раненых в тыловых госпиталях. Поэтому эшелоны со спецконтингентом практически не были укомплектованы медперсоналом, да и не было нужды заботиться о здоровье каких-то выселенцев, считавшихся немецкими пособниками.

Такова была в общих чертах составленная в центральном аппарате НКВД за 2,5 месяца до выселения калмыков «Инструкция о порядке проведения мероприятий по делу «Улусы». Кроме приказа НКВД СССР, были изданы в дополнение к этой Инструкции и другие документы, которые так или иначе предусматривали различные мероприятия по осуществлению выселения калмыцкого народа.

Мне было небезынтересно сравнить эту Инструкцию с Инструкцией по переселению немцев. Несомненно, «калмыцкая» Инструкция гораздо меньше по объему, в ней не так подробно расписаны все пункты операции по сравнению с «немецкой» Инструкцией и почти отсутствуют определенные «поблажки», предоставленные в августе 1941 г. немецкому населению при его выселении. Например, поволжские немцы за несколько дней до операции извещались начальниками оперучастков по указанию областных оперативных троек об их выселении, разъясняя им порядок переселения. Или вот такой пункт. Городским жителям разрешалось оставшееся лично им принадлежащие имущество реализовать через доверенных лиц, которые в течение 10-дневного срока продают его и вырученные деньги направляют владельцу по новому месту его жительства. Оставшееся недвижимое имущество переселяемых немцев подлежало переписи представителями советских организаций с тем, чтобы на новых местах поселения им могли его возвратить: сельхозорудия, зерно-фураж, скот и т.д. Кроме того, немецкое население специально предупреждалось, чтобы на упакованных вещах делались бирки с надписью фамилий.

Что касается выселяемого калмыцкого населения, то оно было уже лишено каких-то поблажек и эти «демократические» пункты совершенно отсутствовали в Инструкции

по переселению калмыков. Очевидно, руководство НКВД–НКГБ посчитало по мере возрастания размеров депортации народов излишним давать какие-то льготы «наказанным» спецпереселенцам, а может быть, там, вверху, было приказано ужесточить процесс предпринимаемых акций. А потом с течением времени, когда счет спецпереселенцам пошел на миллионы, было не до разных поблажек, да и зачем, так все происходило гладко, без эксцессов. Зато значительно было увеличено количество войск НКВД–НКГБ для организации операции по выселению. Например, если каждый поезд-эшелон выселяемых немцев обеспечивался конвоем войск НКВД в 21 человек караула, то при перевозке спецпереселенцев-калмыков было выделено конвойных бойцов численностью в 40 человек на поезд.

Для проведения мероприятий по делу «Улусы» в дополнение к приказу НКВД и его Инструкции было утверждено специальное приложение о командировании оперативного состава и автотранспорта в распоряжение уполномоченных НКВД СССР в Калмыцкую АССР. Это приложение, как и другие основные документы НКВД (приказ, Инструкция и т.д. были подготовлены задолго до начала операции «Улусы», к середине октября 1943 года. Список военных организаций, командировавших своих сотрудником дли выполнения специального задания, был очень обширным, на 2-х листах, и насчитывал 38, подведомственных все без исключения НКВД–НКГБ, из различных регионов страны, в основном из Центральной России, Поволжья, Северного Кавказа и Закавказья. Почему-то по непонятным причинам (руководство НКВД это сделало, несомненно, специально) не были задействованы оперработники органов Сталинградского и Астраханского УНКВД–УНКГБ. В то же время органы УНКВД–УНКГБ соседних также с Калмыкией Ставропольского края и Ростовской области к проведению операции «Улусы» были широко привлечены. Следует отметить, что согласно приказа НКВД командированный в Калмыцкую АССР оперативный состав прибывал на близлежащие в Калмыкии железнодорожные станции с необходимым для перевозки спецконтингента автотранспортом, который состоял в основном из больших американских машин «студебеккеров», поставляемых по ленд-лизу из США через Иран.

Общая численность направляемого руководством НКВД воинского контингента для осуществления операции по выселению калмыцкого населения составила первоначально 4 421 человек (в последующем он несколько уточнялся и изменялся в сторону увеличения), из них выделяемый оперсостав насчитывал 2 995 человек и приданный к нему для оказания помощи в проведении акции 3-й Отдельный Красного Знамени мотострелковый полк внутренних войск НКВД СССР прибыл в Элисту, имея воинский штат в 1 226 человек. По приказу НКВД был также заранее мобилизован большой парк автотранспорта, насчитывающий 1 355 автомашин (в приложении НКВД ошибочно указано 1 255 автомашин). Для руководства операцией «Улусы» и проведения подготовительных мероприятий по выселению калмыков из центрального аппарата НКВД и НКГБ было командировано 310 человек опытных оперативных сотрудников. Они вошли в состав республиканской и улусных троек, возглавили на местах оперативные участки, руководили работой созданных оперативных групп. Безусловно, на плечи прибывших работников из центрального аппарата легла вся основная работа по подготовке запланированной операции. Кроме того, руководство НКГБ СССР наряду с командованием в Калмыкию из своего аппарата 200 человек оперсотрудников направило через станции Дивное и Котельниково 170 американских «студебеккеров». Центральный аппарат НКВД СССР командировал в Калмыцкую АССР через станцию Котельниково 110 человек своих работников и 100 автомашин для подвозки спецконтингента к железной дороге.

По линии высших школ НКВД–НКГБ и курсов усовершенствования войск НКВД в Калмыкию было направлено 1 225 человек. Добавим к этому более 300 человек подготовленного офицерского состава из центрального аппарата НКВД и НКГБ, около 1 500 человек кадрового оперативного состава из многих областных Управлений НКВД–НКГБ.

Неплохо постарался аппарат УНКВД Московской области, прислав в Калмыкию для «ратных подвигов» 225 своих оперсотрудников со 100 американскими автомашинами через станцию Ремонтное.

Согласно разнорядки сверху командировали 225 оперативных работников Управления НКВД регионов Центральной России – Ивановской, Рязанской, Ярославской

и Тульской областей, хотя им на местах в период военного времени позарез нужны были подготовительные чекистские кадры.

В связи с трудностями военной обстановки оперативный состав стягивался в Калмыцкую АССР понемногу отовсюду, что называется, с миру по нитке. Даже далекие от наших степей Архангельск, Киров и Вологду заставили выделить по нескольку десятков оперработников из системы УНКГБ. Расщедрились на «хорошее» дело наши близкие соседи из УНКВД–УНКГБ Ставропольского края, направив 150 оперативных сотрудников. Конечно, через некоторое время подобная участь ожидала многих сотрудников из НКВД–НКГБ Крымской АССР, приехавших тогда для выселения калмыков. Если бы они тогда ведали об этом!

Важная роль в осуществлении операции отводилась 3-му Ордена Красного Знамени отдельному мотострелковому полку из войск НКВД СССР как закаленному в боях в годы войны боевому соединению. По-видимому, неслучайно его направили на самый крупный и важный объект в Калмыкии при проведении операции «Улусы» – в республиканский центр город Элисту. Организовавшись как воинское подразделение в 1922 году, он встретил Великую Отечественную войну в Таллинне, затем в составе 1-й Отдельной дивизии ВВ НКВД СССР участвовал по июнь 1943 года в ожесточенных боях под Новороссийском. В ноябре 1943 года прошел «закалку» в выселении карачаевского народа и зарекомендовал себя неплохо в проводимой НКВД операции. И вот теперь предстояла «война» с пособниками немцев – калмыками. Предстоящую «боевую задачу» командир полка полковник Хорьков, его заместители подполковник Котляр и майор Бубенцов, начштаба полка майор Кринкин хорошо себя представляли и стремились донести важность намеченной операции до офицерского и рядового состава. Штатный комплект полка заметно отличался от обычных воинских подразделений. Командный состав полка составлял 497 человек из общей численности в 1 226 единиц, а рядовой состав был небольшим – 729 бойцов, включая технический персонал на транспорте. Правда, никому было невдомек, даже полковнику Хорькову, зачем понадобилось везти с собой 4 пушечных орудия и 18 минометов, куда ни шло иметь при себе 116 ручных и станковых пулеметов, а то вдруг безоружные старики и женщины пойдут в атаку на вооруженных до зубов военных.

Откровенно говоря, старший оперуполномоченный отдела контрразведки НКВД «Смерш» капитан Резников был невысокого мнения о моральном состоянии полка. В донесении от 24 декабря 1943 года он информировал свое начальство о фактах мародерства в Карачаевске, в том числе командира полка Хорькова, переправившего домой в Москву бочку меда в 25 кг. И он опасался повторения рецидивов в Калмыкии. Напрасно старался бдительный капитан, он как в воду глядел. Мародерство было здесь сплошь и рядом, в еще больших размерах.

По моим приблизительным подсчетам было мобилизовано в небольшую республику для организации спецпереселения калмыцкого населения (в большинстве это были женщины, старики и дети) не менее 10 тысяч воинского контингента и это на 93 тысяч выселяемых (1 офицер или солдат на 9 человек детей, стариков и женщин). Поистине: курам на смех! В это время шла всенародная война с германским фашизмом, по-прежнему на советской земле, враг был еще силен, предстояло еще полтора ожесточенных года, чтобы добиться желанной победы над гитлеровской Германией. Каждый солдат, каждый командир позарез нужен был истекавшему кровью фронту. А в это время бериевцы с высочайшего утверждения «гениального стратега» затеяли «войну» в глубоком тылу с ни в чем неповинным мирным населением, в основном с детьми и женщинами. Такой, мягко говоря, произвол был учинен сталинско-бериевской опричниной в годы войны по отношению не только к калмыцкому народу, а ко многим и многим народам (депортации подверглось более 3 млн. 300 тысяч человек). Это в дополнение к проведенным в 20-е-30-е годы массовым репрессиям, которые исковеркали судьбы нескольких поколений советских людей.

А ведь за этими цифрами страшные страдания миллионов людей, жалких инвалидов, немощных стариков, беспомощных детей, которые неделями душились в холодных, грязных, непригодных для перевозки людей товарных вагонах, умирали тысячами от холода, голода и болезней в дороге, а затем их выбрасывали на безвестных сибирских полустанках. Детская память оставила во мне навсегда жуткие «вагонные» впечатления: мать безутешно рыдает над умирающим ребенком, по утрам в вагоне натыкаешься на окоченевшие трупы, укутанный всяким тряпьем человек

медленно погибает от дистрофии. Сохранившиеся в архивах рапорты комендантов эшелонов свидетельствуют о том, что самый высокий процент погибших среди спецпереселенцев приходился на воспаление легких и дистрофию.

Чтобы не быть голословным приведу некоторые цифры, подтверждающие мое заключение, только по одному из 4 сибирских регионов куда были высланы калмыки – Алтайскому краю: здесь из 478 погибших в пути умерло от воспаления, туберкулеза и дистрофии 290 человек. А сколько сотен и тысяч людей погибло от непривычных для них условий жизни, от всяких лишений в новых местах спецпереселения.

Справедливо считают: ничто не стоит по сравнению со слезой ребенка. Никогда не забуду, как в Сибири через некоторое время после поселения в глухой деревушке медленно умирала, простудившись в дороге моя единственная четырехлетняя сестренка, а мать была вынуждена оставлять дочь одну, чахнувшую у нас на глазах, и до глубокой ночи работать на полях колхоза. Мы со старым дедом бродили целыми днями по пашне в поисках замерзшей картошки или занимались обменом отцовских вещей на хлеб и картошку.

Страшным являлось то, что «отца всех советских детей» Сталина, его окружение совершенно не интересовали неимоверные страдания детей, инвалидов, стариков. Многочисленные факты наглядно подтверждают их бездушное, жестокое отношение к судьбам спецпереселенцев. Ведь – тот же Сталин, его нарком Берия хорошо знали: выселенные на Восток десятки народов были не виновны. Зато Берия и его ближайшие помощники из НКВД получали за очередную удачную операцию высокие правительственные награды и что дороже всего было им: благодарность великого Сталина. Сам Берия, его заместитель Серов, перебравшийся после Украины с поста наркома в НКВД СССР (впоследствии дослужившийся до генерала армии и председателя КГБ СССР), сумели заполучить за успешное проведение выселения немцев, карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей и других народов несколько орденов. Думаю, пришло время лишить генерала армии И.А.Серова, генерала-полковника В.В.Чернышова и других организаторов депортации народов их незаслуженно заработанных наград. Как это было сделано Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 апреля 1962 г. по отношению к 714 оперсотрудникам НКВД–НКГБ, награжденных в марте 1944 года боевыми орденами и медалями, за блестящее проведение операции «Улусы» на территории Калмыкии. Нельзя считать нормальным явлением, когда сотни, тысячи оперативных работников по линии НКВД, награжденных за свои «ратные подвиги» при выселении неповинных людей, до сих пор не лишены этих наград и числятся в заслуженных орденоносцах. Между тем память о черных злодеяниях сталинизма по отношению ко многим народам отягощает, несомненно, и сегодня межнациональные отношения в нашей стране, вызывает у многих недоверие. Поэтому правда о сталинских депортациях народов, полная политическая и юридическая реабилитация этих народов – одна из гарантий, что подобное не повторится в будущем. Правдивая, объективная с принципиальных позиций история о преступлениях прошлого нужна не только нам, живущим сегодня, но и нашим потомкам, которые с полным основанием, не боясь ничего, могли сказать свое решительное «нет» любому насилию.

Возвращаясь к вопросам депортации калмыцкого народа, мы имеем право утверждать, что сегодня усилиями специалистов-историков, широкой калмыцкой общественности, собственными глазами видевшей и испытавшей на себе ужасы преступной акции, можно воссоздать более или менее целостную картину насильственного выселения калмыков, организованное органами НКВД–НКГБ в конце декабря 1943 года.

На основании имеющихся у нас документов и материалов четко прослеживается, что репрессивный акт в отношении калмыцкого народа был задуман и осуществлен НКВД СССР. Роли здесь с октября 1943 года в руководстве НКВД СССР распределились таким образом. Миссия главного вдохновителя депортации калмыков как и других народов, принадлежала, несомненно, Л.П.Берия, который брал на себя решение главных вопросов на уровне Сталина и Молотова. Специальным эмиссаром при Берии являлся генерал Серов, который к тому времени набил себе «руку» по выполнению особых заданий «хозяина», начиная с переселения немецкого населения.

Приказом наркома о мероприятиях по переселению калмыков ответственность за подготовку и проведение операции «Улусы» была возложена на заместителя наркома внутренних дел СССР комиссара госбезопасности 2-го ранга В.В.Чернышева. Под его руководством при НКВД СССР была создана оперативная группа в составе начальника ГУЛАГА комиссара Госбезопасности 3-го ранга Наседкина, начальника отдела перевозок НКНД СССР комиссара госбезопасности 3-го ранга Аркадьева, начальника Управлении НКВД по Ивановской области комиссара госбезопасности 3-го ранга Маркеева, наркома внутренних дел Калмыцкой АССР комиссара госбезопасности Жукова, наркома Госбезопасности Калмыцкой АССР полковника госбезопасности Михайлова. Из состава этой оперативной группы Чернышев, Наседкин и Аркадьев, находясь в центральном аппарате НКВД, занимались главным образом вопросами перевозок по железной дороге и расселения калмыцкого населения в сибирских районах.

Для проведения всех необходимых мероприятий по делу «Улусы» приказом по НКВД СССР был командирован в Калмыкию комиссар ГБ Маркеев, начальником штаба операции «Улусы» назначен майор ГБ Золотов, направленный из аппарата НКВД как опытный в этих делах офицер. Штаб операции прибыл в Элисту задолго до начала выселения, так как на нем лежала вся подготовительная работа по организации переселения калмыцкого населения, начиная с учета выселяемых, кончая их подвозом и погрузкой в железнодорожные эшелоны. Штабу операции предписывалось по прилагаемой к приказу Инструкции (о которой я писал выше) организовать по каждому сельскому Совету оперативные участки, во главе которых назначались специальные уполномоченные НКВД СССР. Они утверждались по представлению штаба операции «Улусы» заместителем наркома внутренних дел СССР Чернышевым.

Проведение операции в улусах и хотонах осуществлялось непосредственно уполномоченными НКВД, в их распоряжении выделялось соответствующее количество оперативных работников и войск НКВД. Таким образом, как специальные представители НКВД–НКГБ они наделялись в период проведения операции большими полномочиями. В большинстве своем эти уполномоченные относились к старшему офицерскому корпусу.

Все мероприятия по проведению операции «Улусы» должны были проводиться строго в соответствии с утвержденной НКВД СССР Инструкцией, хотя тональность которой, судя по ее содержанию, свидетельствовала в определенной степени о том, что переселяемые лица не являются опасными для государства личностями.

Накануне выселения калмыков в Элисту прибыл, правда на короткое время, заместитель наркома ВД СССР генерал И.А.Серов. Его миссия была сугубо инспекционной: проверить готовность штаба к проведению операции «Улусы», выслушать рапорты уполномоченных НКВД о проделанной работе по выселению калмыцкого народа и дать последние указания по успешному выполнению запланированной акции. Поздним вечером 27 октября 1943 года в «Красном доме» на 4-м этаже в кабинете тогдашнего первого секретаря Калмыцкого обкома ВКП(б) Легкомидова И.А.Серов приказал собрать руководящий партийно-советский состав республики. «Совещание было назначено на 9 часов вечера у первого секретаря обкома. Нас всех удивило то, что днем сам первый секретарь Легкомидов звонил лично по внутреннему телефону руководящим работникам в Элисте и приглашал к себе на совещание, – вспоминает бывший управляющий делами Совнаркома КАССР С.-Г.М.Манджиев, – обычно это делал его технический секретарь из приемной или его помощник. Поэтому меня это несколько насторожило и, зайдя к зам.председателя Совнаркома Д.Гахаеву, пришли вместе к тогдашнему председателю Совнаркома Н.Л.Гаряеву и выразили ему свое недоумение таким приглашением Легкомидова. Нальджи Лиджиевич объяснил это важностью предстоящей встречи с нами генерала Серова, который, дескать, приехал в республику по вопросу выявления и ареста пособников немцев в период их оккупации нашей республики. Так примерно говорил Н.Л.Гаряев и до этого, когда я неоднократно спрашивал у него: с какой целью понаехало столько военных в республику и зачем понадобились сотни американских машин у нас, в Калмыкии. Правда, слова Нальджи Гаряева меня несколько успокоили, но все равно на душе было неспокойно. По-видимому, это было предчувствие беды.

Сходив пораньше домой на ужин, я немного раньше назначенного времени явился к Легкомидову. Войдя в его приемную, с удивлением заметил 2-х автоматчиков и майора

госбезопасности у входа в кабинет. А в самом кабинете вместо стульев были расставлены длинные скамейки, а у стола первого секретаря, горестно обхватив голову руками, сидел Н.Л.Гаряев, на краешке скамьи с понурым видом расположился Е.Кокшунов, тогдашний второй секретарь обкома. Нам стало понятно, что им сообщили какие-то плохие вести.

Через некоторое время дверь в кабинет распахнулась настежь, у входа встали два полковника, затем стремительно вошел генерал Серов, навстречу которому выбежал наш Легкомидов. Серов, быстро пройдя к столу первого секретаря, не стал садиться, а стоя у стола, сразу нам объявил: «По Указу Президиума Верховного Совета СССР Калмыцкая АССР ликвидируется, а сами калмыки выселяются в Сибирь». Больше он не счел нужным объяснять и спросил, есть ли к нему вопросы. Поскольку мы не могли опомниться от такого известия, то все долго молчали. И тогда встал Дорджи Гахаев и спросил у Серова: «На каком основании выселяется калмыцкий народ в целом?» На этот вопрос, помню, Серов сказал: «Ваша дивизия целиком разбежалась и ушла к немцам». Затем, некоторое время помолчав, вдруг сказал, махнув рукой: «И этот ваш Городовиков». Совершенно было непонятно, что он имел под этим ввиду.

И снова поднялся Д.Гахаев с вопросом: «Как быть с членством в партии?» На этот вопрос Серов грубо отрезал: «Все будет зависеть от вас самих. Как вы поведете себя там в Сибири».

Так закончилось наше, так называемое совещание, созванное И.А.Серовым в период его приезда в Элисту. После совещания нас вызывали по списку и по одному отводили домой в сопровождении офицера и 2-х бойцов с автоматами».

По-видимому, генерал Серов в качестве главного «контролера» по проведению операции «Улусы» прибыл в Калмыкию срочно, на очень короткое время, потому что ни в каких официальных приказах и распоряжениях по НКВД его командировка не обозначена; по крайней мере, нам это пока обнаружить не удалось. Но это вовсе не дает основания утверждать, что И.А.Серов не был тогда в Калмыкии, в Элисте и поэтому получается, что эта зловещая фигура на сталинском поприще якобы не причастна к депортации калмыцкого народа. Мне представляется, что личность его, черные деяния генерала Серова должны быть рассмотрены всесторонне и объективно, просто ему удалось в 50-е годы (в отличие от Меркулова, Кобулова и других) ловко примазаться к новой хрущевской команде, и, войдя в доверие к Н.С.Хрущеву, быстро проскочить на роль первого руководителя очень важного у нас в стране государственного ведомства.

Итак, подведем некоторые итоги подготовки операции «Улусы». В середине октября 1943 г. (за полтора месяца) Государственный Комитет обороны утвердил решение о выселении калмыков в сибирские районы – Алтайский и Красноярский края, Омскую и Новосибирскую области. В этот же день 14 октября было принято постановление Совнаркома СССР о переселении калмыков в вышеназванные края и области Сибири и дано поручение ряду наркоматов СССР – Наркомзему СССР, Наркоммясомолпрому СССР и Наркозагу СССР организовать учет и прием оставляемого скота от колхозов, совхозов, колхозников и единоличников переселяемых калмыков; Наркомату путей сообщения СССР подготовить необходимое количество железнодорожных эшелонов для перевозки спецпереселенцев; НКВД СССР обеспечить учет и подлежащего выселению калмыцкого населения. Через некоторое время был издан приказ НКВД СССР о мероприятиях по проведению операции «Улусы» в отношении всех калмыков на территории СССР. Этим же приказом была утверждена «Инструкция НКВД о порядке проведения мероприятий по делу «Улусы», конкретизирующая организацию подготовки и проведение операции. В приказе было определено потребное количество выделяемого оперативного состава и автотранспорта в распоряжение уполномоченных НКВД СССР. 18 октября 1943 года была принята Наркомземом СССР «Инструкция о порядке приемки имущества переселяемых колхозов, колхозников, единоличников, рабочих и служащих по специальному решению».

Нет сомнения в том, что все эти правительственные документы, вышедшие один за другим почти одновременно, были подготовлены и санкционированы «кремлевской верхушкой» заранее, поскольку для принятия такого характера решений на уровне союзного правительства требуется не день, не два, а гораздо больше времени. Конечно, вопрос о депортации калмыков и других народов, подвергшихся вслед за

ними выселению, был решен Сталиным и его ближайшим окружением твердо и окончательно тоже заблаговременно. Правда, чему приходится больше удивляться: тонкому лицемерию и рассчитанному ханжеству сталинского окружения или правая рука не ведала, что творит левая, когда в это время в октябре 1943 года Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление о мерах оказания помощи Калмыцкой АССР, пострадавшей в период немецко-фашистской оккупации. При подготовке этого важного для трудящихся Калмыкии решения П.В.Лаврентьев, тогдашний первый секретарь обкома ВКП(б), и Н.Л.Гаряев, председатель Совнаркома республики, судя по их воспоминаниям, не один раз были приняты «вождями славной сталинской когорты» – Молотовым, Маленковым, Андреевым и другими членами Политбюро ЦК ВКП(б). А ведь они прекрасно знали о том, что вопрос о ликвидации Калмыцкой АССР и выселении калмыков является вопросом решенным и никаких мероприятий по оказанию помощи калмыцким трудящимся не потребуется. Ради сохранения в тайне «специального решения» под грифом «совершенно секретно» в отношении калмыков верные соратники Сталина разыгрывали этот постыдный фарс.

Окончательными документами, как бы подводившими итог об упразднении Калмыцкой АССР и переселению калмыков в Сибирь, явились Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 года «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР» и постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР от 28 декабря 1943 года, в день депортации калмыцкого народа.

Безусловно, эти два вышеназванных правительственных акта, будучи очень важными по своей значимости в определении судьбы калмыцкого народа, являются разноплановыми по своей целевой направленности. Если в Указе Президиума Верховного Совета СССР был решен главный принципиальный вопрос – о выселении калмыков и в констатирующей части Указа дана мотивировка причин депортации калмыцкого народа, то в решении Совнаркома Союза ССР были определены конкретные мероприятия по организации выселения калмыков (эта задача в постановлении была возложена на НКВД СССР), а также по приему, размещению и вовлечению прибывающих калмыков в отраслях народного хозяйства, обеспечению спецпереселенцев кредитами на хозяйственное обзаведение и индивидуальное жилищное строительство под гарантию колхоза и совхоза.

В постановлении СНК СССР были записаны конкретные задания соответствующим наркоматом и крайоблисполкомам, которым надлежало заниматься организационными, хозяйственными и финансовыми вопросами, связанными со спецпереселением калмыцкого населения.

Поскольку крайне затруднительно и почти невозможно переизложить все разделы этого объемного правительственного акта (он отпечатан на 4-х машинописных страницах) и, главное, данное постановление Совнаркома Союза ССР у нас было до сих пор неизвестно (мне удалось его обнаружить в спецфонде ЦГАОР), то, наверное, просто необходимо дать здесь полностью его текст (тем более он не подлежал опубликованию из-за своего пресловутого грифа «сов. секретно».

Сов.секретно
№ 1432/425/СС
ПОСТАНОВЛЕНИЕ
Совета Народных Комиссаров Союза ССР
28 декабря 1943 г. Москва. Кремль.

Совет Народных Комисаров Союза ССР постановляет:

1. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР всех калмыков, проживающих в Калмыцкой АССР, выселить в Алтайский и Красноярский края, Омскую и Новосибирскую области.
Выселение калмыков возложить на НКВД СССР.

2. Обязать НКВД СССР направить выселяемых калмыков:

в Алтайский край	– 25.000

	человек
в Красноярский край	– 25.000 человек
в Омскую область	– 25.000 человек
в Новосибирскую область	– 20.000 человек

3. Возложить на Алтайский и Красноярский крайисполкомы, Новосибирский и Омский облисполкомы:
а) Прием, размещение и вовлечение прибывающих спецпереселенцев в члены сельскохозяйственных, рыболовецких и промысловых артелей и наделение приусадебными участками в соответствии с уставом сельхозартели;
б) Оказание содействия по строительству собственных домов переселяемых путем предоставления местных строительных материалов;
в) Расселение калмыков производить главным образом в сельском хозяйстве, животноводстве и рыболовецких хозяйствах. Рабочих, служащих в предприятия районов вселения с использованием по специальности. Расселение производить в первую очередь в пустующие здания колхозов и совхозов, путем освобождения части зданий в труднопереселенческих и спецпоселках, а также путем уплотнения жилых зданий в колхозах, совхозах и подсобных хозяйствах.

4. Обязать председателей крайисполкомов: Алтайского – тов.Корчагина, Красноярского – тов.Колущинского, облисполкомов – Новосибирского – тов.Токарева и Омского – тов.Гришина для обеспечения приема и размещения прибывающих переселенцев провести следующие мероприятия:
а) Создать краевые и областные комиссии в составе председателей крайисполкомов, секретарей обкома и начальников УНКВД. Возложить на эти комиссии проработку и проведение всех мероприятий, связанных с приемом и размещением прибывающих спецпереселенцев;
б) Командировать в места вселения ответственных представителей для проведения организационно-хозяйственных подготовительных мероприятий по размещению прибывающих;
в) В каждом районе вселения спецпереселенцев организовать тройки в составе председателя райисполкома, секретаря райкома и начальника УНКВД. На указанные тройки возложить организацию встречи прибывающих спецпереселенцев и направление их к месту вселения.
г) Обеспечить наличие к моменту прибытия эшелонов с переселенцами на станциях разгрузки представителей колхозов, совхозов и подсобных предприятий, в которые вселяются прибывающие, а также достаточное количество мобилизованного транспорта для перевозки вещей и детей спецпереселенцев.
д) В местах вселения ко времени прибытия переселяемых обеспечить подготовку помещений для из размещения.

5. Для обеспечения питанием прибывающих спецпереселенцев в первые дни их устройства и освоения НаркомЗагу СССР и Наркоммясомолпрому СССР выделить Красноярскому и Алтайскому краям, Омской и Новосибирской областям продовольственного фонда по расчету согласно приложения № 1 в счет оставленного спецпереселенцами на месте скота и зерна.

6. Обязать Правление Сельхозбанка (тов.Кравцова) обеспечить выдачу кредитов для спецпереселенцев на индивидуальное жилищное строительство и хозяйственное обзаведение из расчета до 5 тыс. рублей на семью с рассрочкой на 7 лет под гарантию колхоза и совхоза.

7. Обязать Госплан СССР (тов.Вознесенского) выделить в 1-м квартале 1944 года для производства ремонта и приспособлений жилых зданий и других построек спецпереселенцам в течение января и февраля 1944 года:

	пиломатери	катанка для	стекл

	алов	гвоздей	а
Алтайскому краю	– 5 тыс.м3	7 тонн	2 вагона
Красноярскому краю	– 3 тыс.м3	7 тонн	2 вагона
Омской области	– 3 тыс.м3	7 тонн	–
Новосибирской области	– 3 тыс.м3	7 тонн	2 вагона

8. Предоставить право Красноярскому и Алтайскому крайисполкомам, Омскому, Новосибирскому облисполкомам мобилизовать для перевозки спецпереселенцев авто- и гужтранспорт любых предприятий союзной и местной промышленности и колхозов, а также использовать автотранспорт, работающий на вывозке зерна в попутном и порожном направлении.

9. Обязать НКВД СССР организовать в районах расселения спецперсселенцев спецкомендатуры НКВД СССР. Зарплату работникам спецкомендатур установить наравне с оперативными работниками УНКВД.

10. Обязать Наркомзем СССР (тов.Андреева), Наркомсовхозов (тов.Лобанова), Наркоммясомолпром (тов.Смирнова), Наркомрыбпром (тов.Ишкова), Наркомзаг СССР (тов.Субботина) организовать прием от спецпереселенцев в районах по указанию НКВД СССР: Наркомзему – лошадей и др. рабочий скот, Наркомсовхозов – племенной скот, Наркоммясомолпрому – молочный и другой продуктивный скот, Наркомрыбпрому – рыбную продукцию и орудия лова, Наркомзагу – продукцию сельского хозяйства. Прием всего скота, рыбной продукции и продукции сельского хозяйства, а также компенсацию за принятое имущество спецпереселенцев производить на условиях, установленных постановлением СНК СССР № 1118-342сс от 14 октября 1943 года.

11. Обязать Наркомздрав СССР (тов.Митерева) обеспечить по согласованию с НКВД санитарно-медицинское обслуживание эшелонов со спецпереселенцами в пути.

Заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР (В.Молотов)

Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров СССР (Я.Чадаев)

Анализируя этот правительственный акт, нельзя не заметить, что он принят задним числом, выполняя как бы принятый официальный порядок. На первый взгляд все протокольно правильно: вышел сначала Указ высшего законодательного органа страны, а затем в его развитие, для исполнения в жизнь изданного Указа на следующий день принимается решение государственного исполнительного органа страны. Хотя даже неискушенному в бюрократических премудростях человеку совершенно ясно, что невозможно давать поручение в день принятия постановления скажем, НКВД СССР заниматься вопросами выселения калмыцкого населения, если с утра 28 декабря началась широкая акция в отношении калмыков. И таких допущенных «ляпсусов» в постановлении Совнаркома СССР можно обнаружить немало. Между тем понятно, что не какие-то наивные простачки готовили и подписывали этот важный правительственный акт.

А ларчик, как говорят, открывался просто. Дело заключалось в том, что все правительственные документы по депортации народов, во-первых, подготавливались от начала до конца руководством НКВД–НКГБ СССР, во-вторых, необходимые мероприятия по подготовке проведения операции с выселениями принимались им за много времени вперед (как было с немцами, калмыками и другими) и издавались в рассчитанные сроки приказы по НКВД, в которых все было до мелочей предусмотрено (ведь организацией переселения народов от начала до конца и занимались собственно органы НКВД); в-третьих, Совнарком СССР принял задолго до Указа Президиума Верховного Совета СССР еще одно решение, в котором определялись многие вопросы,

связанные с выселением, приемом и расселением спецпереселенцев (например, постановление СНК СССР 14 октября 1943 года, о котором говорилось выше).

В этой связи хочу поправить моего уважаемого коллегу из Москвы Н.Ф.Бугая, который в статье «О депортации калмыцкого народа» («Теегин герл», 1990. – № 3) ошибочно утверждает (очевидно, по невнимательности), что Указ от 27 декабря 1943 года определял предварительный план количественного распределения калмыков на проживание по сибирским регионам. И далее в статье со ссылкой на Указ излагается, какие мероприятия было поручено крайоблисполкомам осуществить по приему и размещению спецпереселенцев-калмыков. В действительности конкретные меры по подготовке приема и расселения калмыцкого населения в сибирских районах, план их распределения как раз были определены не в Указе, а в постановлении СНК СССР от 28 декабря 1943 года.

На этом моменте я заострил внимание несколько преднамеренно не с тем, чтобы поймать «на удочку» ценимого мною как крупного, интересного исследователя Николая Федоровича, а просто люди не были введены в заблуждение, и знали точно тексты двух вышеуказанных основных правительственных документов. Исходя из этого, я привел полностью в своей книге их тексты.

После принятия решения о депортации калмыцкого народа на уровне Государственного Комитета обороны и Совнаркома СССР началась конкретная разработка планов подготовки выселения органами НКВД. В октябре 1943 года заместитель наркома внутренних дел СССР В.В.Чернышов созвал в Москве совещание руководителей Управлений НКВД по Алтайскому и Красноярскому краям (Антонов, Семенов), по Омской и Новосибирской областям (Захаров и Петровский), где определялись предварительный план размещения спецпереселенцев-калмыков и другие вопросы, связанные с приемом и расселением прибывающего спецконтингента. В том же октябре Чернышов провел вместе с генералом Серовым расширенное совещание уполномоченных НКВД, отвечающих непосредственно за подготовку выселения калмыков. Разработка планов депортации калмыцкого населения была проделана в масштабе всей Калмыкии, а также каждого улуса, сельсовета, поселка, села и хотона. Были утверждены в НКВД составы областной и улусных троек, ответственных за подготовку и проведение операции «Улусы». Кроме того, были тогда же назначены специальные уполномоченные по каждому оперативному участку, под началом которого находилось рассчитанное количество оперативного состава, войск НКВД и автогужевого транспорта. С помощью партийно-советских работников и активистов уполномоченные обязывались в кратчайший срок произвести в подведомственных им сельсоветах под видом проверки учет семейств в разрезе мужчин, женщин и детей, а также имеющегося скота, построек и имущества. Каждый уполномоченный разрабатывал подробный план операции, имея мелкомасштабную карту оперативного участка, схему маршрута движения автотранспорта от каждого населенного пункта к ближайшей (намеченной) станции железной дороги, расположение КПП, засад, дозоров и патрулей и т.д. Кроме того, уполномоченными НКВД составлялся расчет потребного количества оперативного состава, войск НКВД и автогужевого транспорта по каждому оперучастку.

В общем дисциплинированные сотрудники НКВД потрудились неплохо в подготовке акции выселения калмыков и оставили нам бесценный материал в архивах, позволяющий в деталях представить депортацию калмыцкого народа.

Один из таких любопытных документов, представляющий для читателей интерес, привожу ниже (без имеющегося текста).

Расчет потребного количества оперативного состава, войска НКВД и автогужевого транспорта по Кануковскому оперучастку Лаганского улуса		
Наименование населенного пункта	Число семейств	Кол-во оперсотрудников

Данный расчет был утвержден заместителем начальника оперативной тройки по Лаганскому улусу майором Госбезопасности Мошкевичем. В документе специально оговорено, что учет калмыцких семей проводился накануне вместе с русскими,

татарами и казахами под видом выявления скрывающихся в хотонах парашютистов, диверсантов и бандитов.

В результате такого подворного обхода по Кануковскому сельсовету было выявлено 1 146 человек калмыцкой национальности (из них 203 мужчин, 436 женщин и 507 детей). Исходя из этой численности, был составлен план вывоза спецконтингента из Кануковского оперучастка. Вывоз людей предполагалось осуществить в течение 2-х дней, согласно плана на один рейс автомашин от каждого населенного пункта до станции Улан-Хол рассчитывалось затратить не более двух часов, на разгрузку машин – 30 минут. Первый рейс автомашин со спецпереселенцами намечался в 10 часов утра, а второй – в 14 час. 30 мин. Всю операцию по выселению и перевозке калмыцкого населения по этому оперучастку планировалось осуществить в течение 2 дней.

Что касается самого крупного в Калмыкии тогда населенного пункта – города Элисты, то руководством НКВД СССР, штабом операции во главе с комиссаром ГБ Маркеевым, проведению здесь выселению проживающих калмыков было уделено особое внимание. В отличие от других населенных пунктов город Элиста был разделен на несколько оперативных участков, каждый из которых возглавлялся специальными оперуполномоченными НКВД СССР. Во всех оперучастках Элисты, как и во всех населенных пунктах республики, был разработан подробный план операции, составлена оперативная карта города, под определенной легендой проведен подворный учет калмыцкого населения (в архивных фондах сохранились списки калмыков – жителей города тех военных лет, узнаешь немало известных семей, которые, кстати, проживают после возвращения из сибирской ссылки на тех же улицах). Штабом операции «Улусы» большое внимание придавалось оперативному вывозу из Элисты выселяемых калмыков до железнодорожной станции Дивное. Им был утвержден план подвозки людей к стоявшим на станции железнодорожным эшелонам, составлено буквально по часам расписание погрузки спецконтингента на автомашины в Элисте и его разгрузки в Дивном. Согласно утвержденного плана штаб из 1 355 американских «студебеккеров» направил 100 грузовых машин в Элисту для перевозки калмыцкого населения до железнодорожной станции, 71 автомашина была использована в ходе операции, 29 находились в резерве.

Для осуществления карательной акции, направленной в Калмыкию 3-й мотострелковый полк был сосредоточен в основном в Элисте. В день 28 декабря подразделениям полка было приказано заниматься не только выселением калмыцкого населения в городе (хотя штаб считал эту функцию полка самой главной), но им также предстояло установить КПП (контрольно-проверочные посты) на дорогах Элиста–Астрахань, Элиста–Сталинград, Элиста–Ставрополь и, наконец, Элиста–Ростов-на-Дону. Кроме того, на других дорогах, тропинках и окружавших город балках полк был обязан выставить дозоры, засады и патрули. Караульные посты обязаны были стоять на всех улицах и переулках города, пункты заграждения и службы оцепления обеспечивались командованием полка на всех сборных пунктах Элисты. Забегая вперед, скажу, что 3-й отдельный мотострелковый полк оправдал надежды руководства НКВД СССР и его особое задание постарался выполнять на должном уровне, за что заслужил благодарности и награды «замечательного соратника товарища Сталина» Л.П.Берия.

В Сибирь на долгие годы

И скот ревел, и вдовы выли
Над Волгой мчались поезда,
Людей насильно увозили
В Сибирь на долгие года!
С.Мазуркевич

Подготовительные мероприятия по проведению операции «Улусы» осуществлялись руководством НКВД–НКГБ СССР в глубокой тайне. Прибывшие подразделения войск НКВД и его оперативный состав были ознакомлены с приказом о соблюдении секретности проводимой акции, об этом неоднократно предупреждали на различных совещаниях, руководители штаба операции и строго требовали от рядового состава сохранения тайны. Однако местное население догадывалось о том, что неслучайно на так называемый «отдых» понаехало к ним отовсюду столько военных, да еще на больших грузовых машинах. Даже наш однорукий старый дед Бадаха, единственный

взрослый мужчина в нашей семье, подсчитав количество прибывших автомашин в наш хотон и число в нем жителей, не беря даже во внимание всевозможные слухи о выселении, которые просачивались к калмыкам от прибывших солдат, уверенно считал, что машины и военные приехали перевозить нас с родных мест и заставил поэтому женщин предварительно упаковать в мешки самые необходимые вещи и уложить их под своей кроватью.

О намечавшейся депортации калмыцкого народа были осведомлены и многие руководители НКВД соседних республик, краев и областей – Дагестанской, Северо-Осетинской, Кабардино-Балкарской АССР, УНКВД Ставропольского края, Астраханского округа, Сталинградской и Ростовской областей. Так что тайну с выселением абсолютно сохранить не смогли, хотя в целом удалось удержать в секрете подготовку и начало операции.

И вот, когда к намеченному сроку подготовительная работа по организации выселения калмыцкого народа была в основном завершена рано утром 28 декабря 1943 года согласно Указа Президиума Верховного Совета СССР и приказа НКВД СССР началась карательная операция «Улусы». Ночью, накануне операции, произвели аресты по специальному списку, в который попали лица, вызывающие сомнения в их правильном поведении – зарекомендовавшие себя в сочувствии к троцкистам, бухаринцам, буржуазным националистам и т.д. В эту же ночь заставили после совещания у генерала Серова собирать вещи и готовиться к выселению весь партийно-советский актив, находящийся в Элисте. Конечно, это было парадоксальным явлением, когда актив был приравнен к подозрительным элементам и заранее подвергнут выселению. Очевидно, штаб операции «Улусы» опасался, чтобы партийно-советские руководители, пользуясь своим положением и влиянием, не помешали выселению калмыцкого населения.

Начавшееся 28 декабря 1943 года выселение калмыков, продлившееся до 31 декабря, коснулось в основном калмыцкого населения, проживавшего на территории Калмыцкой АССР и являлось первым этапом депортации калмыцкого народа.

Вторым этапом в марте 1944 года стала операция по выселению калмыков, проживающих на территории Ростовской области. В июне 1944 года было осуществлено переселение в Сибирь калмыков, проживавших в Сталинградской области. Это был 3-й этап депортации калмыков. Был еще и 4-й этап гнусной акции в отношении солдат и офицеров калмыцкой национальности, находящихся на фронтах, когда распоряжением начальника VIII Управления Генерального Штаба Красной Армии генерала Смородинова от 8 января 1944 года всех калмыков-военнообязанных было приказано демобилизовать и направить в Астрахань, а там передавать во владение НКВД СССР. Исходя из этого приказа, офицерский состав стали собирать в Новосибирске и Бийске, а рядовой состав фронтовиков-калмыков везли на станцию Половинка Пермской (б. Молотовской) области и в мае 1944 года согнали в Широковский исправительно-трудовой лагерь на строительство новой ГРЭС. Процедура выселения калмыцкого населения во всех местах была одинаковой: спускался сверху приказ НКВД СССР за подписью Л.П.Берия, после этого проводилась тщательная подготовка операции, затем сама операция, которая происходила оперативно, по-военному. Сначала о происходившем насильственном выселении калмыцкого населения 28 декабря 1943 года. Придя в этот день на рассвете в калмыцкие семьи опергруппа НКВД на сборы вещей в далекие стылые края давала не более часа, а где и 20-30 минут. Все зависело от доброй или злой воли военных. Что мог собрать вконец растерявшийся и убитый горем человек? Да и как можно было за какие-то 20-30 минут что-то собрать? Как определить и выбрать самое нужное? Поэтому многие вышли из дома с детьми в чем были обуты и одеты: без теплых вещей, без пищи, не взяв ничего с собой. Для таких это была в пути верная гибель. Правда, во многих семьях рядовые солдаты, несмотря на строгие бериевские инструкции, помогали собирать вещи и упаковывать багаж.

Помню, как в нашем доме в хотоне Утта-Номрун два пожилых солдата, родом откуда-то из Сибири, после проведенного обыска помогали сами заталкивать обратно в мешки теплые вещи, дорогие костюмы и шубы отца, отобранные до этого дедом, посоветовали упаковать швейную машинку, ставшую для нашей семьи в сибирской глубинке настоящей кормилицей. В это время пока мы с солдатами собирали в мешки свои вещи молодой офицер, пришедший во главе опергруппы ни во что не

вмешивался, взял патефон и, уйдя с ним в дом дяди с интересом слушал калмыцкие песни. Таких примеров добросердечного отношения, когда многие военные с пониманием отнеслись к участи бедных выселенцев было немало. «Рано утром, когда я проснулась, – вспоминает В.Э.Нахатинова (Буринова), – то увидела у нас в доме двух военных и нашу бабушку, которая ползала по полу, показывала солдатам похоронки на двух своих сыновей: моего отца и его старшего брата. Тогда один из солдат (офицер, по словам бабушки) вышел на улицу и привел к нам еще одного солдата и калмыка-мужчину. Они нам собирали вещи, связывали в багаж. Затем этот офицер помог бабушке погрузить мешки с вещами на машину, увозившую нас на станцию Сальск. Потом в вагоне и долго по приезду на новое место наша верующая бабушка начинала день с молитвы русскому офицеру, благодаря которому мы выжили в Сибири холод и голод».

Однако было множество фактов, когда пришедшие сотрудники НКВД, не дав возможности собрать хотя бы кой-какой багаж, сгоняли людей без самых необходимых вещей на сборные пункты. Житель села Чапур Улан-Хольского улуса Б.Э.Тугульчиев, оставшийся в семье из 9 человек в Сибири один, испытал на себе подобное жестокое обращение: «Рано утром военные ворвались в наш дом, когда мы еще спали. Подняв нас всех с постели, начали кричать на отца и мать, чтобы скорее нас, детей, одели и вывели на улицу. Не дав возможности собрать вещи, погнали нас, как скот, к сборному пункту. Помню только, как отец тащил меня на себе».

Писатель Тимофей Бембеев в автобиографической повести-хронике «Дни, обращенные в ночи» описывает подобный же факт безжалостного отношения к несчастным выселяемым, где вдобавок, пользуясь моментом, пришедшие военные занимались мародерством: «Переведи матери, – офицер кивнул на ааку, – вас, как пособников немцев решено сослать в Сибирь. Есть постановление правительства, так что даю 15 минут на сборы?

– О каких немцах говорите? Мы же ни одного немца в глаза не видели? – Не теряйте времени, собирайтесь, иначе голыми выкину на мороз!.. – С врагами так бы, а то с детьми... – Замолчи, щенок! – Офицер вновь заорал, топнув ногой. – Спроси, есть ли оружие? – Какое у нас может оружие? Офицер заставил открыть наш кованый сундук и начал рыться в нем. Что-то положил в карман. Аака встрепенулась и всплакнула: «Скажи, пусть отдаст золотое кольцо и серьги мои, а то у нас нет более стоящего».

Я сказал, он и ухом не повел. Отдельно в чемодане находились вещи брата, которые он отослал с оказией, когда его, студента на фронт забирали. Офицер и там порылся, забрал новенький костюм, вышитую рубашку, матросскую форменку и туфли. Затем он разрешил и нам собраться в путь. Аака с тетей бродят по дому, не зная, что взять, что оставить».

Многих выселили без вещей и по разным другим причинам. Например, при посадке на машины сопровождавшие солдаты-конвоиры просто выбрасывали чемоданы и мешки с вещами, чтобы побольше разместить людей. Некоторые семьи были вынуждены выехать без денег, одежды и пищи, находясь вне дома или в гостях. Многих калмыков выслали, когда они находились вдали от своего очага по производственным делам, в командировках. Например, семья Лиджи Цеденова, следовавшая из Элисты в Башанту вместе с другими семьями (Куриновых, Утнасуновых, Улановых) была выслана из хутора Зюнгар Западного улуса без одежды, денег и пищи. Сам глава семьи находился на фронте, бабушка с вещами дома в Элисте, а мать с четырьмя детьми малыми на руках, простудившись в вагоне, сильно заболела и еле выжила до приезда к добрым, заботливым людям в сибирской деревушке Царицыно Омской области. В свои неполных 15 лет, оставшаяся в семье за старшую, дочь Цеденова (Уланова) А.Л. пошла зарабатывать трудодни в колхозе.

Разве можно было прожить в те годы на колхозные трудодни, когда вдобавок у самих старожилов в деревне нечего было есть. Так многие в Сибири поумирали от голода и холода.

Такая же примерно история приключилась в семьей директора совхоза Эляевых, который в день выселения находился в командировке в Ставрополе. Семья его: больная жена, трое маленьких детей, племянник-сирота, старая мать, приехавшие накануне к отцу в совхоз, выехала в Сибирь в чем были одеты и обуты. И ужасно

настрадались в пути в вагоне и на новом месте в Новосибирской области, пока в мае 1944 года их не нашел отец и не перевез в другое место.

Печальная участь постигла многих каспийских рыбаков. Большая группа приморских калмыков, в основном мужчины, подверглась выселению непосредственно с рыбных промыслов: без денег, без самых обиходных, а главное, без теплых вещей, все оставив дома, на суше. Потом в Сибири многие из них долго мыкались, месяцами разыскивая свои семьи и не имея возможности с ними соединиться. А за это время многие престарелые их родители, малые дети, да у некоторых и жены, без мужской опеки в холодных товарняках и морозной Сибири поумирали и сгинули в неизвестность. Сколько таких сотен, тысяч горестных трагедий хранит память многих калмыков! Не перечесть их никому.

Так умерла весной 1944 года после болезни моя бабушка Аака в глухой сибирской деревушке Нижний Коен, не дождавшись своего старшего сына Басанга, который, работая рыбоприемщиком на море, был выслан вместе с рыбаками и попал на какой-то военный завод в Новосибирске. Навряд ли он выбрался так быстро оттуда, если бы судьба не оказалась к нему благосклонной. Продолжая работать после фронта в системе НКВД, в то время капитан госбезопасности Николай Бадмаевич Чидингов будучи как-то по делам службы на этом заводе, узнал в списке спецпереселенцев-рабочих фамилию своего зятя и помог ему выехать к семье.

В каждом хотоне, поселке и городе согласно запланированной операции был определен общий сборный пункт, куда сгонялись все выселяемые калмыцкие семьи. Например, в Элисте, таким сборным пунктом стал район кинотеатра «Родина», который был огорожен канатом и охранялся со всех сторон солдатами. На небольшой площадке у кинотеатра и внутри в самом здании продержали до вечера большое скопление спецпереселенцев, без пищи, без отдыха. В благодарной памяти калмыков сохранились до сих пор прекрасные примеры большой дружбы, высокой доброты и великодушия, хорошего понимания со стороны элистинцев черного злодеяния, жестоко обрушившегося на головы невинных людей. Несмотря на ограждения и запреты караульных служб, многие элистинцы выражали своим соседям-калмыкам, сослуживцам, просто хорошим товарищам слова сожаления случившимся, как могли успокаивали, несли им из дома свой последний хлеб, чай, мясо, совали в руки деньги, теплую одежду и простаивали с ними вместе до вечера. Например, председатель Госплана республики Постников передал двум своим товарищам по работе по 500 рублей денег, извиняясь как бы при этом, что он больше не сумел ни у кого занять. Затем сбегал к кому-то, принес товарищам на дорогу по ножке баранины.

Были и другие примеры высокого товарищества и хорошей человеческой доброты к людям. «В ту ночь мой отец, тогда нарком юстиции республики, вернулся домой не один. Его сопровождал оперсотрудник госбезопасности. Нас всех разбудили, и отец сказал, что надо срочно собираться. Куда и зачем, нам не объяснили, – вспоминает Галина Алексеевна Бадминова. – Собрались мы быстро, потому что еще не успели растащить все мешки, с которыми вернулись из эвакуации.

Этой же ночью нас всех повели к кинотеатру «Родина». Там было уже немало калмыцких семей. Продержали здесь в кинотеатре два дня. Кормили один раз, за пределы кинотеатра никуда не выпускали – к нам были приставлены солдаты охраны. На третий день, когда собрали всех проживающих в Элисте калмыков, подогнали к кинотеатру «Родина» крытые брезентом большие грузовые машины. Перед посадкой в машины, в которых нас повезли к железной дороге, вокруг оцепили военные. Кто плакал, а многие молча с болью, недоумением и тревогой смотрели друг другу в глаза. Было страшно. Что такое война, эвакуация, лишения, мы уже знали, но то, что свалилось нежданно-негаданно было видимо, еще страшнее, потому что умом этого нам было не понять. Глазами я отыскала в толпе провожающих свою близкую подружку Розу Собачкину, дочь секретаря обкома партии. Она прямо рвалась через конвой, старалась дотянуться, чтобы пожать на прощание руку. Ведь совсем недавно мы вместе с ней, вступая в ряды комсомола, поклялись на верность идеям Ленина, идеям революции. Вступали в комсомол в тяжелое время, когда фронт приближался к Элисте, и тогда мы получили красные книжечки. И вот теперь мы с Розой расставались и не понимали почему».

Уже к вечеру к сборному пункту в Элисте – кинотеатру «Родина» стали подгонять покрытые брезентом большие грузовые машины. Погрузив выселяемых на американские машины, повезли под охраной вооруженных солдат к железнодорожной станции Дивное. Сюда подавали поезда, составленные из двухосных вагонов – «теплушек», в которые загружали по 40-50 человек в каждый, разместив «арестантов» в два яруса.

В назначенные сроки Транспортный отдел НКВД подготовил только на первое время 46 железнодорожных состава. И это в разгар большой войны, когда на фронтах шли ожесточенные сражения с ненавистным фашизмом.

«На улице всех ждут огромные американские военные машины «студебеккеры» – пишет писатель А.Балакаев. – Старушек и стариков, женщин и детей, словно арестантов, солдаты, вооруженные до зубов, выталкивают из насиженных мест, родных домов, где жили их предки и откуда на фронт ушли сыновья, мужья и отцы. Всем приказывают садиться в машины, но никто не может подняться и забраться за высокие борта чужеземной машины. Тогда солдаты хватают за руки и ноги, бросают в кузов. Я раньше никогда не видел такую дикость, грубость, жестокость. Жизнь преподнесла еще один урок: собака, говорят, друг человека. Это верно. Но не менее верным и преданным оказывается и скот. Ох, как скорбно и тоскливо, печально и жалобно мычали коровы, блеяли овцы, ржали лошади, плакали верблюды: от этой какофонии становится жутко и страшно, в жилах стынет кровь, можно сказать, волосы становятся дыбом».

Такую страшную картину можно было наблюдать повсюду: во всех калмыцких хотонах, селах и поселках. А многие железнодорожные составы, так необходимые фронту, простаивали на путях по нескольку дней, до тех пор, пока найдут и повезут калмыков из отдаленных хотонов и затерявшихся в стели чабанских стоянок. За это время в холодных товарных вагонах, продуваемых сквозняками, люди мерзли без пищи и тепла, многие старики и просто больные умирали здесь же, еще не тронувшись с места. Медицинской помощи, конечно же, не было. Каждому калмыку довелось пережить столько горя, что хватило бы в обычное время на сотни человеческих судеб.

«С вечера все было спокойно, никто ни о чем не тревожился. А наутро у каждой двери стоял солдат, – вспоминает Ботха Шоваева. – На улицу никого не пускали. В доме у себя, как всегда по утрам, сварили чай, попили его. Начали убирать в доме. Обычные хлопоты.

– Собирайтесь, быстрее-быстрее, – заторопили нас ближе к обеду. Мы ничего не знаем, ни о чем не догадываемся. Что случилось, никак в толк не возьмем. Ясный день на дворе, а людей из домов силком выгоняют – побыстрее, побыстрее. Солдаты ни о чем не говорят. Правда те, что к нам зашли, посоветовали брать с собой побольше вещей. Что, зачем, куда – неизвестно.

Вместе с нами в то время жил младший брат моего мужа – Сергей Шоваев. Он был ранен где-то на Кавказе, и приехал после госпиталя в отпуск. Сергея и его сверстников призвали в армию после оккупации и отправили сразу на фронт. Из всех призванных, в живых только он остался. Так вот он, когда стали всех на улицу выгонять, надел шинель, вышел во двор и стал доказывать солдатам, что он фронтовик, что вернулся после ранения в отпуск, что найдет еще управу на них. Семью нашу на время в покое оставили, так уж зол был Сергей. Я, конечно, стараюсь в это время собрать все, что можно. Тороплюсь, из рук валится, то за одно хватаешься, то за другое. Но все-таки кое-что собрать успела. Другим даже еды не удалось захватить, не говоря уже о теплых вещах. А на улице-то зима – канун Нового года.

Всех жителей улицы собрали в одном доме, на краю нашего хотона. Дом маленький, люди едва умещаются, багаж пришлось под открытым небом оставить. Кучи мешков, сумок, наспех связанных узлов. Сидим, кто на полу, кто на лавках, кроме нашей семьи, вместе с нами еще 2-3 семьи близких родственников. Всего человек четырнадцать. На руках у нас дети – мал-мала меньше. Из мужчин самые старшие Сергей, ему 18 лет исполнилось, племянник – пятнадцатилетний мальчик».

Таков невеселый рассказ этой старой, удивительной женщины, которую по праву можно назвать ровесницей века. За свою долгую жизнь она пережила многое: и

плохое, и хорошее. У нее было семеро детей, с которыми выехала в Сибирь. Голод, холод и болезни унесли у нее шестерых. А муж ушел на фронт, храбро сражался и погиб за Отечество. А «мудрые отцы» советской отчизны отплатили сполна ему и его семье.

Вот еще одно печальное свидетельство всеобщей трагедии, постигшей калмыцкий народ в конце 1943 года. Наверное, эта трагическая полоса в истории калмыков пострашнее трагедии 1771 года. Будущие историки, несомненно, сравнят последствия той и другой трагедии и сделают обоснованные выводы.

«К вечеру всех собрали возле школы, толпа людей ничего не понимала. За что? Почему? Да как же так можно? – рассказывает Г.Э.Санджиева. – В моей семье моя сестренка была больна тифом. Что делать с ней? Но солдатам-конвоирам было не до нее. Подогнали грузовики, всех погрузили и повезли на станцию Хлебная. А потом – товарняки. Здесь ни попить, ни поесть, ни туалета нет. Дырку в вагоне проделали, да так и ходили. Сестренка пошла на поправку, а я, видимо, от нее заразилась и меня тиф свалил. Всю дорогу до Омска провалялась в жару».

Занимаясь сбором материалов для этой книги, таких невеселых рассказов, похожих один на другой, пришлось выслушать и записать сотни, от которых становится жутко любому. Жутко было и мне, испытавшему вместе с нашей семьей трагедию своего народа и знающему об этом не только понаслышке. За каждым рассказом была судьба отдельного человека, судьба его народа.

«На станции нас затолкали в «телятники», с грохотом закрылась дверь. Поезд тронулся, – пишет инженер Б.Церенов. – Вагон дырявый, кругом сквозняки, люди сгрудились вокруг печки-буржуйки, которая находилась в центре. Но она не всегда была горячей. Я помню, что мы ехали долго, было очень голодно. Наконец, на какой-то станции, нам дали похлебку и по куску хлеба. В вагоне ехало несколько семей. Кто-то из них взял с собой козу. Мучаясь от голода, взрослым пришлось ее зарезать. Я помню запах жарящегося на буржуйке мяса. Ели в сплошной темноте, запивали водой. На следующий день многие заболели. Я видел, как умирал, корябая пол ногтями, старик. Умершего старика на одной из станций куда-то унесли».

Во многих вагонах мужчины взялись соорудить нары, куда поместили стариков и детей, а более крепкие и молодые разместились внизу, на полу товарного вагона. По-видимому, народ даже в момент своей самой великой трагедии стремится сохранить своих стариков, давших ему жизнь и детей, которые будут продолжать его корень и дадут ему будущее.

Алексей Балакаев в рассказе «Выслан навечно» так описывает трагедию калмыков, насильно покидавших родную землю: «Не знаю, как в других местах, а нас на 3-м разъезде железной дороги Астрахань-Кизляр, сооруженной руками калмыков, продержали взаперти трое суток, пока не свезли всех чабанов и гуртоправов, стоянки которых разбросаны на обширной территории нашего колхоза-миллионера. Да и большая часть самой этой дороги была построена с августа 41-го по июль 42-го года – в самый разгар войны – трудящимися Калмыкии. Я здесь не хочу подробно описывать, когда тронулся с места наш эшелон, как за нами гурьбой бросился скот, как до последнего дыхания бежали собаки и замертво падали на рельсах. Я только хочу зафиксировать, каково бывает народу, целому народу, покидать родную землю, и могилы предков – старушки и женщины голосили и причитали, будто их режут или колют штыком на глазах родимых детей, старики и подростки, стиснув зубы и зажав до крови пальцы в кулак, мрачно и угрюмо молчали, чтобы не усугубить и так растерзанные и раздираемые болью сердца матерей».

О фактах мародерства и жестокого обращения с выселяемым калмыцким населением в декабре 1943 года написал мне недавно из совхоза «Ергенинский» Кетченеровского района Санджиев И.К.: «28 декабря 1943 года рано утром приехавшие к нам в село военные приказали всем калмыцким семьям собраться возле конторы колхоза. Взять с собой разрешили только вещи первой необходимости: белье, теплую одежду, валенки и т.д. Мы сумели быстро упаковать два чемодана с вещами и мешок с продуктами на 7 человек семьи. Но когда начали грузить на автомашины наш багаж, то заставили многих из нас оставить те скудные вещи, которые нам удалось

прихватить с собой. Поскольку багаж и людей грузили вместе на машины, то, конечно, места для мешков и чемоданов не оставалось.

По пути следования на железнодорожную станцию Котельниково одна машина перевернулась и погибли сразу две девчонки, которых так и оставили возле дороги. Все грузовые машины были покрыты толстым, плотным брезентом и при движении выхлопные газы душили людей, а солдаты сопровождения, сидящие сзади в кузове машины, не разрешали открывать брезент. В результате у многих началась рвота, от головокружения начали валиться и падать в первую очередь дети. Только тогда солдаты приоткрыли брезент машины, чтобы люди немного отдышались.

Когда прибыли на станцию, то было уже очень темно. Подъехали к стоявшим вагонам на железной дороге, и солдаты залезли в вагоны и стали кричать: «Давайте вещи». Когда вещи побросали в вагон, то солдаты открыли двери с противоположной стороны и утащили многие наши чемоданы и мешки с хорошими вещами. После мы вошли в вагон, стали искать свои вещи, а их уже не было, осталось только несколько мешков с продуктами. Так мы остались в чем были одеты, абсолютно без каких-либо вещей и, конечно, рассказывать нечего, как намытарствовались в дороге».

С интересом прочитал письмо Ц.Ц.Жемчуевой о ее сибирской «эпопее». Думаю, читателям будет небезынтересно ознакомиться с ее рассказом, написанного человеком по тем временам достаточно образованным, с институтским дипломом. «В конце июля 1943 года я окончила в Астрахани учительский институт и была направлена в Западный район (ныне Городовиковский) – пишет она. – В районо мне дали направление в село Лапино (ферма колхоза «Пролетарская победа»). Там была неполная средняя школа и я стала работать зав. учебной частью.

Утром в 6 часов разбудили меня двое солдат с винтовками и встали у дверей моей комнаты. Я жила тогда при школе-интернате. Приказали мне быстро собрать вещи и ждать дальнейших указаний. Мне собирать было нечего. Жила одна, а сестры, брат и мать жили у себя дома на Волге, отдельно от меня. Вижу, как кругом все плачут, стараются собрать хотя бы немного своих вещей на дорогу и продукты для пропитания. Никто не знает, куда нас повезут. Поскольку у меня ничего не было, столовалась я в интернате, то нашла начальника группы выселения и попросила дать мне немного хлеба. И он разрешил мне выдать буханку хлеба и полкило сахара. После обеда погрузили нас на большие американские машины – «студебеккеры» и повезли на станцию Сальск. Здесь нас посадили в стоявший на путях какой-то грязный вагон – товарняк. Простояли в Сальске два дня, ожидая подвоза других. В вагоне было человек 40, многие с семьями. Дорогой многие старики и дети поумирали, тогда их куда-то уносили».

Погибали в пути целыми семьями, никто не оставался в роду, некому было продолжить историю своих предков. Мне врезалась в память трагедия одной семьи, ужасная и безысходная. Семьи, имевшей глубокие корни в прошлое калмыцкого народа, его военной службы на благо Русского государства.

Прадед Патиша Пранцузова из станицы Платовской участвовал в составе 2-го Калмыцкого полка в Отечественной войне 1812 года. Провожая на войну хотон справил прадеду лошадь, седло, саблю и одежду, вдобавок отправили с ним белого верблюда, который не раз выручал калмыцких воинов, разгоняя французов в жарких сражениях. Затем, верблюд вместе с воинами благополучно вернулся в хотон и дожил до старости. Прадед, вернувшись к себе, женился и сына назвал Пранцузом, откуда пошла их фамилия.

Патиш Пранцузов благополучно пережил 3 российские революции, гражданскую войну, сильный голод 1921 года, всеобщий голод 1932-1933 гг. и т.д. 28 декабря 1943 года семья Патиша с 4-мя голыми и босыми детьми была выселена в Сибирь, в далекое село Масловка Омской области. Слепой глава семьи, его больная жена и заболевшие в пути малые дети, не вынеся лишений в пути, умерли сразу по приезду на новое место один за другим. Некому было даже их похоронить в разваленной, заброшенной избушке, так и пролежали до весны, пока к ним не приехал назначенный новый комендант Петр Горбачев и не заставил местные власти закопать, завалив их вместе с прогнившей избушкой. Так трагически сгинули в неизвестность в сибирских лесах потомки славного героя далекой войны, мужественного защитника России.

Более благосклонной была судьба в период выселения калмыков для отца Героя Советского Союза В.Н.Очирова – Николая Болдыревича Очирова. В своем пространном письме на калмыцком языке Н.Б.Очиров подробно и красочно описал свою путевую «эпопею». Его рассказ насквозь пронизан чувством огромной благодарности к человеку высокой души и большой теплоты, ставшему для него вторым отцом и наставником, начальнику станции 9-го разъезда (что под Улан-Холом) Илье Антоновичу Довгань. Это он, не побоявшись сотрудников НКВД, потребовал у них отпустить к нему трех калмыцких ребят, работавших на разъезде, пожить в его теплом доме и организовать за это время им нормальные условия в одном из отвозивших калмыков товарняке. Так ребята прожили в тепле до 31 декабря 1943 года до момента отправления, и были снабжены И.А.Довганем мешком муки, чаем и махоркой на дорогу. Благодаря его человеческому участию, ребята-калмыки благополучно добрались до нового места расселения и выжили сносно нелегкий путь в суровую Сибирь. Нельзя без слез читать те места рассказа-письма Н.Б.Очирова, где он рассказывает, как перед отправлением железнодорожного эшелона с калмыками старая больная женщина легла на рельсы и просила ее не трогать, пока поезд не наедет на нее.

Или другая страшная картина, которую со страхом наблюдал молодой, неопытный в жизни парнишка. Как-то пройдя в хвост своего эшелона при остановке под Астраханью, он сильно испугался увидев два двухосных вагона, уже забитых до отказа окоченевшими трупами за тот короткий путь, который они успели пройти от станции Улан-Хол.

После таких свидетельств живых очевидцев разве можно поверить официальным рапортам начальников железнодорожных эшелонов об умерших в пути 16-20 человек, если по-настоящему учета едущих в вагонах не было. Такое положение признавали в своих отчетах в центр начальники УНКВД сибирских краев и областей, куда прибыли спецпереселенцы-калмыки. Ведь в пути, неимоверно трудного, изнурительного погибли тысячи калмыков, в первую очередь больные, старики немощные и дети, сотнями, тысячами: от голода, холода, тифа и т.д. Но об этом подробнее расскажу ниже, приведя конкретные цифры невозвратных потерь.

«В товарных вагонах везли нас все дальше и дальше от дома. Было холодно и голодно, – рассказывает Г.А.Бадминова. – В вагонах царила неописуемая антисанитария. Вши не давали покоя ни днем, ни ночью. Наверное, чудом наши вагоны тиф обошел стороной. За две недели мы перестали узнавать своих знакомых – такой жалкий был у всех нас вид: грязные, измученные.

– Не надо нам этих грязных врагов народа! – истошно кричали некоторые женщины-сибирячки, когда нас стали развозить по домам. Как больно резали тогда наши души эти несправедливые слова. Быстро мы забыли эту обиду, высказанную в запальчивости, лишь только поближе познакомились с сибиряками, оценили их природную доброту и житейскую мудрость».

По мере продвижения железнодорожных эшелонов с «наказанными» калмыками на Восток становилось все труднее и труднее. Эшелоны были громоздкими и непосильными для обычных паровозов из-за их нехватки составы сформировали из 45-50 двухосных «товарняков» и больших пульманских вагонов. Ввиду большой загруженности Транссибирской магистрали (из восточных районов на Запад шли сотни составов с военным грузом и, понятно, им давалась зеленая улица), железнодорожные эшелоны с калмыцкими семьями задерживались на станциях подолгу, иногда по 2-3 дня. А в это время люди, продрогшие и голодные, томились в холодных товарняках без пищи и тепла, потому что по предписанию, спущенному НКВД своим уполномоченным, готовили питание на определенных станциях. Поэтому руководство НКВД и НКПС решило повернуть «калмыцкие» эшелоны на Туркестано-Сибирскую железную дорогу и поезда со спецпереселенцами-калмыками пошли через Алма-Ату, Чимкент и другие города (бедным продрогшим людям стало хоть чуть теплее).

После отправки всех эшелонов с высланным калмыцким населением специальные оперуполномоченные НКВД СССР и штаб операции «Улусы» дали, как обусловились, шифрованные телеграммы об успешном окончании карательной акции В.В.Чернышеву и Л.П.Берия (хотя о ходе операции они получали ежедневно информации). В свою очередь Генеральный комиссар государственной безопасности Лаврентий Берия

поспешил доложить Верховному Главнокомандующему о блестяще проведенной операции.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ
товарищу Сталину И.В.
товарищу Молотову В.М.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета и постановлением СНК от 28 октября 1943 г. НКВД СССР осуществлена операция по переселению лиц калмыцкой национальности в восточные районы.

Для обеспечения проведения операции и предотвращения случаев сопротивления или побега НКВД заблаговременно были приняты необходимые оперативно-войсковые мероприятия, организована охрана населенных пунктов, сбор переселяемых, сопровождение их в места погрузки и эшелоны.

В начале операции было арестовано 750 калмыков, состоявших в бандах, бандпособников, активных пособников немецких оккупантов и другого активного элемента.

Всего погружено в 46 эшелонов 26 359 семей или 93 139 переселенцев, которые отправлены к местам расселения в Алтайский и Красноярский края. Омскую и Новосибирскую области. Во время проведения операций происшествий и эксцессов не было. Эшелоны с переселенцами сопровождались работниками НКВД.

НКВД СССР совместно с местными организациями приняты необходимые меры по приемке, обеспечению жильем и трудовому устройству переселенцев в места расселения.

2 января 1944 г.
Л.Берия

В связи с этой высочайшей телеграммой на имя «отца народов» мне вспомнилось стихотворение С.Мазуркевича, напечатанное не так давно в газете «Комсомолец Калмыкии». Стихи образно отражают суть происшедшего – не только «победную» реляцию Л.П.Берия, но и то ужасное, трагическое, что произошло в многострадальной судьбе калмыцкого народа, поэтому счел нужным их привести в книге.

28 декабря 1943 года

Тогда степные стыли дали,
Война вела кровавый счет...
Послал калмыкам «мудрый» Сталин
«Подарок» свой под Новый год.

Звучали песни о «родимом»,
А он забросил все дела
Чтоб тень усов, пропахших дымом,
Над вольной степью вмиг легла.

В Кремле бумаги шелестели,
Считал наш «вождь» людей улов,
На сапогах его блестели
И слезы вдов, и пыток кровь,

И скот ревел, и вдовы выли.
Над Волгой мчались поезда,
Людей насильно увозили
В Сибирь на долгие года!

Стал жить народ вдали от дома
И не джомбу, а слезы пил.
Сильней, чем подлая трахома,
Его усатый «вождь» слепил.

Кто жил доносом, кто надеждой...
Державной воле вопреки
Делились хлебом и одеждой
С калмыками сибиряки

Действительно, «подарок» свой под Новый 1944 год получили около 100 тысяч калмыков. За ними последовали новые тысячи калмыков-спецпереселенцев, насильно вывезенные «в Сибирь на долгие года» в марте и июне 1944 года. Собрали в сибирских городах под разными предлогами воинов-фронтовиков, поставили их на учет в спецкомендатурах как преступников, многих из них загнали силой «в концлагерь» под Молотовом (Пермью).

«За что?» – спрашивал каждый калмык.

«За что?» – спрашивали безвинные дети и седобородые старики.

«За что?» – меняясь в лице, кричали бесстрашные герои-фронтовики.

Но никто не мог дать им вразумительного ответа. Уверен, что на этот страшный вопрос навряд ли могли ответить и сами организаторы депортации калмыцкого народа. Изучая в архиве материалы так называемой «Особой папки Сталина», я в этом убедился твердо. Возмутительно то, что серьезных документов и материалов, на основе которых можно было подвергнуть наказанию целый народ, не было абсолютно и не могло быть.

Механизм принятия решения о депортации народов был довольно прост. На каждый народ, который необходимо было «наказать» в порядке назидания другим, заводилась Л.Берия специальная папка с компрометирующими документами, по которой он докладывал «хозяину». Безусловно, материалы подбирались тенденциозно и не выдерживали какой-либо серьезной проверки. Но все дело было в том, кто мог их проверить?

Поэтому, на мой взгляд, эти документы и материалы, хранящиеся в архивохранилищах ЦК КПСС, КГБ и МВД СССР, тщательно оберегаются и, несмотря на всякую шумиху об открытости архивных фондов, к их изучению нас, исследователей, не допускают ни под каким видом. Хранители этих фондов прекрасно знают, что никаких серьезных оснований для выселения целых народов не было в действительности.

В апреле этого года я обратился в ЦК КПСС через Калмыцкий Реском КП РСФСР с просьбой допустить к материалам, относящимся к депортации калмыков, но руководитель архивной части ЦК Усиков Р.А., не отказывая прямо, целый месяц водил меня за нос, так не допустив к своим фондам.

Главным обвинением против депортированных народов являлось «массовое сотрудничество с немцами». Абсурдность его была очевидна любому: в начале войны подавляющую часть мужского населения призвали на фронт. Гнев НКВД обрушился на стариков, инвалидов, женщин и детей – они составляли более половины выселенных. Достаточно ознакомиться со статистическими материалами слецпереселенцев и они красноречиво подтверждают вышесказанное. Но и с учетом того, что мужчины находились на фронте, обвинение во всеобщем пособничестве оккупантам остается нелепым.

Что касается калмыков, то те тяжкие обвинения в адрес калмыцкого народа, выдвинутые в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 года, являются абсолютно огульными и сфальсифицированными. Никакой всеобщей измены и предательства Родине со стороны калмыков не было и в помине. Ратные и трудовые подвиги сынов и дочерей Калмыкии лучше всяких слов свидетельствуют об обратном. 110-я Калмыцкая Отдельная кавалерийская дивизия, сформированная за короткий срок в первые месяцы войны, мужественно выполнила свою боевую задачу в июле 1942 года в боях за Дон с механизированными гитлеровскими частями, выдержав на стыке 51-ой и 37-ой армий арьергардные бои, прикрывала их отступление. Затем переформировавшись в районе Моздока, прошла с успешными боями по Северному Кавказу в составе Кубанского и Донского кавалерийских корпусов.

Пора написать правдивую историю о провокационно названном гитлеровским командованием Калмыцком кавалерийском корпусе.

Прошедшими над бывшими «корпусниками» процессами установлено, что в составе т.н. «корпуса» числилось 3 592 человека, включая и гражданские лица, и несколько сотен людей некалмыцкой национальности. Сюда также входили: национальный комитет, отдел пропаганды, ансамбль песни и пляски, калмыцкий хурул и т.д.

Безусловно, фашистское командование с провокационной целью назвало калмыцкое карательное формирование «корпусом» (по немецким воинским штатам в корпусе должно служить примерно 40-60 тыс. человек), как, например, они именовали «татарский легион», «Русскую освободительную армию» и т.д. Конечно, путь так называемого «корпуса» был кровавым, но нельзя в то же время забывать, что в «корпусе» находилось немало людей, готовых повернуть оружие против фашистов, как только его получат.

Не выдерживает никакой критики и версия о массовом бандитизме на территории Калмыкии. Еще в июне 1943 года тогдашний первый секретарь Калмыцкого обкома ВКП(б) П.В.Лаврентьев, выступая на пленуме обкома, справедливо критиковал органы НКВД за преувеличение масштабов бандитизма в Калмыкии и недостаточную борьбу с ним (за что и пострадал: был снят с работы за несработанность с НКВД).

Зато пришедший на смену Лаврентьеву Легкомидов, секретарь обкома по военным вопросам Касаткин, второй секретарь обкома Кокшунов и другие не «скупились» на телеграммы в ЦК ВКП(б) и СНК СССР о действиях банд на территории республики. Исходя из этого и других материалов, было бы совершенно неправильным приписывать осуществленные депортации по отношению ко многим народам злой воле одного Сталина. Многое подготавливалось и снизу: телеграммами, докладными, притом многочисленными, местных руководителей «о массовом бандитизме», «пособничестве оккупантам» и т.д. В каких целях это совершалось? Некоторые исследователи объясняют распространенные официальные версии о «пособничестве с оккупантами», «об измене» и «предательстве народов» придуманным пропагандистским мифом.

Другие считают (они, на мой взгляд, ближе к истине), что «насильственные акции в отношении целых народов были не только выражением произвола сталинского режима, но и увы, неотъемлемой частью всей истории Советского государства и общества» (А.И.Некрич).

Истинную правду о депортации того или иного народа мы, наверное, сможем получить со временем и главным образом тогда, когда получим доступ к неизвестным ныне документам, и многое удастся уточнить. Как, например, в отношении насильственного переселения чеченцев и ингушей, когда на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), состоявшемся 11 февраля 1943 года, мнения разделились таким образом: Молотов, Жданов, Андреев, Вознесенский – за немедленную ликвидацию Чечено-Ингушской АССР, а Ворошилов, Берия, Каганович, Калинин и Хрущев – за проведение выселения этих народов, но после изгнания немцев. Сталин склонился ко второму предложению и было решено депортацию чеченцев и ингушей провести несколько позже, к концу 1943 года.

Что касается калмыков, то нам не удалось «выудить» решение Политбюро ЦК ВКП(б) по их депортации. Полагаться окончательно на утверждение ответственных работников Общего отдела ЦК КПСС, заверявших о том, что такого решения со стороны Политбюро не было – не приходится.

Ныне ни у кого не возникает сомнений: депортация народов не дала ничего, кроме бессмысленных жертв, она посеяла семена распада нашего многонационального государства.

Сотни тысяч (подчеркиваю, на основании многочисленных материалов) сотни тысяч спецпереселенцев погибли в период депортации от холода, голода, болезней, насилия, от того, что не смогли приспособиться к суровым природным условиям. По самым приближенным подсчетам, как считает А.И.Некрич, потери от депортации

народов составили: чеченцев – 22 процента, карачаевцев – 30, балкарцев – 26,5, калмыков – 14,8, ингушей – 9 процентов. Имеющиеся источники оценивают количество погибших крымских татар только в первые полтора года выселения в 46 процентов от общей численности высланных, но эта цифра, утверждает А.И.Некрич, нуждается в уточнении. Огромное число людей, переживших ужасы «дорожной эпопеи», оказывалось в исправительных трудовых лагерях (ИТЛ), а мужчин увольняли из Красной Армии и посылали в трудовые батальоны (как было с немцами, калмыками и другими).

Многие погибали и там, в этих огороженных и тщательно охранявшихся лагерях, где вдобавок труд был изнурительным, каторжным, а питание почти впроголодь. Например, в Широклаге на станции Половинка погибли сотни калмыцких мужчин, согнанных с разных фронтов после депортации калмыков (по некоторым данным погибло здесь приблизительно 1 000 человек). Сколько их погибло в уральских лесах, мужественных фронтовиков, не кланявшихся немецким пулям, предстоит еще выяснить. Об этом, наверное, скажут нам закрытые пермские архивы.

«Впереслойку расселенные, друг другу хорошо видимые, выявляли нации свои черты, образ жизни, вкусы, склонности, – пишет А.Солженицын в «Архипелаге Гулаг». – Однако в общем подчинились режиму и не доставляли больших забот комендантской власти.

Калмыки – не стояли, вымирали тоскливо (впрочем, я их не наблюдал».)

Говоря о потерях калмыцкого населения в годы депортации в сибирских краях, хочу отметить, что Александр Некрич, известный советский историк, ныне профессор Русского исследовательского центра Гарвардского университета сильно ошибается, крайне занизив процент смертности среди калмыков. Обратимся к цифрам (их в 70-е годы А.Некрич, несомненно, под рукой не мог иметь).

По первому этапу выселения было депортировано 93.139 калмыков, по второму – более 2,5 тысяч, по третьему – около 1 200 человек. Добавим к ним более 15 тысяч калмыков-мужчин, отозванных из Красной Армии в 1944 году.

Всего таким образом подверглось депортации около 120 тысяч калмыков. Из них, по данным НКВД, в 1950 году находилось на спецучете (вместе с детьми) 77 943 калмыка. А прошло ведь почти 7 лет после выселения калмыцкого народа. К тому времени многие народы (это были первые послевоенные годы) дали резкий прирост населения. А калмыки, получается, дали уменьшение на 52 тысячи человек, т.е. почти 40 процентов потерь (включая сюда имевшийся прирост населения после войны за счет деторождения). Значит, смертность калмыцкого населения в дороге и в первые год-полтора (как считают А.Солженицын и другие авторы) составляла не менее 55-60 процентов. Наверное, многие согласятся со мной: это ужасная статистика.

Сибирская «статистика» дает себя знать и до сих пор на приросте калмыцкого населения. На 15 января 1959 г., по данным Всесоюзной переписи населения, калмыков насчитывалось в СССР 106 тысяч человек. В 1979 году их было уже 147 тысяч, в 1989 году – 173 тысяч человек.

Если сравнить калмыцкое народонаселение с дореволюционным периодом (по данным Всероссийской переписи 1897 года калмыков имелось более 200 тысяч человек), то за прошедшие почти 100 лет (целый век!) калмыки, наверное, почти единственный народ, не достигшие своего дореволюционного уровня. В 1959 году 3 народа в СССР (из более или менее крупных) – евреи, белорусы и калмыки не достигли довоенного уровня. С белорусами и евреями вполне объяснимо и понятно – всему вина страшная война, а в Калмыкии, где не было почти полной фашистской оккупации и она продержалась в ряде районов всего 5 месяцев, казалось бы, должна быть иная картина.

Сегодня мы имеем полное основание утверждать, что катастрофическое уменьшение численности калмыцкого населения прямым образом связано с последствиями насильственной депортации калмыков.

«Есть большие страны и большие нации, маленькие страны и маленькие нации, но выясняется, если вдуматься в историю, что маленькая Греция породила высочайший тип демократии, крохотная Иудея подарила миру одну из религий, а небольшой остров Британия еще в XIII веке определил великую доктрину политической свободы» – справедливо писал интересный русский мыслитель Г.П.Федотов. В наше время становится понятным каждому, что любое многонациональное государство навряд ли будет дееспособным и объединять народы, если в своей деятельности не будет придерживаться важного принципа свободы – для каждого, даже самого малочисленного народа.

Были ли основания для насильственной депортации калмыцкого народа в целом? Такой вопрос задавал я себе многократно, находясь в лесах Сибири и являясь свидетелем неслыханных страданий и унижений калмыков. Все более взрослея, я искал ответа на мучивший меня вопрос и не находил его; может быть, стать профессиональным историком заставила меня именно эта сторона огромной трагедии моего народа.

Этот вопрос нередко на лекциях задают мне многие: прошедшие через неимоверные страдания калмыки – мужчины и женщины, а также не испытавшие на себе их исковерканной судьбы новые поколения народа. Но особенно тревожат меня вопросы на эту тему моих студентов – детей и внуков тех, кто пришел через горнило депортации в Сибири. Наш долг отцовский рассказать им правду о неслыханной трагедии калмыцкого народа, о том диком произволе, который сотворила над калмыками в конце 1943 года сталинско-бериевская клика, о ратных подвигах и трудовых делах калмыцких трудящихся в годы Великой Отечественной войны.

Приближая день победы

По странной иронии судьбы, первые красноармейцы,
упомянутые в берлинской прессе за «сумасшедший героизм»,
были не русские, а калмыки, представители народности
из дельты Волги, страдавшей от различных завоевателей
на протяжении тысячи лет. Нацистская «высшая раса»
должна была признать, что по какой-то непонятой причине
из этой «низшей расы» вышли герои войны.
Анна-Луиза Стронг (из кн. «Народы Советского Союза»,
Нью-Йорк, 1945)

Заканчивался третий год войны, которую советские люди справедливо назовут Великой Отечественной. К концу 1943 г. доблестная Красная Армия сумела прочно закрепить коренной перелом в ходе войны, надежно упрочить военное и политическое положение Советского государства. Поражение гитлеровских войск под Сталинградом, на Курской дуге и в битве на Днепре поставило военную машину фашистской Германии перед неминуемой катастрофой. Хотя в последний день уходящего года Геббельс убеждал немецкий народ «верить в предстоящую победу нашего оружия», но уже мало кто прислушивался к бравурным речам вождей гитлеровского рейха. Все больше становилось ясно, что отступление армии на Восточном фронте вызвано слабостью их Германии и возросшей мощью Страны Советов и ее Красной Армии.

Плечом к плечу с русскими, украинцами, белорусами, азербайджанцами, казахами и представителями других народов СССР отважно дрались с немецко-фашистскими захватчиками сыны и дочери Калмыкии, приближая своими ратными подвигами день полной победы над фашизмом. Около 40 тысяч человек направила Калмыкия за период войны на фронт. Выбиваясь из сил, трудящиеся Калмыкии в 1942 году сумели сформировать и снарядить за счет народных средств 110-ю Отдельную Калмыцкую кавалерийскую дивизию, внесшую свой вклад в дело разгрома врага. Отважно сражаясь на Дону в течение 12 суток (с 14 по 26 июля 1942 года), дивизия до последней возможности вела тяжелые оборонительные бои, особенно яростные на линии фронта от станицы Багаевской до станицы Семикаракорской. На этой линии враг атаковал части дивизии силами немецкой пехоты и танковой группы и беспрерывно бомбил авиацией с воздуха. Тем не менее фашистские части на этом участке фронта так и не смогли пройти.

Впоследствии Генеральный штаб Советской Армии, изучив боевые действия дивизии на Дону, мотивированно констатировал, что дивизия сполна выполнила поставленную боевую задачу, не имея к тому же специальных средств противовоздушной и противотанковой обороны, без поддержки артиллерийских соединений и бомбардировочной авиации. Несмотря на значительное превосходство сил противника, дивизия так же, как и другие соединения (91-я и 157-я стрелковые дивизии), считает М.Л.Кичиков, специально занимавшийся историей 110 ОККД, проявила выдержку, подобную той, какую проявляли пограничные войска, принявшие на себя всю тяжесть ударов гитлеровских войск в первые дни войны.

В районе хутора Пухляковского командир расчета противотанковых ружей сержант Эрдни Деликов совершил героический подвиг. В критический момент боя он уничтожил из противотанкового оружия 3 бронемашины, 4 грузовых автомобиля с автоматчиками. Осколками бомбы ему оторвало ногу, потом другую. Истекая кровью, продолжая вести огонь по гитлеровцам, Эрдни Деликов из последних сил крикнул: «Бейте фашистских гадов! Калмыки не отступают!».

Сержанту Эрдни Деликову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Он первый из калмыков удостоился этой высокой воинской чести Родины.

После ожесточенных сражений на Дону дивизия в составе войск Приморской группы (Южного фронта) вела с 27 по 28 июля 1942 года оборонительные бои на левом берегу Маныча.

После доукомплектования и отдыха 110-я ОККД в январе 1943 года прошла с успешными боями по городам и селам Северного Кавказа, затем была расформирована в связи с общим положением о разукомплектовании всех национальных частей в Красной Армии.

Что касается территории Калмыцкой АССР, то летом 1942 года гитлеровские войска, совершив прорыв на южном участке советско-германского фронта и выйдя к Сталинграду, вступили в пределы республики. Партийные и советские органы Калмыкии организовали эвакуацию населения, скота и имущества из улусов, оказавшихся под угрозой оккупации.

Большая созидательная работа калмыцких трудящихся начисто опровергает сфальсифицированные обвинения в их адрес о том, что эвакуированный скот передавали немцам, оставили врагу колхозное имущество и т.д. Конечно, весь скот и все общественное имущество вывести не удалось, так как недостаток людских сил, военной техники и боеприпасов не позволило удержать территорию Калмыкии.

Гитлеровцам удалось оккупировать значительную часть территории калмыцкой степи. Полностью было захвачено 5 улусов и город Элиста, 3 улуса частично.

Четыре с половиной месяца господства гитлеровцев стали временем тяжелейших испытаний и борьбы непокорившегося калмыцкого населения, периодом небывалого террора и насилия. С помощью антисоветских элементов (в основном из числа белоэмигрантов и представителей бывших калмыцких феодалов) гитлеровцы пытались склонить местное население на сотрудничество с оккупантами.

«Калмыцкий народ встретил приход немцев в подавляющем большинстве враждебно. Гитлеровские бандиты пытаются мобилизовать калмыцкое население для борьбы с Советской властью. Однако их попытки дают очень слабые результаты. Большинство населения в оккупированных улусах активно выступает против них» – такую информацию направил в ЦК ВКП(б) первый секретарь Калмыцкого обкома партии П.В.Лаврентьев, проанализировав сложившуюся обстановку в Калмыкии в период фашистской оккупации.

Не полагаясь на мнение, хотя и авторитетного, но заинтересованного источника, приведем заключение другого, совершенно противоположного характера источника – последовательного противника Советской власти. Председатель белоэмигрантского т.н. «Калмыцкого национального комитета», заведующий Калмыцким отделом «Восточного министерства» Германии Ш.Балинов, побывав в оккупированной части Калмыкии, в своем отчете гитлеровскому руководству вынужден был признать: «...В

том, что Советская власть сделала и дала в порядке строительства, есть вещи, которые приемлют почти все калмыки: а) образование Калмыцкой автономной республики; б) создание (калмыцкой периодической печати и литературы; в) создание калмыцкой школы от низшей вплоть до высших учебных заведений; г) отчасти и создание крупных совхозов: скотоводческих, овцеводческих, рыболовных и др. По этим вопросам почти нет разногласия у калмыков. Все к ним относятся положительно...». События показали, что гитлеровские идеологи потерпели в Калмыкии не только военное, но и морально-политическое поражение. Анализ материалов опровергают ложные измышления в «предательстве калмыцкого населения» и поголовного сотрудничества с оккупантами. Лица, поддавшиеся уговорам гитлеровцев, их обещаниям, не выражали интересы и стремления калмыцкого народа, который плечом к плечу с другими народами активно сражался против фашистских захватчиков.

В своей книге «Россия в войне 1941-1945 гг.» английский журналист А.Верта отмечает, что фашистские идеологи, спекулируя тезисом о притесненном положении национальных меньшинств в СССР, безусловно пытались сколотить вспомогательные формирования из всякого рода антисоветских элементов. В целом народы СССР, не исключая калмыцкого, пишет А.Верта, героически и упорно боролись с фашистами.

Необходимо здесь подчеркнуть, что население неоккупированной части Калмыкии, несмотря на огромные территориальные и материальные потери и невероятные трудности прифронтовой жизни, делало все, чтобы помочь советским войскам разгромить врага и очистить от фашистов советскую территорию. Например, в разгроме немецкой группировки войск под Сталинградом принимало участие более 1,5 тысячи воинов Калмыкии, в освобождении Северного Кавказа – до 5 тысяч. К началу 1943 года Калмыкия направила на фронт более 23 тысяч воинов.

Большой вклад в дело освобождения Калмыкии от фашистских оккупантов внесли калмыцкие партизаны. Они активно помогали оборонительным действиям частей 28-ой и 51-ой армий. Партизаны Калмыкии парализовали важнейшие коммуникации противника, наносили ощутимые удары гитлеровцам и их пособникам, совершали диверсии и т.д.

За короткое время (за 4 месяца) было подготовлено и направлено в тыл врага 21 партизанский отряд (13 отрядов на территорию Калмыкии, 8 – в Сталинградскую и Ростовскую области, Орджоникидзевский край.) Кроме того, на оккупированной территории республики действовали 6 подпольных улускомов, 5 патриотических групп.

Помимо всего, партизанское движение укрепляло у советских людей на оккупированной территории стойкость, решимость бороться до конца, веру в победу над врагом.

Многие калмыки участвовали в партизанском движении на Украине и в Белоруссии, на Смоленщине и Брянщине, в рядах антифашистского сопротивления в Европе. Имя партизана брянских лесов Героя Советского Союза Михаила Сельгикова известно ныне всей нашей стране.

В книге «Народы Советского Союза», изданной в Нью-Йорке в 1945 г., американская писательница и журналистка Анна-Луиза Стронг писала: «По странной иронии судьбы, первые красноармейцы, упомянутые в берлинской прессе за «сумасшедший героизм», были не русские, а калмыки, представители народности из дельты Волги, страдавшей от различных завоевателей на протяжении тысячи лет. Нацистская «высшая раса» должна была признать, что по какой-то непонятной причине из этой «низшей расы» вышли герои войны».

Действительно, сравнительно небольшой по численности калмыцкий народ дал в годы войны более 30 тысяч отважных воинов, из них 14 тысяч человек отмечены высокими правительственными наградами, многие из них неоднократно. 22 представителя Советской Калмыкии были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. На вечные времена в памяти благодарной Калмыкии останутся подвиги воинов 28-й и 51-ой армий, освободивших калмыцкие степи от фашистских

захватчиков. В рядах частей этих армий сражались и калмыцкие воины, освобождая родную землю.

Самоотверженно, в тяжелых условиях трудились в годы войны рабочие, колхозники и интеллигенция Советской Калмыкии. Передовые предприятия, колхозы и совхозы Калмыцкой АССР неоднократно рапортовали о вкладе материальных и денежных средств, которые они вносят в фонд укрепления оборонной мощи страны. Например, работники рыбной промышленности собрали на строительство танковой колонны «Советская Калмыкия» 1 млн. 35 тыс. рублей. Проникнутые горячим желанием помочь родной Красной Армии быстрее разгромить врага, – писали в обращении к молодежи Калмыкии комсомольцы колхоза им.Чкалова, – призываем собрать средства на постройку боевых самолетов имени Калмыцкого комсомола...

И за короткий срок по республике среди молодежи было собрано 4 млн. 422 тыс. рублей на танковую колонну и 1 млн. 700 тыс. рублей на авиаэскадрилью «Калмыцкий комсомол».

4 апреля 1943 г. на имя секретаря Калмыцкого обкома ВЛКСМ Эрдя Лиджи-Гаряева пришла приветственная телеграмма от Верховного Главнокомандующего, который благодарил комсомольцев и молодежь Калмыкии, собравших денежные средства на строительство танковой колонны и авиаэскадрильи. Это было лучшим признанием героических усилий молодежи республики.

Следует отметить, что сбор средств на строительство танковой колонны и авиаэскадрильи, на восстановление столицы Калмыкии – г.Элисты с каждым днем увеличивался и набирал темпы. К середине 1943 года по всей Калмыкии было собрано на строительство танков более 8 миллионов рублей и на восстановление города Элисты – 1 миллион 200 тысяч рублей.

С большим патриотическим подъемом прошла подписка на Второй военный заем. Вместо 16 миллионов рублей по предварительной разверстке только за первые 3 дня калмыцкие трудящиеся подписались на 23 миллиона 489 тысяч рублей, заняв третье место по подписке в РСФСР.

1943 год был периодом возрождения разрушенного войной народного хозяйства и нового патриотического и политического подъема населения Калмыкии, особенно молодежи, отмеченного Верховным Главнокомандующим.

Все эти вышеназванные и тысячи других примеров героизма на фронте и в тылу свидетельствовали о том, что для трудового калмыцкого народа нет интересов выше, чем интересы их Советской Родины. Они защищали ее стойко от фашистских захватчиков на фронтах Великой Отечественной войны и поэтому решение об упразднении в конце 1943 года Калмыцкой АССР, как и некоторых других национальных автономий, явились грубейшим извращением ленинской национальной политики и стало тяжелой трагедией для репрессированных сталинским режимом многострадальных народов. Но решать именно так, как решили тогда, было нормой, отмечает немецкий писатель Гуго Вормсбехер, и это подтверждается тем, как выселяли немцев Поволжья, карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев, крымских татар. Зная сегодня реальности того времени, со всей определенностью можно сказать – выселение этих народов было в те годы логическим продолжением политики репрессий, террора, несправедливости, проводимой «отцом народов» Сталиным и его ближайшим окружением, вообще практики культа личности.

Остается только удивляться тому, как несмотря на огромную моральную травму, калмыки-воины, находясь на фронтах войны, храбро сражались с фашистами и участвовали в освобождении народов Европы от гитлеровского ига. Эта часть истории калмыцкого народа полна героических, порой и драматических страниц, которая нуждается до сих пор в подробном освещении. Чего стоит, например, подвиг танкиста Бембя Михайлова, бежавшего вместе со своими товарищами на фронт со станции Половинка на Урале, где они, снятые с фронтов по национальному признаку, в тяжелейших условиях строили тогда Широковскую ГЭС. Закончил этот «дезертир» войну в Праге в мае 1945 г. награжденным правительством многими орденами и медалями.

Бежавший вместе с Бембя Михайловым из Кунгурского ИТЛ (Широклага) на фронт Т.М.Лиджи-Гаряев (работавший впоследствии директором школы в Каспийском) вспоминает об этом: «Пробыв в Широклаге некоторое время, начали искать выход из создавшегося положения. Но каким образом уйти? Лагерь ведь хорошо охранялся. А одному уйти трудно. Но чтобы уйти не каждому скажешь. И вот во время работы я разговорился с пожилым человеком – Альчиновым Андреем. Он говорит, что есть один еще парень, с ним он разговаривал. Вскоре я познакомился с ним. Им оказался Бембя Михайлов. Мы втроем договорились и стали готовиться. Договорились не ехать по железной дороге. Только по лесу, по Котьве, которая впадает в Каму. Идти вдоль Камы. И опять в Молотов, а оттуда на главную магистраль. Любым путем попасть на фронт. Оправдать, что ты ни в чем не виновен, вот эта была наша главная мысль.

Идя вдоль железной дороги, часто по лесу, мы попали в Ярославль. Решили пойти в военную комендатуру, на железнодорожной станции. Потому что и голодные. Пришли и говорим: «Часть наша ехала из Сибири на фронт. Мы слезли на остановке и отстали. Догоняем и не можем догнать. За это время продали шинель». Они поверили – не поверили. В первую очередь дали сухой паек. Ну и теперь куда? Военный комендант говорит: «Отправляем Вас на пересылочный пункт г.Ярославля». Дали нам одного сержанта и привезли нас в Ярославль. А там пересылочный пункт полон. Дошла наша очередь разбираться. Мы говорим: «Красноармейскую книжку потеряли». Ведь в ней было, что мы калмыки. Я назвался казахом, Альчинов тоже казахом, а Михайлов, не помню, кем назвался. Михайлов и Альчинов были шоферами. Михайлов был даже танкистом. В конце кондов каждого из нас отправили по специальности в разные части, посадили на проходящие эшелоны и направили на фронт. То, что нам и надо было».

В книге «Наказанные народы», вышедшей в Нью-Йорке в 1978 году, А.Некрич отмечает, что калмыки считались в Красной Армии хорошими солдатами и когда в начале 1944 года последовал приказ о снятии с фронтов военнослужащих калмыцкой национальности, то находились командиры, которые быстро меняли национальность своим солдатам и офицерам и таким образом оставляли их в своей части. Объяснение здесь, конечно, очень простое – нежелание расстаться с хорошими солдатами их командиров, в иных случаях личная дружба людей.

Историк М.Л.Кичиков называет цифру около 15 тысяч калмыцких воинов, находящихся к концу войны в Красной Армии.

На завершающем этапе войны значительная часть воинов Калмыкии удостоилась правительственных наград. Из них Героями Советского Союза стали 5 представителей калмыцкого народа. Свыше 70 воинов Калмыкии за мужество, героизм и военное мастерство, кроме других правительственных наград, удостоились ордена Боевого Красного Знамени (6 из них были награждены этим орденом дважды). 20 человек получили орден Александра Невского, 280 человек стали полными кавалерами ордена Отечественной войны.

Все вышеизложенное убедительно свидетельствует о значительном вкладе, внесенном солдатами, офицерами и трудящимися Калмыкии, в великую победу советского народа над гитлеровским фашизмом.

«И слезы вдов, и пыток кровь»

Сталинизм и фашизм, несмотря на глубокое
различие социальных основ, представляют собою
симметричные явления, многими чертами своими
они убийственно похожи друг на друга.
Л.Троцкий (из кн. «Преданная революция»)

В то время, когда тысячи калмыцких воинов, не щадя своей жизни, мужественно сражались на различных фронтах с германским фашизмом и приближали своими ратными делами великий день Победы, их отцов и матерей, жен и детей согнали под дулом автоматов и винтовок с родных мест, погрузили, как скот, в тысячи «телячьих» вагонов и повезли под охраной как преступников на восток. Десятки железнодорожных эшелонов с калмыками медленно потянулись в Сибирь, оставлял в

пути сотни, тысячи трупов, в основном стариков и детей, сыновья и отцы которых бились в смертельной схватке с фашизмом.

Читая сохранившиеся в архиве рапорты начальников эшелонов, где они докладывали руководству НКВД, сколько привезли калмыков живыми и оставили в дороге мертвыми, меня не покидала все время историческая параллель с трагедией калмыков января 1771 года. В январе 1944 года калмыки через 170 с лишним лет назад продвигались почти той же дорогой, что и тогда. Правда, в январе 1771 года они двинулись на восток добровольно, ведомые своими безответственными, недальновидными предводителями. В 1943 г. также не помышляли об ответственности перед народом «мудрые вожди», все решала злая их воля.

Представляю, как горько и обидно было многим калмыкам, когда их повезли в Сибирь по железной дороге Кизляр-Астрахань, построенной за короткий срок их кровавым трудом ради ускорения победы над ненавистным врагом, в чем были они глубоко убеждены. И было им так же невдомек: зачем в разгар всеобщей беды – этой страшной войны, отнимать от фронта тысячи железнодорожных вагонов, целые воинские подразделения для охраны ни в чем неповинных людей; в чем повинен весь калмыцкий народ, который, как и все другие народы Советской страны, отдавал все силы для фронта, не щадя и жизни своих лучших сынов и дочерей, для победы над германским фашизмом. Но на эти вопросы, казалось, ясные и простые, ответа никто, естественно, дать не мог.

Конечно, мне маленькому, мальчишке, было трудно в то время понять взрослых: они плакали и сокрушались от того, что их везут по той дороге, которую они строили всем миром днями и ночами, не зная, что такое отдых. В самом деле, это была всенародная стройка, в ней участвовали всё калмыцкие улусы, приехало более 9 тысяч человек. Во многих калмыцких семьях помнят, как на эту стройку провожали мать, сестру или деда. Работали вручную, жили в кибитках и вырытых на скорую руку землянках, испытывали трудности в питании. Но несмотря на это, люди трудились самоотверженно, выполняли, как правило, свои дневные или ночные нормы в 2-2,5 раза. И в результате железная дорога была проложена раньше срока. В июле 1942 года по ней прошли первые эшелоны с военными грузами. Но многие калмыки считают до сих пор, что повезли первыми их, чтобы опробовать дорогу.

Одна их этих легенд связана с железнодорожным мостом через Волгу у Астрахани. Многие очевидцы – те, которые в железнодорожных эшелонах, выселялись в Сибирь, с жаром рассказывают, как после них рухнул астраханский мост, что калмыков повезли в порядке проверки надежности моста. Мне удалось побеседовать и записать воспоминания одного из инженеров по строительству моста. И на мой вопрос о рухнувшем после проезда калмыков мосте он со смехом ответил: «Слышал не раз об этой легенде, но мост все-таки не рухнул и действовал довольно долго, и в годы войны, и в послевоенные годы. Его снесли только после строительства рядом в Трусово нового железнодорожного и автодорожного моста».

Помню, как наш состав медленно продвигался по мосту, как громко молились старухи и старики, чтобы Бог нас простил и благополучно переправил через мост. Оказывается, Бог милостиво переправил множество поездов, сохранял мост долго и после выселения «грешных» калмыков.

Пока железнодорожные эшелоны, забитые до предела выселенными калмыками (большинство составов имело 45-50 вагонов, в вагоне – не менее 50 человек, в пульманском вагоне – до 100 человек), медленно ползли на восток к станциям назначения, в стенах НКВД на Лубянке шла интенсивная переписка с сибирскими Управлениями НКВД, летели срочные телеграммы с грифом «секретно», перезванивались по «ВЧ» начальники отделов НКВД СССР и УНКВД. Все это происходило в характерном стиле того времени: нагоняй сверху их Москвы за упущение, халатность, неточности и т.д., нагоняй из области в райотделы, они своим уполномоченным на местах.

Хотя, как видно их документов, наказания не следовало и это было как раз совершенно не характерно в те грозные военные годы. В центре потому давали, очевидно, послабление: зачем наказывать своих людей за каких-то предателей, изменников и отщепенцев.

По-моему, больше шумели и бранились для «проформы», мало кто из НКВД проявлял по-настоящему заботу о многострадальных выселенцах. Больше интересовало другое: поручено встретить, обмыть, распределить по районам и сельсоветам, расселить куда-то на первое время – значит необходимо сделать.

Оставшиеся в архивах документы по истории выселения народов, в частности, их продвижения по железной дороге, расселения и приема на новых местах проживания и т.д. являются бесценным богатством для исследователей и требуют внимательного, вдумчивого анализа. Не могу не отметить, что многие материалы представляют собой огромной, человеческой важности документы, их нельзя читать спокойно, без эмоций.

Одно важное обстоятельство меня радует: впервые за нашу многолетнюю историю мы, советские исследователи, оказались первыми в изучении этих бесценных материалов, а не узнаем наши источники, как было прежде, по зарубежным публикациям. В общем, пока ми оказались здесь пионерами. Дай-то Бог, чтобы так было всегда!

Судя по документам, работа по размещению спецпереселенцев-калмыков (будущих) «закипела» в органах НКВД по-настоящему с ноября 1943 года, за месяца полтора до выселения, хотя официально предварительное расселение было дано в постановлении Совнаркома СССР от 28 декабря 1943 года. Между тем, НКВД СССР сделал план размещения еще в середине октября 1943 года, испросив предварительно согласие местных органов.

Все вопросы по организации приема, встречи на железнодорожных станциях, расселения и материального обеспечения спецпереселенцев обязаны были решить крайоблисполкомы на своих специальных заседаниях.

Очевидно, первые заседания прошли в начале декабря 1943 года. Например, 8 декабря 1943 года состоялось совместное заседание Новосибирского облисполкома и бюро обкома ВКП(б), посвященное приему и размещению прибывающего калмыцкого населения. В постановлении, принятое «в сов. секретном порядке» и присланное в НКВД СССР, приводится подробный перечень необходимых вопросов, которые надлежит решить в ближайшее время местным партийным, советским и хозяйственным организациями области.

К этому совместному постановлению дается план размещения спецпереселенцев-калмыков по районам области.

Правда, этот план в дальнейшем облисполкомом совместно с органами НКВД по мере приближения срока выселения и подхода железнодорожных эшелонов с калмыцким населением несколько раз корректировался и изменялся; но об этом НКВД СССР немедленно ставился в известность. Конечно, к присланным в 1941 году в Новосибирскую область 45 тысячам спецпереселенцам-немцам снова через 2 года принимать и размещать еще 20 тысяч человек было очень трудно, но с этим никто в центре не считался и областные органы это хорошо понимали.

Начальник УНКВД области комиссар госбезопасности Петровский, посылая почти ежедневные рапорты в НКВД о ходе подготовки к приему и расселению спецконтингента, 23 декабря 1943 года (за 5 дней до выселения) направляет по «ВЧ» на имя зам. наркома В.В.Чернышова некоторую итоговую докладную: «1. В соответствии с Вашим указанием (н/р 52/22188) 7 декабря проведено совещание председателей райисполкомов и начальников райотделов УНКВД и утвержден окончательный план расселения.

2. 15 декабря во все районы расселения посланы в качестве уполномоченных руководящие работники аппарата НКВД, созданы районные тройки по приему и расселению спецконтингента. Для подбора помещений, их ремонта, мобилизации транспорта и организации перевалочных баз в сельские Советы и населенные пункты командированы уполномоченные районных троек.

3. Полностью укомплектован оперативный состав (30 человек) по обслуживанию спецпереселенцев. Со старшими оперуполномоченными проведено оперативное совещание, после чего все выехали на места.

Облздравотделом направлены в районы медработники для организации медицинского обслуживания прибывающих спецпереселенцев. По состоянию на 20 декабря уже подготовлена жилая площадь на 10 тысяч человек.

К 25 декабря будет закончена подготовка площади для всего прибывающего спецконтингента. Колхозами, совхозами и сельсоветами производится заготовка топлива для нужд спецпереселенцев. Весь гужевой транспорт районов мобилизован для перевозки спецпереселенцев со станций прибытия к местам расселения. На местах расселения спецконтингента находятся бригады Наркомата внутренних дел СССР с заместителем начальника УНКВД Новосибирской области полковником Корнильевым».

Такие примерно рапорты присылали периодически все начальники УНКВД сибирских областей и краев, куда прибывали спецпереселенцы-калмыки. Ведь информация Петровского из Новосибирска 23 декабря 1943 года была не последней перед прибытием калмыцкого населения, так как до 11-12 января 1944 года, когда подошли первые железнодорожные эшелоны, было направлено несколько таких рапортов. Например, одну из таких докладных направил Петровский на имя зам. наркома Чернышова и начальника ГУЛАГа Наседкина уже 31 декабря 1943 года о том, что подготовительная работа почти завершена, жилая площадь на 20 тысяч человек полностью подготовлена (20 процентов будет вселены в отдельные дома, остальные в порядке подселения), на станциях разгрузки подготовлены заезжие дома, клубы железнодорожников, районные клубы, кинотеатры, питание будет производиться через районные и вокзальные столовые, хлебопекарни, а питательные пункты для всех железнодорожных эшелонов организованы на станциях в самом Новосибирске и в городе Татарск. Не забыт также вопрос о санобработке – она будет производиться на станциях прибытия, в районных банях и санпоездах Сибстройпути. Вопросами разгрузки и расселения на местах будут заниматься специальные бригады НКВД СССР и руководящие работники УНКВД.

Безусловно, содержание рапортов руководящих работников УНКВД не в полной мере соответствовало действительности (что впоследствии подтвердилось на местах уже по прибытию калмыков), но стремление отрапортовать о выполнении указаний начальства, отличиться в этом от других, заслужить одобрение вышестоящих – было велико и рождало такие «победного» характера докладные. С другой стороны, было невероятно трудно в военное время, при имевшихся в области продовольственных фондах, принять, разместить и накормить, хотя бы на первое время, 20 тысяч голодных людей.

Это подтверждает несколько тревожная телеграмма из Красноярска, подписанная двумя непосредственно ответственными лицами в крае за высланными спецпереселенцами – начальником УНКВД Семеновым и специальным уполномоченным НКВД СССР Тархановым. В документе обращается внимание на то, что обеспечить питанием спецпереселенцев-калмыков на пути следования и в местах расселения краевые органы не смогут, так как не имеют на это выделенных фондов и поэтому просят их выделить для края незамедлительно. Однако времени для получения необходимых фондов до прибытия высланного калмыцкого населения (их предполагалось по плану не менее 25 тысяч человек) оставалось не более недели, т.к. телеграмма поступила в НКВД СССР 5 января 1944 года.

Конечно, на фоне гладких рапортов данный документ выглядит в некоторой степени особняком, хотя в других сибирских районах было наверняка не лучше.

Многие трудности в большой части преодолевались активной подготовительной работой на местах, где ответственные лица стремились подходить к порученному делу добросовестно, а главное заинтересованно, чуть-чуть по-человечески.

Большую работу по приему и размещению на новых местах расселения прибывающего калмыцкого населения провели местные исполкомы Советов, хозяйственные организации, а также органы УНКВД в Алтайском крае. Здесь также,

как и в других местах Сибири, 7 декабря 1943 года крайисполком принял развернутое решение по расселению 7 625 калмыцких семей, насчитывающих 25 тысяч человек. Кроме краевого совещания районных троек, проведенного в Барнауле 16 декабря 1943 года, был также проведен 2-х дневный семинар начальников райотделов и уполномоченных УНКВД, отвечающих за прием, подготовку жилья и обеспечение работой в новых местах расселения. Список конкретных лиц – оперуполномоченных УНКВД по Алтайскому краю был определен почти за месяц до выселения калмыков, направлен в НКВД СССР для утверждения и составлена для всех командированных в районы расселения спецпереселенцев подробная памятка. Опять же в отличие от других здесь проверка подготовки к приему калмыцкого спецконтингента всех районов была завершена к 30 декабря (например, в Красноярском крае все мероприятия по приему и расселению калмыцкого населения предполагалось завершить только к 5 января 1944 года.) Расселение спецпереселенцев первоначально планировалось провести в 31 районе, т.е. почти по всему краю. Затем в связи с уменьшением количества прибывающих переселенцев было решено разместить их в 24 районах, для разгрузки подготовили 22 крупные железнодорожные станции. В местах разгрузки были подготовлены помещения для первоначального приема.

В последующих докладных НКВД СССР краевые власти сообщают, что пункты питания в местах разгрузки подготовлены полностью, транспорт для подвоза спецпереселенцев окончательно определен совместно с хозяйствами, в постоянных местах расселения помещения для жилья также были подготовлены и, наконец, на первое время (от 5 до 15 дней) заготовлено топливо.

Одновременно в Алтайском крае, как и в других краях и областях Сибири, провели реорганизацию райотделов Управления НКВД, создав при них спецкомендатуры по управлению спецпереселенцами, при краевом Управлении отдел спецпоселений, как того требовал НКВД СССР своим приказом от 16 декабря 1943 года.

Хотя гладкие информации из Алтайского края несколько настораживают, но здесь действительно подошли к приему спецпереселенцев-калмыков несколько лучше, может быть, более заинтересованно, чем в других местах.

Определенную подготовку по приему и размещению калмыцкого спецконтингента провели и в Омской области. В информации от 18 декабря 1943 года сообщается, что прибывающее население численностью в 25 тысяч человек решено расселить в 20 районах области. Для их приема областные власти подготовили 14 пунктов выгрузки (это были в основном крупные железнодорожные станции), где на первое время планировалось разместить спецпереселенцев в Домах колхозника, клубах, школах, кинотеатрах и других общественных зданиях.

Так выглядел первоначальный план расселения спецпереселенцев-калмыков в Омской области.

Районы вселения калмыков по Омской области

1. Тюменский	2 000 чел.	ст.Тюмень	Свердл. ж/д
2. Велижанский	400	–«–	–«–
3. Н. Тавдинский	400	–«–	–«–
4. Ялуторовский	1 800	ст.Ялуторовка	–«–
5. Н. Заимский	800	ст.Н. Заимка	–«–
6. Омутинский	1 400	ст.Омутинск	Омской ж/д
7.	1 200	ст.Голышман	–«–

Голышмановский		ово	
8. Ишимский	1 000	ст.Ишим	–«–
9. Называевский	600	ст.Называевка	–«–
10. Любинский	2 000	ст.Любино	–«–
11. Ульяновский	2 000	ст.Омск	–«–
12. Кагановческий	700	–«–	–«–
13. Азовский	500	–«–	–«–
14. Кормиловский	2 000	ст.Кормиловск	–«–
15. Калачинский	1 000	ст.Калачинская	–«–
16. Марьяновский	1 500	ст.Марьяновка	–«–
17. Шербакульский	600	–«–	–«–
18. Москаленский	1 600	ст.Москаленка	–«–
19. Исиль-Кульский	2 500	ст.И-Куль	–«–
20. Полтавский	1 000	–«–	–«–
ВСЕГО 25000 чел.			
18 декабря 1943 г			

В телеграмме от 31 декабря 1943 года (за 10-12 дней до прибытия «калмыцких» эшелонов) сообщается о полной готовности приема и расселения калмыцкого населения, о намечаемых мерах по санобработке спецпереселенцев, об обеспечении колхозами и сельсоветами каждой подводы тулупами, валенками и другими теплыми вещами, в первую очередь для детей и т.д. Через некоторое время НКВД СССР была определена другая цифра размещения калмыков, она была снижена до 22 тысяч человек вместо запланированных 25 тысяч.

До приезда спецпереселенцев-калмыков был закончен также подбор и оформление на работу оперативных сотрудников для 18 спецкомендатур Омской области.

Таким образом, к концу декабря 1943 г. – началу января 1944 г. была завершена вся подготовительная работа по приему и расселению спецпереселенцев-калмыков во всех сибирских краях и областях. О предварительных результатах этой работы информирует руководство Наркомата внутренних дел СССР начальник ГУЛАГа НКВД СССР Наседкин 31 декабря 1943 года справкой «О ходе подготовки к приему и расселению спецпереселенцев-калмыков в Красноярском и Алтайском краях, Новосибирской и Омской областях».

На основе этой справки была, очевидно, подготовлена итоговая докладная на имя Л.П.Берия заместителя наркома В.В.Чернышева – ответственного лица, координировавшего всю работу по выселению, проезду по железной дороге, приему и размещению калмыцкого населения в Сибирь. Поскольку документ как бы итоговый, привожу его здесь ниже.

Совершенно секретно
Народному комиссару внутренних дел СССР,
Генеральному комиссару государственной безопасности
тов.Берия Л.П.

Докладываю о ходе подготовки к приему и расселению спецпереселенцев (калмыков) в Красноярском и Алтайском краях, Омской и Новосибирской областях.

По сообщению начальников УНКВД перечисленных краев и областей подготовка к приему и расселению спецпереселенцев-калмыков закончена.

Помещения как для временного пребывания спецпереселенцев-калмыков на станциях выгрузки, так и постоянного жительства в местах расселения в основном подготовлены.

Питательные пункты для обеспечения спецпереселенцев горячей пищей и кипятком в местах выгрузки и по пути следования от железнодорожных станций до мест расселения организованы.

Гужевой и автомобильный транспорт для перевозки спецпереселенцев от станций выгрузки до мест расселения подготовлен.

Для обогрева людей в пути созданы обогревательные пункты. Медико-санитарное обследование обеспечено.

В местах расселения спецпереселенцев заготовлено топливо на 10-15 дней.

Зам. наркома внутренних дел СССР, комиссар государственной безопасности 2 ранга
В.В.Чернышов
2 января 1944 года

После этого последовала не одна докладная для Л.Берия, информировавшая его о всех изменениях, трудностях или упущениях местных органов по приему и размещению находящегося в пути калмыцкого спецконтингента.

Пока высокое начальство, перебраниваясь между собой в телеграммах-молниях, решало судьбу той или иной группы калмыков: куда, скажем, следовать эшелону – в Барнаул или в Красноярск, многострадальные выселенцы терпеливо по нескольку дней ждали участи, изнывая от долгой, изнурительной дороги, голодные, грязные, замерзая в холодных переполненных товарняках.

И, наконец, первые поезда со спецпереселенцами-калмыками начали прибывать на станции назначения 10-11 января 1944 года. Например, железнодорожный эшелон № 416 прибыл 10 января первым из всех поездов в Алтайский край и первые 595 калмыцких семей (около 4 500 человек) были размещены в Славгородский, Знаменский, Кулундинский и Благовещенский районы. Последние эшелоны в Алтайский край подошли 16 января 1944 года. Именно в это время прибыли к станциям Зональная Тальменка железнодорожные поезда № 392 и № 411. В основном многие эшелоны с калмыцким населением на станции назначения края пришли примерно 13-15 января 1944 года.

Несколько поездов №№ 407, 408, 409, 410 разгрузились на станциях назначения 13 января 1944 года. Железнодорожный эшелон № 407, нагруженный 706 семьями (то была сверхпредельная норма, так как другие имели гораздо меньше – поезд № 392 всего 256 семей), пришел в Барнаул 10 января, но его погнали в Тальменку (11 января), оттуда на станцию Калмановка, где высадил 521 человек. Только 13 января прибыли на станцию Озерки, разгрузив 1 503 человека (350 мужчин, 616 женщин, 637 детей), которых расселили по хозяйствам Краюшкинского района (в колхозы – 1 335 человек, совхозы – 168 человек). Хотя в этом эшелоне умерло в пути по сравнению с другими всего 24 человека (из них 20 человек детей и стариков), зато за 2 дня стояния на месте умерло 7 человек престарелого возраста от холода, потому что по прибытию на место никто вагоны не отапливал. Как сообщается в рапорте начальника эшелона № 412, прибывшего на станцию Барнаул, умерло сразу в Барнауле ввиду

сильных морозов в вагонах 25 человек, тогда как в пути погибло 29 человек, в основном старики и дети (26 человек).

Таким образом, Алтайский край принял всего за 5-6 дней 12 железнодорожных эшелонов, расселив по 23 районам края 6 167 семей, имевших 22 219 человек, в основном женщины и дети (около 20 тысяч человек), а мужчины, включая стариков – 4 269 человек (они были в основном престарелого возраста).

В самый дальний сибирский регион – Красноярский край (к тому времени в основном край ссыльных спецпоселенцев) прибыло также, как и в Алтайский край, 12 железнодорожных эшелонов. За это время краевые власти приняли и отправили к новым местам расселения 7 525 калмыцких семей, в них имелось 24 998 спецпереселенцев-калмыков.

Сведения
о прибытии эшелонов с калмыками-спецпереселенцами
с 11 по 18/1-1944 г. (по данным УНКВД Красноярского края)

№№ пп	Номера эшелонов	Количество семей	Имеются в них людей	Погибло в пути	Примечание
1.	421	577	2 113	17	
2.	419	636	2 074	26	
3.	425	640	2 138	22	
4.	424	428	2 015	46	
5.	393	685	2 298	63	
6.	391	641	2 820	48	
7.	890	703	2 305	48	
8.	395	580	1 739	36	
9.	396	641	2 201	41	
10.	394	875	2 361	51	
11.	427	547	1 507	17	
12.	397	552	2 097	25	
	ВСЕГО	7 525	24 998	434	

Здесь также, как и в других местах прием и разгрузка эшелонов происходило в течение 6-7 дней. Правда, расселение прибывшего калмыцкого населения в разгар сильных январских холодов, особенно по дальним районам, в глубинные колхозы и леспромхозы, оказалось делом нелегким. Многие подводы пришли с запозданием из-за бездорожья ввиду разыгравшихся буранов и добирались обратно с большим трудом. Особенно трудно пришлось детям и старым людям, многие из них погибли в пути или умерли в первые же дни по прибытию в новых местах расселения.

Собираемые нами для готовящегося сборника документов, материалов по истории депортации калмыцкого народа воспоминания бывших спецпереселенцев-калмыков, испытавших на себе эти тяготы, неплохо дополняют докладные оперуполномоченных НКВД и в результате мы получаем некоторое отображение истории периода выселения и жизни калмыков в Сибири.

Что касается Новосибирской и Омской областей, то здесь ввиду их географического расположения было несколько «помягче» в отношении высоких морозов, хотя сибирские дороги в лесах были везде одинаковыми – зачастую бездорожными.

В Новосибирскую область, начиная с 11 по 15-16 января 1944 года, было подвезено к станциям назначения (это было в основном крупным райцентром) 5 467 калмыцких семей с населением в них 16 379 человек, из них составляли мужчины – 2 775,

женщины – 4 438, дети от 14 до 16 лет – 2 207 человек, до 14 лет – 5 007, старики – 1 952 человека.

В тех железнодорожных эшелонах, которые прибыли в Новосибирскую область, умерло 193 человека в дороге, сразу в местах расселения по прибытию – 49 человек, 224 человека остались в больницах при райцентрах. Опять же основную часть этого печального контингента составляли старики и дети.

Нужно отметить, что эшелоны здесь в отличие от других мест были разгружены неплохо – в течение 3-6 часов.

Областные органы постарались прибывших спецпереселенцев после «жаркой» санобработки отправить по колхозам и сельсоветам на 2-й и 3-й день. Раздача людей шла как на невольничьем рынке: приезжали председатели колхозов, приглядывались, прицениваnись, изучали спецпереселенцев, сговорившись, грузили затем в сани и отправлялись с ними в путь. От многих семей, где было много маленьких детей и стариков, они всячески отказывались, пока районная тройка не заставит его забрать в свое хозяйство.

Размещение калмыцкого населения в Новосибирской области было произведено согласно разнарядки-плана по районам. Правда, план оказался приблизительным, все зависело от того, какой эшелон прибудет к тому или иному району. Зачастую железнодорожные поезда по ошибке уходили к другим станциям, в результате возникала путаница, и предварительный план оказывался нарушенным. Однако в целом запланированные районы получили примерно одинаковое количество семей калмыцкого населения (с разницей разве в несколько десятков семей).

Приведу для примера, чтобы не утомлять, данные лишь по 2 районам области.

В Искитимский район прибыло 252 семьи (707 человек), из них 104 мужчин, 148 женщин, детей от 14 до 16 лет – 50 человек, до 14 лет – 245, стариков – 160 человек.

В Чановский район – 299 семей, всего 971 человек, из них соответственно мужчин – 114, женщин – 222, детей – 416 и 24, 195 стариков.

В порядке исключения в Кзыл-Ординскую область Казахской ССР по просьбе Наркомата рыбной промышленности (был повернут в пути один железнодорожный эшелон) прибыло 648 калмыцких семей с населением в 2 268 человек.

После приема и расселения первого этапа спецпереселенцев-калмыков на основании данных УНКВД, принявших калмыцкие семьи, была составлена Отделом спецпоселений ГУЛАГа сводная справка.

Сов, секретно
Справка
о количестве расселенных спецпереселенцев-калмыков
по состоянию на 2/II-1944 г.

	Количество				
	семей	человек	мужчин	женщин	Детей до 16 лет
1. Омская область	8 353	27 069	6 112	1 147	9 810
2. Красноярский край	7 525	24 998	448	8 845	11 705
3. Алтайский край	6 167	22 212	469	7 432	10 411
4. Новосибирская	5	16	3 579	5 605	7 252

область	455	436			
5. Казахская ССР	648	2268	500	780	979
ИТОГО	28 148	92 983	19 017	33 809	40 157

Оперуполн. ОСП ГУЛАГа НКВД СССР
к-н ГБ Зеленцов
2 февр. 1944 г.

Разница в количестве прибывшего калмыцкого населения в сибирские районы в 92983 человек по состоянию на февраль 1944 года и количеством отправленных калмыков, сообщаемое Л.П.Берия в телеграмме Сталину и Молотову на начало января 1944 года, совсем небольшая – в 844 человека, тогда как умерших в пути только в одном железнодорожном эшелоне достигало до 100 человек (по данным начальников эшелонов), хотя учет спецпереселенцев в поездах был приблизительным, зачастую запутанным. Конечно, ответственным лицам в эшелонах за доставку калмыцкого населения не было резона подставлять себя и давать истинную картину погибших в дороге. Например, начальник железнодорожного поезда № 393, следовавшего в Красноярский край, в своем рапорте сообщает о числе умерших в пути в 63 человека, а представитель НКВД дает другую цифру – в 76 человек умерших. В некоторых поездах по сведениям НКВД СССР учет трупов начальники эшелонов совершенно не вели и в конце пути давали лишь приблизительные цифры.

В железнодорожных эшелонах №№ 421, 427, 390, 397 прибыло на станции назначения людей больше, а в поездах №№ 394, 424, 393 – меньше, чем было учтено при отправке, и начальники эшелонов в своих рапортах не могли дать таким фактам никаких объяснений.

Поэтому небольшая разница, имевшаяся при отправлении и при приеме спецпереселенцев-калмыков совершенно не отражает действительное положение с погибшими в пути. Если учесть вдобавок, что почти в одно время с основной массой калмыков в декабре 1943 года были высланы 1 014 человек калмыцкой национальности с территории Ставропольского края, и около 2,5 тысячи калмыков с территории Астраханского округа, то число потерь в дороге возрастает еще больше.

Рапорты начальников эшелонов, докладные специальных уполномоченных НКВД СССР, справки ОСП ГУЛАГа более или менее раскрывают страшную картину трагедии калмыков в связи с их выселением, очень высокий процент смертности в пути следования и в первые месяцы пребывания в Сибири. Между прочим, документы поставлялись лицами, явно не заинтересованными в отображении настоящей правды трагедии народа. Но факты, как говорят, упрямая вещь и поэтому обратимся к некоторым из них.

Только в относительно «благополучном» Алтайском крае умерло сразу по прибытию в места расселения 164 человека, а в пути погибло 314 человек (всего 478 человек). Основными причинами смерти послужили воспаление легких и дистрофия – 289 человек. Только в одном Троицком районе Алтайского края, не доехав до своих мест, умерло от воспаления 26 человек.

В эшелоне № 402, прибывшем со спецпереселенцами-калмыками 16 января 1944 года в Омск от станции Басы было снято в 45-м последнем вагоне 76 трупов, уже при долгой стоянке на станции Омск умерло еще 17 человек, в основном престарелого и детского возрастов. Небольшой железнодорожный эшелон № 393, следовавший от разъезда № 6 недалеко от Астрахани до станции Омск, привез в одном из больших вагонов 55 трупов, к ним добавилось умерших от холода и голода еще 14 человек. В этом же эшелоне в пульмановском вагоне на 90 человек ввиду неисправности дверей половина спецпереселенцев оказалась обмороженной.

В эшелоне № 427 также в большом пульмановском вагоне 38 человек замерзли из-за холода: поставленная в вагоне маленькая печь совершенно его не обогревала.

Железнодорожный эшелон № 421 прибыл на станцию Боготол Красноярского края, имея большое количество обмороженных и несколько десятков окоченевших трупов.

Вообще эшелоны, следовавшие в Красноярский край, имели в вагонах большое количество умерших и обмороженных людей. Здесь по прибытию эшелонов на станциях назначения умерло 94 человека калмыков и было сразу госпитализировано 294 человек с тяжелыми простудными заболеваниями (данные УНКВД края).

Перечисление горестных фактов и печальной статистики относительно смертности спецпереселенцев-калмыков можно продолжать бесконечно. В архивах отложилось немало материалов различного характера, проливающих свет на трагедию калмыков в период их выселения. На мой взгляд, это предмет специального изучения.

К сожалению, смертность среди спецпереселенцев-калмыков в новых местах поселения ввиду непривычных для них суровых условий жизни стала принимать почти массовый характер. Такая картина начала вызывать тревогу даже у высоких «бонз» НКВД–НКГБ и они стали принимать некоторые экстренные меры, а главное, информировать друг друга, в первую очередь своего главного шефа Л.Берия.

В письме наркома госбезопасности Меркулова на имя наркома внутренних дел СССР Л.Берия от 18 апреля 1944 года обращается внимание на то, что спецпереселенцы-калмыки «из-за голода и непринятия необходимых мер по их обеспечению со стороны местных органов имеют за короткое время высокую смертность», вымирая во многих местах расселения целыми семьями. Например, в Исилькульском районе Омской области умерло с 15 января по 15 февраля 1944 года от недоедания 109 человек, в Москаленском районе – 56 человек, только за месяц в феврале от голода и болезней умерло в Ульяновском районе – 34 человека.

В письме Меркулова сообщаются конкретные факты и конкретные виновники: в колхозе имени Коминтерна Иссилькульского района 27 калмыцких семей (122 человека) размещены в 8 маленьких, малоприспособленных для жилья избах, в результате многие семьи от холода и голода погибли полностью, во многих семьях тяжело болеют. В этом колхозе на почве систематического недоедания умерло 25 колхозников, а остальные не могут выходить на работу из-за болезней. Например, в семье Сангаджиева М. умерло 5 детей, у Гаряева Д. погибли мать, жена и дочь, колхозница Цукаева Ш. умерла в начале февраля с 3 детьми. Десять семей калмыков из этого колхоза лежат опухшие.

Подобная картина, как в колхозе имени Коминтерна, наблюдалась повсеместно. Можно было приехать в любой колхоз или сельский Совет и увидеть в домах вымершие калмыцкие семьи, опухших от голода людей.

Уполномоченный НКВД по Омской области в своей докладной на имя начальника Управления информирует о том, что он наблюдал в колхозе «ОСАВИАХИМ» Ульяновского района ужасную картину: 22 человека лежат в домах опухшие и не могут двигаться от голода, в селе Яр семья Мучкаева Эрдни из 4 человек лежит опухшая из-за постоянного недоедания.

Только за 2 недели с 15 января по 1 февраля 1944 года (т.е. сразу после расселения умерло: в Голышанском районе – 23 человека, Ишимском – 9 человек, Ново-Заимском – 9 человек. Очевидно, в другие недели и месяцы было еще хуже. Например, с 5 февраля по 5 марта 1944 года умершие от голода и болезней составили: в Тюменском районе – 104 человека, Москаленском – 59 человек, Ново-Заимском – 24 человека.

Только за первый месяц пребывания умерло по 11 районам Омской области 475 калмыков. Это учтенная смертность, а сколько калмыков погибло в те страшные первые месяцы не учтенных.

Не лучше было положение в Алтайском крае и Новосибирской области.

Докладные спецкомендатур рассказывают о массовой смертности спецпереселенцев-калмыков, пестрят в разрезе сельсоветов, колхозов и других хозяйств цифрами о погибших в новых местах расселения. Умирали в первую очередь

от болезней и истощения старики и дети. Они, безусловно, не выдерживали как более слабые непривычные для них сибирские условия. Об этом сообщается в информациях по Алтайскому краю. Здесь с 15 января по 1 февраля 1944 года (за 2 недели) умерло в Больше-Истокском районе 40 человек, в основном престарелого возраста, в Тальменском районе (с 11 по 31 января 1944 г.) от истощения и острых желудочных заболеваний умерло 40 человек, в Шипуновском районе только от истощения умерло 22 человека (из них 10 стариков и 9 детей).

Крайне высокая смертность среди калмыков-спецпереселенцев наблюдалась в районах Красноярского края. Во многих дальних леспромхозах многие калмыцкие семьи и калмыки-одиночки вымерли полностью, не выдержали лишений даже в некоторых ближних сельсоветах, где сотни калмыков погибли, не оставив ни одного человека.

Следует отметить, что в Восточной Сибири ввиду суровых природных условий смертность калмыков была гораздо выше и наблюдалась в течение продолжительного времени, тогда как в Алтайском крае и Омской области умирали в основном в первые месяцы после расселения.

Принятые некоторые меры по оказанию материальной помощи спецпереселенцам-калмыкам не смогли остановить массовую смертность среди калмыцкого населения в Сибири. Нужна была более кардинальная мера – вернуть калмыков обратно в родные места или переселить в более теплые края, близкие к их привычным условиям, но об этом никто не помышлял; наоборот, происходило еще более ужесточение режима спецпереселенцев и к имевшемуся в Сибири калмыцкому населению присоединяли калмыков, выселенных с территории соседних с Калмыкией областей.

Как отмечалось выше, вторым этапом депортации калмыков (за исключением небольшой группы калмыков (64 семьи), переселенных вслед за основной группой калмыцкого населения, из Астраханской области в январе 1944 года) было осуществлено выселение в конце марта 1944 года калмыков, проживающих на территории Ростовской области. Поскольку был апробированный опыт по предыдущему выселению в декабре 1943 года, все повторилось, как тогда.

Совнарком Союза ССР принимает 11 марта 1944 года за № 5475-р решение о выселении калмыков с территории Ростовской области в районы Омской области.

На основе решения СНК СССР нарком внутренних дел СССР Л.П.Берия издал приказ № 00276 от 14 марта 1944 года, чтобы не переизлагать его содержание, привожу текст полностью:

Сов. секретно
ПРИКАЗ
наркома внутренних дел СССР
№ 00276
от 14 марта 1944 г.

Во исполнения распоряжения СНК СССР № 5475-рс от 11 марта 1944 г. о выселении калмыков из Ростовской области в Омскую область приказываю:

1. Начальнику отдела перевозок НКВД СССР Комиссару Государственной безопасности тов.Аркадьеву обеспечить подачу по заявке начальника УНКГБ по Ростовской области тов.Покотило оборудование эшелона и обеспечить быстрое продвижение эшелона со спецпереселенцами-калмыками из Ростовской области в Омскую область. Станцию погрузки и станцию назначения согласовать с начальником УНКГБ Ростовской и начальником УНКВД Омской областей.

2. Начальнику ОСП ГУЛАГа НКВД СССР полковнику ГБ тов.Мальцеву и начальнику УС ГУЛАГа НКВД СССР полковнику ГБ Усиевичу обеспечить санитарно-медицинское обслуживание и питание спецпереселенцев в пути.

3. Генерал-лейтенанту тов.Стаханову выделить по заявке УНКВД–УНКГБ Ростовской области для обеспечения операции соответственно количество внутренних войск НКВД СССР и для охраны эшелонов конвойных войск НКВД.

4. Заместителю начальника ИФО НКВД СССР подполковнику ГБ тов.Волобуеву выделить начальникам Ростовской и Омской областей для обеспечения операции, перевозок и питания в пути спецпереселенцев-калмыков необходимое количество средств.

Нарком внутренних дел СССР
Л.Берия

В дополнение к приказу наркома Л.Берия его заместитель В.Чернышов подписал распоряжение о выселении калмыцкого населения в количестве 2 628 человек из 22 районов Ростовской области (548 сем.) и подготовке 54 железнодорожных вагонов, скомплектовав из них 2 эшелона. Операция была запланирована на 24 марта 1944 года. В конце этого дня начальник отдела перевозок НКВД СССР комиссар госбезопасности Аркадьев телеграфировал В.В.Чернышову о ходе погрузки калмыцкого населения на железнодорожный эшелон № 445, составленный из 35 вагонов. На основе этого сообщения Чернышов передал в Новосибирск свое распоряжение по расселению 2 400 человек спецпереселенцев-калмыков: 800 человек – на станцию Черемошники Томской железной дороги, 800 человек в Шигарский район, 800 человек – в Асинский леспромхоз. 25 марта 1944 года была завершена операция по выселению ростовских калмыков. Об этом сообщил 26 марта телеграммой на имя Л.Берия начальник УНКВД по Ростовской области полковник ГБ Покатило. Через 2 недели, 8 марта эшелон № 445 прибыл со спецпереселенцами-калмыками в 2 536 человек на станции расселения, правда, в другие места назначения, чем планировалось заранее. В пути умерло, несмотря на весну, 12 человек, госпитализировано 10 человек, отстало в пути 22 человека.

Заместитель наркома госбезопасности Кобулов доложил Л.П.Берия о результатах проведения операции:

Наркому внутренних дел СССР
Тов.Л.П.Берия

Докладываю, что эшелон калмыков, выселенный из Ростовской области 25 марта 1944 г., прибыл к месту назначения – на станцию Черемошники Томской железной дороги 9 апреля и разгружен 10 апреля.

Происшествий с эшелоном в пути следования не имело места.

Зам. Наркома Государственной безопасности
Кобулов
11 апреля 1944 г.

После выселения «ростовских» калмыков третьим этапом были переселены в июне 1944 года калмыки, проживающие на территории Сталинградской области. 29 апреля 1944 года зам. наркома В.Чернышов направил распоряжение начальнику УНКВД по Сталинградской области комиссару госбезопасности Прошину о разработке плана переселения калмыков и представления его на утверждение в НКВД СССР.

18 апреля 1944 года Прошин представил доклад на имя Чернышова с альбомом расчетов, схем оперучастков и оперсоставов и оперативным планом по проведению операции переселения калмыков из Сталинградской области.

Для того, чтобы читатель имел наглядное представление, как тщательно подготавливались операции по выселению калмыцкого населения, привожу полностью содержание альбома по проведению операции.

Опись
документов, имеющихся в альбоме
по проведению операции переселения калмыков
из Сталинградской области

1. Оперативный план
2. Схема районов с наличием спецпереселенцев
3. Расчет потребного оперативного состава

4. Расчет погрузки спецпереселенцев в вагоны
5. Схема оперучастка № 1
6. Расчет оперсостава № 1
7. Схема оперучастка № 2
8. Расчет оперсостава № 2
9. Схема оперучастка № 3
10. Расчет оперсостава № 3
11. Схема оперучастка № 4
12. Расчет оперсостава № 4
13. Схема оперучастка № 5
14. Расчет оперсостава № 5
15. Схема оперучастка № 6
16. Расчет оперсостава № 6
17. Письмо ОК ВКП(б) и
18. Заявка на конвой

Начальник УНКВД

Операция по выселению калмыков из Сталинградской области была запланирована на 2 июня в 6 часов утра и завершилась в 4 часа 4 июля 1944 года. Операция была проведена оперативно, без происшествий, о чем начальник УНКВД Прошин информировал заместителя наркома Чернышова. 4 июня 1944 года на станции Черная Речка в железнодорожный эшелон № 569 собранные калмыки в количестве 1 169 человек (387 семей) были погружены в 32 вагона и под конвоем отряда внутренних войск в 25 человек отправлены в Сибирь. 14 июня 1944 г. эшелон прибыл на станцию Тавда Свердловской области, вместо планировавшейся ранее Новосибирской области. Все прибывшие 362 семьи (1 178 человек) были распределены по леспромхозам Свердловской области.

Данную операцию осуществил со стороны НКВД СССР оперуполномоченный отдела спецпоселений ГУЛАГа капитан ГБ Зубрилов. Об окончании операции доложил Л.П.Берия письменным докладом от 15 июня 1944 года В.Чернышов.

Однако выселением калмыцкого населения в некоторые сибирские регионы (путем 3-х крупных этапов) дело не ограничилось. Началась еще худшая трагедия калмыцких семей – их вывоз в отдаленные северные районы. Нарком рыбпром, прекрасно представляя, что в лице многих калмыков имеет превосходных рыбаков, обратился в НКВД СССР с просьбой направить их на северные и восточные рыбные промыслы, ибо опустошительная война еще продолжалась и нужны были для солдат рыбные консервы. Сразу в декабре 1943 года НКВД СССР направил в Аральск 648 семей калмыков, повернув их железнодорожный эшелон из Алма-Аты к станции Аральск. Теперь необходимо было отправить несколько тысяч человек на Крайний Север. Поэтому начальник Отдела спецпоселений ГУЛАГа Кузнецов распорядился (с ведома Берия и Чернышова) переселить из завезенных в Омскую область 26 990 спецпереселенцев-калмыков 2 796 калмыцких семей (8 548 человек) в северные округа: Тобольскому округу – 522 семьи (1 377 человек), Ханты-Мансийскому округу – 1 760 семей (5 961 человек), Ямало-Ненецкому округу – 514 семей (1 210 человек).

Переселение началось в конце мая – начале июня 1944 года, когда открылась летняя навигация по сибирским рекам, и закончилась глубокой осенью в сентябре-октябре.

«В Омске прожили мы несколько недель в тесном маленьком клубе. Ждали парохода. В первую партию не попали. Может, и к счастью, – вспоминает Ботха Содыковна Шоваева, выжившая почти единственная из многих приплывших семей. – Тех калмыков, что на первом пароходе отправили, говорят, поселили на Ямале. Не знаю, выжил ли кто из них. Старшим в той партии был калмык Боктаев из Ульдючин. А нас на втором пароходе повезли за Ханты-Мансийск.

За все время, что шли по Иртышу и Оби, на палубу ни разу не разрешили выйти, держали в трюме, как какой-то опасный груз. Кипяток выпьешь и плывешь дальше. Ни стула, ни стола. Багаж свалили в кучу и рядом примостились. Народу было много. В трюме темно. Ни лечь, ни встать, мест свободных не было. Приходилось спать прямо на полу. У дверей милиционеры стояли, пропускали только по одному человеку.

– Куда? – спрашивали всегда конвойные.

– За кипятком, – отвечали мы.

Сколько дней по реке шли – не помню. Высадили нас на пустом берегу. Рядом тайга, кругом ни души. Потом узнали, что невдалеке, в нескольких километрах ниже по течению, есть деревня. Неприютным показалось нам наше новое место жительства. Да оно таким и было. Не раз с тоской вспоминали об оставленных домах, теплых вещах, о продуктах, которые в суматохе и спешке не смогли захватить с собой.

Могли и помереть: от холода, с голодухи, – если бы не работа. А работа была простая – лес рубить. Потом нужно было срубленные деревья тащить к пристани, загружать в баржи – все на своей спине. А баржи какие были, отпустить боишься, скатятся бревна в реку и затащить сил нет. Стволы бревен толстые, как все в Сибири, упадут на тебя – придавят намертво. За работу давали хлеб: норма – 700 граммов. У неработающих норма была маленькая – 300 граммов хлеба. На это и жили. Другим промыслом нам, спецпереселенцам-калмыкам, не разрешали заниматься.

Один старик уверял всех, что когда-нибудь и для калмыков настанут лучшие времена, что вернемся мы в родные степи. Верил он сильно в это. А другой ему в ответ смеялся и говорил, что не бывать этому.

– Все мы погибнем здесь, – кричал он.

И вот как интересно: тот, что не верил в лучшую долю, действительно, так и погиб там, на Севере. А тот, который уверял всех, что мы вернемся, тот до сих пор жив, моего возраста, наверное, если не старше».

Естественно, многие калмыцкие семьи не выдержали многонедельного плавания по сибирским рекам, притом значительная часть вовсе не являлась рыбаками, а исконными кетченеровскими и манычскими скотоводами и поэтому водного путешествия на баржах, в темных трюмах многие из них не смогли выдержать. А те, которые кое-как добрались до мест назначения, стали погибать десятками и сотнями, не вынеся морозную длинную зиму. Умирали главным образом старики и дети. Немало погибло от истощения и холода взрослых людей – женщин, мужчин, до этого здоровых и сильных.

А похоронить умерших и погибших, предать земле было невозможно и поэтому их закапывали недалеко от своих бараков в сугробы, а когда летом сходил снег, то трупы мертвецов смывало к вечеру в бараки и, как рассказывают очевидцы, это было страшное зрелище.

Лишь единицы выжили, спаслись и вернулись домой, в родную Калмыкию.

Что любопытно и интересно: выдюжили, подросли и вернулись здоровыми на родину предков многие из тех, кто родился на Севере: в Ханты-Мансийске, Салехарде, на Ямале. Встречал в Калмыкии и таких (правда, совсем их немного), которые родились в 40-е годы за Полярным кругом. Видя С.М.Васляева, декана общетехнического факультета нашего университета, здорового, сильного крепыша, трудно поверить, что он вырос там. Родился и вырос в Салехарде нынешний ректор университета Г.М.Борликов.

Подытоживая вышеизложенное, хочу отметить, что из переселенных нескольких тысяч калмыков на Север, возвратились немногие, включая даже естественный прирост населения – родившихся и выросших в северных далеких районах. И вполне справедливо, люди ставят вопрос: кто ответит за эти черные злодеяния по отношению к калмыцкому народу и заплатит за его многочисленные страдания. Должен признать: мы мало занимались этими т.н. «северными» калмыками, их многострадальная «эпопея» заслуживает отдельного изучения.

Еще одну черную страницу в истории нашей страны нужно отнести полностью на совесть Сталина и Берия. Именно с их благословения начали отзывать десятки тысяч фронтовиков, представителей депортированных в годы войны народов, из всех

действующих армий, собирать в среднеазиатских и сибирских городах, а затем отправлять в исправительно-трудовые лагеря.

– За что? – спрашивали фронтовики, рисковавшие жизнями ежечасно в окопах, на передовых. Но кто им мог ответить, если после приказа Генштаба последовали такие приказы по всем фронтам. Служившие бок о бок с калмыцкими фронтовиками сослуживцы, многие из них, прошедшие вместе все военное лихолетье, не могли ничего понять, да им никто не объяснял.

В конце января – начале февраля 1944 года были отозваны с фронтов все военнослужащие-калмыки рядового и сержантского составов, среди них было немало награжденных боевыми орденами и медалями. Затем погрузив отозванных фронтовиков-калмыков в товарные вагоны, отправили специальными эшелонами в распоряжение Уральского военного округа якобы для организации калмыцких национальных частей.

Всех прибывших калмыков временно разместили в небольшом уральском городке Кунгур, оттуда через некоторое время переправили на станцию Половинка на строительство Широковской ГЭС на реке Косьва, берущей начало в Уральских горах. Уральский военный округ и вместе с ним калмыцкие национальные формирования были хитрой уловкой НКВД.

«Уже через месяц после Указа Президиума Верховного Совета СССР я, как и все калмыки, был снят с фронта и направлен в тыл – в Широковский лагерь НКВД СССР (б. Молотовская область), – пишет Ш.Цебеков. – Мы строили на Урале электростанцию. Меня, как и многих наших земляков, не переставала терзать мысль: «За что?». Вечерами саднило сердце, и было нестерпимо больно. Но гораздо сильнее боли физической я ощущал боль моральную».

«Вначале поместили нас в полуземляных бараках, в которых до нас жили заключенные, – вспоминает Я.С.Джамбинов. – Даже не успели, а может, не хотели, убрать ограждение из колючей проволоки и сторожевые вышки. То, что я увидел своими глазами, рассеяло в пух и прах слова командира нашего дивизиона о национальных воинских формированиях. Стало ясно, что нас пригнали на какую-то стройку».

Собранных на Широкстрое фронтовиков-калмыков, распределив по бригадам-взводам, заставили долбить каменистый горный грунт, копать различного рода котлованы и траншеи под эстакады, возить грунт и бетон в тело плотины. Для вчерашних фронтовиков основными орудиями стали ломы, кирки, лопаты и тачки.

Хотя работа была тяжелая, изнурительная, от зари до зари, рацион питания, судя по воспоминаниям, был крайне скудным: ржавая селедка, кусок черного хлеба с привкусом полыни, соленая помидорка.

«Мы, фронтовики, не понимали, за что нас наказали, чувствовали, случилось что-то ужасное, непоправимое, – пишет в своих воспоминаниях Б.Очиров. – Потом узнали, что наши семьи, как «фашистское охвостье» сослали в Сибирь. Поникли головы даже самых мужественных. Рядом с Широклагом содержали также власовцев, немецких пленных и для нас, фронтовиков, это было унизительно. Когда начались холода, ослабленные раненые начали умирать. Регулярно проверяла медицинская комиссия, «обследование» заключалось в следующем: щупали ягодицы, бедра, если есть еще мясо – гнали на работу, осталась кожа да кости – освобождали».

Каким был безграничным произвол по отношению к калмыкам ясно видно из биографии солдата Басанга Дорджиева. Его, депутата Верховного Совета СССР, отозвали с фронта, отправили на Широкстрой, довели до полного истощения, а потом «актировали».

Фронтовик-широкстроевец Я.С.Джамбинов, переживший ужасы Кизиловского ИТЛ, так описывает тяжелое положение калмыков-фронтовиков: «Тяжелые условия жизни и работы были причиной болезни и смерти многих калмыков-фронтовиков – строителей Широковской ГЭС НКВД СССР. Автор этих строк более 2-х месяцев лежал в

Широкстроевской больнице и приходилось мне через открытую дверь больничной палаты чуть ли не каждое утро видеть, как санитары на носилках выносили из дальних палат трупы бывших фронтовиков. Умер там мой земляк, учитель Бадма Муев, погиб во время взрыва горной породы мой однокурсник, учитель Эрдни Намруев из Лагани. У обоих были семьи. Умер там старшина, кавалер ордена Боевого Красного Знамени Пюрвя Джалхаев (служил в 110-й кд, откуда направлен в Новочеркасское кавалерийское училище, но с переводом училища в Москву выпущен старшиной, направлен в разведдивизион 10-й гв.кд 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса и получил орден за бой 9.1.43 у с.Отказное, тяжело ранен на р.Миус) из Малых Дербет и многие другие».

Не выдержав тяжелых условий жизни, в лагере многие калмыки бежали из Широкстроя, но только немногим «счастливчикам» удалось всякими правдами-неправдами попасть обратно на фронт и доказать, хотя и тяжелой ценой, свою преданность Родине.

После строительства Широковской ГЭС руководство НКВД СССР решило в феврале 1945 года демобилизовать калмыков-фронтовиков «для соединения с семьями», но их отъезд затянулся до августа 1945 г.

Как и следовало ожидать, возвратившихся к своим семьям фронтовиков поставили на учет в спецкомендатурах и в соответствии с этим были поставлены в положение спецпоселенцев.

Средь лучших русских

Я знал, что мой народ в лесах Сибири
Нашел друзей и вновь душой окреп
Средь лучших русских,
средь щедрейших в мире
Деливших с нами и судьбу, и хлеб
Д.Кугультинов

Представим себе на минуту положение калмыка-спецпереселенца в те далекие сороковые годы, положение жалкое, исключительно тяжелое и безрадостное, оказавшегося вдали от родных мест в суровых сибирских районах, без крыши над головой, без средств к существованию. Вдобавок к этому над бедным выселенцем висел страшный по тем временам ярлык предателя, изменника, по существу изгоя общества, находящегося под неусыпным оком органов НКВД.

Можно удивляться тому, что несмотря на допущенную несправедливость, калмыки, высоко сознавая необходимость помощи фронту, стремились как можно скорее освоиться на новом месте, начать трудиться и внести посильный вклад в дело разгрома фашизма.

Архивы краев и областей Сибири сохранили немало примеров трудового героизма лучших сынов и дочерей калмыцкого народа в годы послевоенных пятилеток. «В годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время многие сыны и дочери калмыцкого народа, – отмечали Тюменский облисполком и обком партии в своем приветствии по поводу восстановления автономии, – не покладая рук, работали в колхозах, совхозах и на предприятиях нашей области. Тюменцы хорошо помнят и высоко ценят их трудовые подвиги». Такую же оценку давали в своих приветственных телеграммах и многие другие областные и краевые органы, где находились в период депортации калмыки. «С чувством братской любви и признательности, – говорилось в приветствии Алтайского крайисполкома, – мы всегда будем помнить о том большом вкладе, который внес трудолюбивый калмыцкий народ в дело подъема сельского хозяйства Алтая».

Высокую трудовую активность калмыцкого населения подчеркивали также в своих приветствиях ЦК Компартии и Верховные Советы Казахстана и Киргизии.

Добрую память оставили о себе калмыки в сердцах многих простых сибиряков, с которыми им пришлось жить и трудиться бок о бок в течение нескольких лет в Сибири. «После тяжелого ранения вернулся я домой. Избрали меня председателем

колхоза в «Новой деревне» Омской области, – вспоминает Ф.В.Астахов. – Хорошо помню, как прибыли калмыки. Двадцать семей привезли к нам. Первым долгом надо было людей разместить, накормить. Тяжелая была работа. Каких только слухов не распускали, будто калмыки – это дикари, предатели. Люди боялись их пускать домой, оберегали своих детей. Прошел месяц-другой, а то, может и меньше, смотрю, мои колхозники стали жить с ними не разлей вода. «Да какие же они изменники?» – открыто возмущались одни. «Кто же мог такое придумать?» – подтверждали другие. Живя вот так вместе, чего только не пришлось нам увидеть, выдержать...»

Таким образом, в суровых сибирских условиях калмыцкий народ, ошельмованный и изгнанный, смог выстоять в борьбе со своим жестоким роком только потому, что в самую тяжелую годину своей истории он смог опереться на помощь и поддержку огромного многонационального советского народа и прежде всего, конечно, русского народа. За годы пребывания в Сибири калмыки крепко подружились с местным населением, которое делило с ними «и судьбу и хлеб». И когда выезжали домой, в родные места, то многие калмыки оставляли людей, с которыми, сами того не замечая, сроднились за эти годы, полюбили их, сами стали их частицей.

«Когда я смотрю на своих братьев, меня охватывает не только чувство гордости, что вот сумели выжить в неимоверно труднейших условиях и стать хорошими, нужными людьми, но и чувство громадной, ничем неизмеримой благодарности к великому русскому народу, – считает В.Егоринов из конезавода «Ут Сала» Ики-Бурульского района, попавший вместе с братьями в Сибирь в возрасте 2-х лет. – Если бы не его бескорыстная братская помощь, разве могли бы выжить мои братья, весь наш калмыцкий народ?

Неизгладим в памяти образ моей первой учительницы Александры Андреевны Едуновой, которая специально оставляла меня после уроков, чтобы положить в мою тряпичную сумку краюшку хлеба или сухарь. Однажды насильно надела на мои ноги свои чулки, видя, как я в сорокаградусный мороз хожу в порванных кирзовых сапогах. Потом месяц она шила из разных тряпок для меня шапку. Разве можно это когда-нибудь забыть?».

Приведенные факты воочию свидетельствуют о том, что простые люди, несмотря на сталинско-бериевский произвол, стремились всячески облегчить печальную участь калмыков, проявляли по отношению к ним в трудное военное и послевоенное время заботу и внимание. Кстати, даже такое элементарное человеческое участие было небезопасным: многих за проявление «мягкотелости», «слабости» к «врагам народа» всячески преследовали и осуждали. Что касается самих спецпереселенцев-калмыков, то с первых дней их пребывания в краях и областях Сибири был введен жесткий «режим» спецпоселения». И этот режим с каждым разом становился все более строгим, ужесточенным.

Еще до выселения калмыков в декабре 1943 года приказом по НКВД СССР были созданы спецкомендатуры с необходимым штатом оперсотрудников по областям и краям, куда было выслано калмыцкое население. Спецкоменданты-оперсотрудники НКВД занимались делами спецпереселенцев в закрепленных за ними нескольких сельсоветах, раз в десять дней проводили их учет, следили за их образом поведения и выездом за пределы районы расселения. Отделом спецпоселений НКВД СССР было разработано специальное положение о спецкомендатурах НКВД, которое было утверждено отдельным постановлением СНК СССР. Совнарком СССР своим постановлением определил правовое положение спецпереселенцев, по которому они не имели права отлучаться за пределы местности, где проживали, без разрешения спецкоменданта. Самовольная отлучка или побеги влекли за собой уголовную ответственность. Поскольку побеги спецпереселенцев, не смирившихся со своим бесправным положением, не прекращались, то МВД СССР и Генеральный прокурор СССР издали специальный приказ от 14 февраля 1947 года «О порядке привлечения к уголовной ответственности спецпереселенцев за побеги с мест их поселений». В приказе предусматривались еще более строгие меры наказания (до 10-15 лет лишения свободы) по сравнению с предыдущими годами.

В дальнейшем в целях укрепления режима поселения для высланных в период Великой Отечественной войны чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и других, а также в связи с тем, что во время их переселения

не были определены сроки их высылки был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года «Об уголовной ответственности за побег с мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленный районы Советского Союза в период Отечественной войны», в котором устанавливалось, что переселение в восточные районы СССР указанных выше лиц проведено навечно, без права возврата, к прежним местам жительства. За самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения виновные подлежали согласно данного Указа к привлечению к уголовной ответственности и наказанию в 20 лет каторжных работ.

Этим же Указом установлено, что «лица, виновные в укрывательстве бежавших из мест обязательного поселения или способствовавшие их побегу, лица, виновные в выдаче разрешения выселенцам на возврат их в места прежнего жительства, и лица, оказывающие помощь в устройстве их в местах прежнего жительства, подлежат привлечению к уголовной ответственности и наказанию за эти преступления лишением свободы на срок 5 лет».

Специальным приказом от 22 декабря 1948 года министра внутренних дел СССР С.Круглова и Генерального прокурора СССР Г.Сафонова вменялось в обязанность всем местным органам МВД и прокуратуры всех выселенцев, виновных в самовольном выезде (побеге) из мест обязательного поселения, при обнаружении немедленно арестовывать и привлекать к уголовной ответственности.

Расследование дел на всех бежавших с мест обязательного поселения выселенцев предлагалось проводить органам МВД по месту задержания бежавших и заканчивать в 10-дневный срок.

По линии местных прокуратур предлагалось согласно данного приказа «все законченные дела о побегах и уклонении от общественно-полезного труда выселенцев направлять на рассмотрение в Особые совещания при МВД СССР».

По этому Указу были осуждены тысячи и тысячи спецпереселенцев, которые привлекались к уголовной ответственности не за злостный побег, а просто за выезд без разрешения к своим родным в другие села или города.

Недавно в архиве я обнаружил уголовное дело Манджиевой М.П., 1897 года рождения, уроженки Ростовской области, которая была осуждена решением Особого совещания при МВД СССР от 17 июня 1949 года к 20 годам каторжных работ за совершенный якобы побег с места поселения в г.Новосибирске в Алма-Ату к своим родственникам без разрешения спецкомендатуры. Безусловно, никакого побега не было и в помине, а дочь выехала к своим родным похоронить вместе с ними умершую мать.

Этот факт еще раз подтверждает то, что каждый спецпереселенец был лишен самых элементарных прав, так как его жизнь регламентировалась вот такой распиской.

РАСПИСКА

Я, выселенец ____,
фамилия, имя, отчество
состоящий на учете в спецкомендатуре №___________________________________
______________________________района ____________________________области,
даю настоящую расписку в том, что Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года о том, что я выселен навечно и за самовольный выезд (побег) из места обязательного поселения подлежу привлечению к уголовной ответственности и осуждения к 20 годам каторжных работ, мне объявлен.
____
подпись
«___» ___________________________194__г.
Подписку отобрал____
должность и фамилия
«___» __________________________194__г.

Однако несмотря на жесткий режим спецпоселения, калмыки не хотели мириться со своим бесправным положением, совершали побеги из мест ссылки, наиболее отчаянные – по нескольку раз. Только с середины января по 1 ноября 1944 года было совершено калмыками, проживающими в Омской области, 140 побегов. Такие побеги, хотя в большинстве безуспешные, совершались спецпереселенцами-калмыками и в других областях. В Новосибирской области за 8 месяцев после вселения бежало 139 калмыков. Были факты групповых побегов или целыми семьями. Например, семья Надбитова совершила побег сразу после переселения 6 февраля 1944 года из Красноярского края, имея намерение через Омск и Казахстан пробраться в Астрахань. Немало калмыков бежали в южные районы страны и, нужно отметить, многим это удалось.

Были и другие формы протеста. Многие калмыки, не соглашаясь с преступной акцией депортации народа, считая это несправедливостью, писали об этом в Москву на имя Сталина. Например Манджиев Ц.М. из Новосибирской области в своем письме «мудрому» Сталину считал: «Калмыков переселили в Сибирь с тем, чтобы уничтожить как народ. Если Вы не переселите нас обратно в скором времени, то мы пропадем здесь всем народом». Калмык Дорджиев У.Д. из той же области выразил свое мнение таким образом: «Калмыцкий народ потерял автономию, а сами калмыки переселены в Сибирь, разве это не является угнетением калмыцкого народа». В письме Сталину бывший начальник райотдела милиции писал: «Не знаю и не понимаю, за что страдаю: я член ВКП(б), работал в органах милиции 8 лет. За собой ничего плохого не чувствую, но меня выслали страдать – не понимаю за что».

Свое мнение относительно депортации калмыков и предложения об определении судьбы калмыцкого народа выразили бывшие ответработники Саврушев Ц.О., Мацаков И.М., Манджиев С-Г., Азыдов И.Ф. и другие в коллективном письме на имя Сталина. Бывший председатель Калмрыбакколхоза Д.Андраев в беседе со спецкомендантом говорил: «Многие калмыки просят о возвращении на родину. Поэтому мы написали письмо товарищу Сталину с предложением о присоединении к Бурят-Монгольской АССР и Халх-Монголии для создания единой союзной республики в составе СССР».

В своих ежемесячных докладных в ОСП НКВД СССР спецкомендатуры с тревогой доносят об имевшихся настроениях среди калмыков-спецпереселенцев. Вот некоторые из них: Накудинова Харда, рабочая, 38 лет: «При выселении мне на сборы багажа дали всего 20 минут, я не успела даже собрать необходимые вещи. Сейчас совершенно голая, не имею никакой одежды. Потеряла двух детей, лучше бы расстреляли на месте, чем так жить здесь в Сибири».

Бадмаева М., учительница, 27 лет. «Нас выслали неправильно. Мы ни в чем не виновны, страдаем за людей, которые занимались разными пакостями. Сотрудники НКВД нам не разрешили взять с собой вещи домашнего обихода. Плохо, что наших мужей не было дома, иначе устроили концерт и осадили действия сотрудников».

Особую тревогу вызывали у сотрудников НКВД высказывания известных в Калмыкии людей, пользующихся у них авторитетом. В архивах сохранились донесения спецкомендантов об этих фактах, основанных на агентурных сведениях. Д.Н.Кугультинов, бывший офицер: «Сталинская Конституция – это фикция, потому, что идет уничтожение целых народов – татар, чеченцев, ингушей, калмыков».

А.У.Бадмаев, бывший офицер: «Совершенно непонятно, как это Сталин может говорить о единстве народов СССР, так как по его же воле многие малые народности, как калмыки, разграблены и преследуются Советской властью. Неужели после этого еще может быть единство народностей и интернационализм?»

Такого мнения придерживались многие спецпереселенцы-калмыки, понимавшие преступный характер национальной политики Сталина. Поистине каким огромным гражданским мужеством нужно было обладать, чтобы не страшась последствий, выступить с разоблачением политики депортации народов. За свои смелые выступления с осуждением выселения калмыков в Сибирь пострадал, например, один из героев Брестской крепости Н.К.Санджиев, осужденный 8 декабря 1945 года Алтайским крайсудом на 5 лет лишения свободы, с последующим поражением в правах сроком на 2 года с конфискацией имущества по обвинению «в антисоветской агитации среди калмыцкого населения на лесопункте, в восхвалении немецкой армии и

пораженческие высказывания в пользу Германии, а также в клевете на мероприятия Советской власти по вопросу переселения калмыков и жизненных условий калмыцкого населения в Сибири». Конечно, сейчас кажется все это диким фарсом в чем обвинялся прославленный орденоносец, герой-фронтовик, смело сражавшийся с фашистами в первые дни войны.

Пострадал после демобилизации из Красной Армии бывший офицер-фронтовик, поэт Д.Кугультинов, написавший поэму, посвященную депортации калмыков. На суде было предъявлено Д.Кугультинову обвинение также в том, что он в письме Сталину осуждал преступное выселение калмыцкого народа и предлагал возвратить обратно в родные места, сформировать из калмыков национальную дивизию и послать ее на фронт.

В каждом донесении спецкоменданта, в сводных информациях по каждой области и краю приводятся десятки фактов, когда многие калмыки, несмотря на ужесточение режима и усиление репрессий, мужественно выступали на защиту попранных прав калмыцкого народа и шли за это на многие годы в сталинские лагеря и тюрьмы. По-моему, пришло долгожданное время когда не боясь, нужно воздать должное этим мужественным людям, рассказать правду о каждом из них. Разве жизнь и судьба Николая Казиковича Санджиева не заслуживает того, чтобы о его удивительной жизни знало как можно больше людей. И сколько многих других, менее известных, скромных в жизни людей шли смело за восстановление справедливости по отношению к своему народу. Совсем недавно обнаружил документ, свидетельствующий о мужественном поступке тихого, скромного человека Эрдя Лиджи-Гаряева, аргументировано выступившего на партийном собрании, работая бухгалтером Сольтреста в Аральске, с осуждением допущенного произвола к калмыкам.

Несмотря на возрастание сопротивления спецпереселенцев, руководство НКВД придерживалось линии однозначной – усиление репрессий и ужесточение контроля за жизнью подопечных выселенцев. Карательные меры применялись за малейшую провинность ко всем спецпереселенцам-калмыкам. «Запомнил на всю жизнь, когда в 1949 году 10 ноября меня совхоз «Москаленский» (Марьяновского района Омской области) направил на курсы комбайнеров и во время учебы отсидел в КПЗ, а заплатил штраф только за то, что выехал из школы в свое село без разрешения коменданта на похороны двоюродного брата. Вместе со мной отсидел в КПЗ также за отлучку из школы без разрешения Н.Д.Мучкинов, который сейчас проживает в совхозе «Октябрьский» Яшалтинского района», – пишет А.М.Буринов из села Ики-Чонос Яшалтинского района. И таких фактов может припомнить каждый калмык, состоящий на спецучете в те годы.

Помню, как в августе 1952 года в райцентре Искитим Новосибирской области меня с моим одноклассником Николаем Тостаевым комендант посадил в КПЗ за то, что мы без его разрешения выезжали в Новосибирск для поступления в техникум.

Понятно, что при таком жестоком, бесчеловечном режиме спецпоселения калмыки выдержали и выжили благодаря доброй поддержке простых сибиряков, делившихся последним в тяжелые военные и послевоенные годы.

«Помню до сих пор наших соседей по бараку, – русскую семью, – пишет заслуженный врач КССР Э.С.Тимошкаева, – жили мы с ними дружно, душа в душу, старались помочь друг другу. Здесь, в сибирском селе, я похоронила своего мужа. И когда уехала отсюда, соседи следили за его могилой, пока были живы. Разве можно забыть моих подопечных больных, сибиряков, которые одели меня в холодную зиму в Хакасии в полушубок и теплые валенки». Вот другое свидетельство щедрой доброты простой русской женщины, приютившей старую калмычку с ее внучкой у себя в хате. «Привезли нас на санях в один из колхозов Убинского района Новосибирской области, – вспоминает В.Э.Нахатинова. – Бабушка со мной пошла искать квартиру, но нас боялись пускать. Помню на окраине села женщина, разговаривая с нами через окошко, сказала, что ходят слухи, приехали одноглазые людоеды. Увидев и поговорив с нами, она сжалилась над нами и пустила нас к себе на квартиру, где и так было тесно ей с детьми, но благодаря ее большой доброте мы с бабушкой прожили зиму в тепле и достатке. Простая сибирячка, сама нуждаясь с детьми, делилась с нами всем, что имела». «Как относились к переселенцам-калмыкам, – пишет из Омска Ференц Надь, – я могу говорить только о рабочем поселке Исилькуль, где жил в 1942-1944 гг. Какой-

либо вражды, чтобы кто-то упрекал, издевался, презирал – этого не было в помине. Оказывали посильную помощь топливом, продуктами, особенно жалели детей».

Необходимо заметить, что в трудных сибирских условиях, осложненных сталинско-бериевским произволом, калмыки, будучи патриотами своей Родины, проявили высокую трудовую активность, которая наглядно видна в их активном участии в соревновании за выполнение и перевыполнение производственных заданий. В отчете Тюменского обкома партии за 1944 год отмечалось, что калмыки, занятые на работах Самаровского и Сургутского консервного заводов, Нижневартовского рыбзавода, норму выработки выполняют в большинстве на 100-150%. На Самаровском консервном комбинате среди стахановцев числилось 39 калмыков, на Сургутском – 19. Хорошо трудились и рыбаки-калмыки Ханты-Мансийского округа. Наравне с другими рыбаками калмыки намного перевыполняли установленные плановые задания. Так, например, «коммунист О.Б.Алаев, председатель рабочкома Лузинского совхоза, сумел правильно наладить работу профкома, так организовал соревнование среди рабочих, что совхоз первым в Ульяновском районе закончил ремонт тракторов». Омский обком ВКП(б) отмечал примерную работу коммуниста Бадма-Гаряева – счетовода колхоза имени Ворошилова Ульяновского района, Н.Д.Орлова – начальника Северо-Восточного, управления Облзо.

В годы войны калмыцкий народ внес определенный трудовой вклад в разгром врага, вместе со всеми народами нашей Родины активно участвовал в восстановлении разрушенного фашистами народного хозяйства.

В первые годы после войны в выполнении заданий 4-ой пятилетки активное участие приняли калмыцкие трудящиеся. Где бы они ни работали – в промышленности или в сельском хозяйстве, все свои силы и знания они отдавали быстрейшему выполнению планов первой послевоенной пятилетки. В стройтресте № 2 г.Омска бригаду маляров возглавляла М.А.Мукаева, выполнявшая сменное задание на 150-160%. В Тюменской области строителями успешно работали З.И.Армазанова и Ц.А.Бораев, награжденные Почетными грамотами. Многие калмыки успешно работали в угольной промышленности Кемеровской области, в шахтах Прокопьевска, Новокузнецка, на угольных разрезах Красноярского края.

В исключительно трудных условиях шел процесс восстановления сельского хозяйства. Тем весомее вклад тех, кто в эту первую послевоенную пятилетку добивался лучших результатов. Среди хлеборобов Хакасии больших успехов добился И.Мучкаев – бригадир колхоза «Новая жизнь».

Самоотверженный труд по выполнению первой послевоенной пятилетки миллионов советских людей, среди которых были и калмыки, позволил нашей стране за короткий срок восстановить народное хозяйство и выйти на новые рубежи. Во второй и третьей послевоенных пятилетках калмыцкие трудящиеся успешно трудились в различных отраслях народного хозяйства и добивались при этом больших успехов. Так, например, в годы 5-ой пятилетки калмыки, как потомственные животноводы, добивались огромных успехов в этой области и передавали свой опыт ведения хозяйства другим. В Хакасии животноводы держали равнение на доярок Н.Болдыреву и Р.Болдыреву из колхоза имени Кирова Алтайского района. В годы пятой пятилетки вводятся звания лучших животноводов края, области, района. Среди тех, кому были присвоены эти звания, были и животноводы-калмыки. Так, в Красноярском крае за итоги работы в 1955 году доярке Н.Очир-Оконовой было присвоено почетное звание «Лучшая доярка края», имя ее занесено в краевую Книгу почета, скотоводам-пастухам А.Э.Эняеву, О.Манджиеву, Г.Г.Барахтаеву было присвоено звание «Лучший пастух края», их имена также занесены в краевую Книгу почета.

Много теплых слов по случаю восстановления национальной автономии калмыцкого народа было сказано в приветствиях и поздравлениях трудящихся областей и краев, где трудились калмыки в послевоенные годы.
Таким образом, с момента ликвидации республики до се восстановления калмыцкий народ показал себя полноправным членом Союза Советских Республик, хотя период пребывания в восточных районах страны не прошел бесследно.
Однако он не сломил духа преданности калмыков своей Отчизне. Приобретая новые профессии промышленных и сельскохозяйственных рабочих, используя богатый опыт

ведения животноводства, трудящиеся Калмыкии вносили весомый вклад в общее дело восстановления народного хозяйства и дальнейшего его подъема.

Здравствуй, мать-земля родная!

«Признать необходимым восстановить
национальную автономию калмыцкого народа»
из Указа Президиума Верховного Совета СССР
от 9 января 1957 г.)

В начале марта 1953 года после непродолжительной болезни умер «отец народов» Сталин. Многие калмыки искренне оплакивали смерть человека, чья злая воля обрекла их на вымирание в суровых условиях Сибири.

В скором времени был разоблачен и расстрелян «враг народа», «агент империализма» Л.Берия, с именем которого были связаны самые страшные злодеяния в стране. Наконец-то люди свободно вздохнули и стали ждать перемен к лучшему.

И действительно, вскоре перемены наступили. Вместе с хрущевской «оттепелью», восстановлением демократических принципов государственной и партийной жизни пришло определенное послабление спецпоселенцам, в том числе и калмыкам.

Первыми были сняты с учета спецпоселения калмыки-фронтовики, затем все коммунисты. Бывший фронтовик Уладжиев Г.Г. принес документ, на основании которого его сняли с учета:

СПРАВКА

Гражданин Уладжиев Гагня Ганеевич 1911 года рождения, проживающий в с.Миргении Исикульского района Омской области на основании распоряжения МВД СССР от 10 мая 1955 года с учета спецпоселения снят «10» июня 1955 года».

Старший оперуполномоченный 4 Спецотдела по Исикульскому району
старший лейтенант /Митрофаненко/

Теперь многие из них имели наконец возможность переехать в теплые края – в Казахстан, Узбекистан, Киргизию. Все больше людей калмыцкой национальности стало избираться в партийные и советские органы, быть удостоенными правительственных наград.

Страна шла к своему XX съезду КПСС, состоявшемуся в феврале 1956 года. Он имел выдающееся значение в жизни советского общества и открыл новую страницу в истории народов, репрессированных в годы Великой Отечественной войны.

В докладе Н.С.Хрущева «О культе личности и его последствиях», сделанном на закрытом заседании съезда, была дана партийная, принципиальная оценка совершенному Сталиным и его ближайшим окружением геноциду в отношении репрессированных им народов: «Так, уже в конце 1943 года, когда на фронтах Великой Отечественной войны определился прочный перелом в ходе войны в пользу Советского Союза, принято было и осуществлено решение о выселении с занимаемой территории всех карачаевцев. В этот же период, в конце декабря 1943 года точно такая же участь постигла все население Калмыцкой автономной республики. В марте 1944 года выселены были со своих родных мест все чеченцы и ингуши, а Чечено-Ингушская автономная республика ликвидирована. В апреле 1944 года с территории Кабардино-Балкарской автономной республики выселены были в отдаленные места все балкарцы, а сама республика переименована в Кабардинскую автономную республику. Украинцы избежали этой участи, потому что их слишком много и некуда было выслать. А то он бы и их выселил».

Самоотверженно трудясь в новых местах поселений, калмыки не теряли веры в торжество справедливости. XX съезд партии предложил возродить незаконно упраздненные национальные автономии, в том числе и автономию калмыцкого народа.

На основе решений XX съезда КПСС Президиум Верховного Совета СССР рассмотрел вопрос о положении калмыцкого, чеченского, ингушского, балкарского и карачаевского народов и, приняв во внимание их справедливое стремление вернуться на родину, решил полностью исправить допущенную в отношении этих народов несправедливость, восстановить их национальную автономию и тем самым обеспечить необходимые условия для их экономического и культурного развития. Пришло наконец-то долгожданное освобождение. Этого дня каждый калмык-спецпереселенец ждал с нетерпением более 12 лет и верил в торжество справедливости.

17 марта 1956 года был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР (правда, без опубликования в печати) «О снятии ограничений в правовом положении с калмыков и членов их семей, находящихся на спецпоселении».

В пункте 1 Указа предлагалось снять с учета спецпоселения и освободить из-под административного надзора органов МВД всех калмыков и членов их семей, но в то же время далее в пункте 2 категорически устанавливалось, что они не имеют право на возвращение имущества, конфискованного при выселении, без права возвращения в места, откуда они высланы. Тем не менее, люди, не дожидаясь решений сверху, возвращались в родные места.

«Как-то вечером на Павелецком вокзале мы увидели группу калмыков – человек десять-пятнадцать, – вспоминает писатель М.Б.Нармаев в книге «Возрождение». – Главным здесь, видимо, был худощавый, высокий мужчина. Мы поздоровались и поинтересовались, куда они едут.

– На свою родину, – ответил мужчина.

– Но никаких указаний на этот счет пока нет!

– Какие еще нам нужны указания! – отвечал высокий. – Мы теперь свободные люди, куда хочу – туда и еду. Еще у нас есть руки, проживем как-нибудь. На худой конец, – он насмешливо посмотрел на нас, – мы вырастим картошку на дне старого колодца, проживем!

Что можно было им ответить? Люди истосковались по родным местам, где они родились, росли, где покоится прах их предков...».

Калмыки, истосковавшиеся по родным местам, массами возвращались домой, невзирая на запрещения и трудности пути. ЦК КПСС, правительство Союза ССР и Российской Федерации проделали огромную работу по организации скорейшего возвращения калмыцкого народа из районов Сибири, Казахстана и Средней Азии.

Для руководства восстановлением автономии калмыков, развитием ее экономики, воссозданием партийных, советских и общественных организаций ЦК КПСС в декабре 1956 года создал оргбюро областного комитета партии, первым секретарем которого был утвержден Н.И.Жезлов, выдвинутый на этот пост Ставропольским крайкомом КПСС, и оргкомитет областного Совета депутатов трудящихся, председателем которого стал Д.Б.Утнасунов, работавший секретарем обкома ВКП(б) до упразднения автономии в 1943 году.

В соответствии с решениями XX съезда КПСС Верховный Совет СССР на шестой сессии в феврале 1957 года утвердил Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР от 9 января 1957 года «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе РСФСР». Калмыцкая автономная область была восстановлена в составе Ставропольского края, в котором она находилась до преобразования в автономную республику.

3 марта 1957 года состоялись первые после восстановления автономии выборы в областной Совет депутатов трудящихся. И сейчас, когда справедливость восторжествовала, люди вновь обрели свою родину, имели право выбирать своих представителей. Народ, наконец, почувствовал себя полноправным членом нашего многонационального общества. Но учитывая обстановку того времени, можно себе представить энтузиазм, подъем национального духа народа.

Выборы депутатов областного Совета депутатов трудящихся по всем 79 избирательным округам были проведены в полном соответствии с Конституцией СССР и Положением о выборах в местные Советы депутатов трудящихся.

В марте 1957 года на 1-й сессии областного Совета депутатов трудящихся были сформированы органы государственной власти Калмыцкой автономной области и политически оформлены права автономной области.

Состоявшаяся в декабре 1957 года XVIII партийная конференция организационно оформила областную партийную организацию. На ней были избраны областной комитет КПСС в количестве 100 членов и кандидатов в члены. Первый пленум обкома КПСС избрал бюро из 11 человек и первого секретаря обкома партии. Им стал Николай Игнатьевич Жезлов.

Вновь созданные партийные и советские органы активно занялись вопросами переселения калмыцкого населения и утвердили план переселения в 1957 г. калмыков из районов Сибири, Севера, Сахалинской области, Киргизской и Казахской ССР в районы Калмыкии.

По плану было предусмотрено, прежде всего, переселить те семьи калмыков, которые жили относительно большими группами на территории той или иной области или края. По-видимому, за невозможностью переписи всего калмыцкого населения в местах ссылки, проводились приблизительные подсчеты из расчета в среднем на четырех человек в семье.

В целях лучшей организации вопросов переселения калмыцкого населения был образован Отдел переселения и оргнабора рабочей силы. На этот отдел возлагались функции по переселению калмыцкого населения, его размещению и трудоустройству. С момента начала своей работы в январе 1957 года Отдел провел огромную работу по организации приема и трудоустройства прибывающих калмыков. Большую помощь в подъеме экономики депортированных народов оказали решения Совета Министров РСФСР от 22 февраля 1957 года «О мерах оказания помощи Калмыцкой Автономной области Ставропольского края» и от 12 февраля 1957 года «О предоставлении льгот и оказании помощи колхозникам, рабочим, служащим, возвращающимся в Чечено-Ингушскую и Кабардино-Балкарскую АССР, Калмыцкую и Карачаево-Черкесскую автономные области Ставропольского края, а также в Дагестанскую АССР и в некоторые районы Северо-Осетинской АССР, Астраханской и Ростовской областей». В этих решениях предусматривались выдача кредитов на строительство и ремонт домов, на приобретение коров особо нуждающимися семьями, освобождение возвращающихся колхозников в год переселения от уплаты сельхозналога и т.д.

В марте 1957 года ответственные работники Калмыцкого облисполкома и Калмыцкого обкома партии были направлены в Новосибирскую, Омскую и Тюменскую области, в Красноярский и Алтайский края. В сферу их деятельности входило вести массово-разъяснительную работу по отправке калмыцких семей на родину.

В связи с отправкой уполномоченных в некоторые области и края Сибири Советом Министров РСФСР были определены основные направления деятельности уполномоченных. В помощь им предлагалось выделить на местах специальных работников, которые будут заниматься вопросами подготовки к переселению на родные места калмыков. Уполномоченные в своей работе исходили из следующих установок: определение места поселения калмыков, переселение в первую очередь районов, прилегающих к железнодорожным станциям и т.д. Все уполномоченные по приезду в места деятельности добивались от местных органов своевременного расчета, организации вывоза выезжающих семей до ближайшей железнодорожной станции или водной пристани и т.д.

Уполномоченные и их помощники на местах проводили большую разъяснительную работу об условиях возвращения в родные места, о маршрутах переезда с места поселения до станции железной дороги или пристани в Калмыкии. Оплату за перевозку добровольно брали на себя совхозы, колхозы, предприятия и т.д. своими силами и средствами без оплаты отъезжающих. Разрешалось брать с собой и перевозить домашнее имущество, домашний скот, продукты питания, пиломатериал и детали, все то, что было необходимо в дороге и в обустройстве по приезду на родину.

В обязанности уполномоченных входило также формирование эшелонов, размещение людей, багажа. Стоимость же вагона и проездные оплачивали сами отъезжающие. Все вагоны, полученные переселенцами, поступают под ответственность самих едущих. Заявки на вагоны по каждой станции железной дороги обязаны были представить уполномоченные Калмыцкого облисполкома. Отъезжающим калмыкам и членам их семей разъяснялось, что в местах возвращения готовых домов, квартир нет, что им на первое время придется жить во времянках и частных квартирах до тех пор, пока они сами не построят себе жилье. Но никакие трудности не могли остановить того порыва, с которым народ возвращался на родную землю. В фондах Центрального государственного архива Калмыцкой АССР сохранилось множество писем-просьб о разрешении переезда в Калмыкию и по мере возможности Облисполком давал такие разрешения сверх плана. Сохранились соответствующие указания облисполкома о переезде отдельных групп калмыков за счет государства. Предусматривалось переселение калмыцких семей за счет соответствующих краевых (областных) исполкомов, проживающих в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком национальных округах Тюменской области, Таймырском национальном округе, в Игарке, Туруханском, Ярцевском, Енисейском районах Красноярского края. Также за счет государства переезжали семьи, где не было трудоспособных лиц, инвалиды войны и труда, проживающие за счет пенсии.

Решением Совета Министров РСФСР на эти цели по бюджету области на 1958 год было предусмотрено выделить 3 млн.руб.

В связи с тем, что калмыцкие семьи проживали также и в других северных районах Сибири, которые не имеют возможности выехать на родину за свой счет, Совет Министров РСФСР разрешил вывезти эти семьи за счет государства в пределах выделенных на эти цели средств.

Из-за невозможности посылать своих уполномоченных в каждый район, где проживали калмыки, возникали затруднения с разъяснениями условий переезда, перевоза домашнего имущества и скота. В связи с этим многие калмыцкие семьи сдавали скот, а домашнее имущество распродавали, оставляя на руках квитанцию с надеждой получения его по приезду домой. Если приблизительно учесть, что плановой перевозке подлежало свыше 20 тыс. семей, то это составило бы 20 тыс. коров. Такого количества скота конторы «Заготскот» Калмыцкой области не в состоянии были выдать. По этим фактам Калмыцкий облисполком направлял в местные органы письма-разъяснения, где говорилось, что каждая калмыцкая семья, переезжающая в плановом порядке, имеет право на бесплатный проезд, провоз скота и прочего имущества в пределах 2-х тонн.

Уместно отметить и принцип формирования эшелонов и прибытие их на конечный пункт. Калмыки, переезжающие в Калмыцкую область, в большинстве своем изъявляли желание вернуться в те районы, где они проживали до высылки, но за отсутствием железнодорожных станций в Калмыкии (за исключением Дивного, Улан-Хола и Артезиана), предлагается проезд до ближайшей к месту жительства станции.

При формировании эшелона выбирались самые оптимальные варианты станций назначения, т.е. люди, изъявившие желание, допустим, проживать в западных районах Калмыцкой области, прибывали на станцию Сальск, в южных и центральном районах – на станцию Дивное, в северных – на станцию Абганерово, в восточных и юго-восточных – соответственно на станции Улан-Хол и Артезиан.

Для въезда на территорию Калмыцкой области облисполкомом рассылались по районам Сибири, Казахстана и Сахалина пропуск-разрешение на переселение в плановом порядке. Однако многие калмыки, не дожидаясь получения пропусков, продав свое хозяйство, уезжали самовольно. Например, в своей информации уполномоченный при Алтайском крайисполкоме Манджиев сообщает: «Довожу до Вашего сведения, что первоначально было учтено по Алтайскому краю 4 700 семей (около 18 тыс.чел.) и для выезда в Калмыцкую Автономную область выдано пропусков 1 600 семьям. Отправлено по оргнабору 100 семей и одиночек, а самовольный выезд не поддается отчету...».

Параллельно с работой по переселению калмыцкого населения проводилась большая работа по их приему и трудоустройству, так как территория Калмыкии была

слабо заселена и после Великой Отечественной войны фактически не восстанавливалась и калмыки, возвращающиеся к родным очагам, приезжали практически на пустые места к разрушенным войной или не заселенным со времени высылки поселкам. Принимая это во внимание, неоценимую помощь оказали Калмыкии Правительство СССР и РСФСР, сопредельные края и области, простые люди разных национальностей, которые приезжали сюда по оргнабору.

Во многих поселках и населенных пунктах, выбранных для поселения, развернулось жилищное строительство, для которого требовались стройматериалы и средства. Появилась необходимость организации новых и расширение имеющихся совхозов для трудоустройства прибывающего трудоспособного калмыцкого населения, начиналась планомерная работа по приему, обустройству и трудоустройству калмыков. Исходя из этого, в марте 1957 года был утвержден план переселения калмыков-специалистов и членов их семей, их прием и трудоустройство по районам Калмыцкой области. Одновременно также был решен вопрос о выделении единовременного денежного пособия и ссуды для индивидуального строительства, приобретения скота, на оказание единовременной помощи. Только на капитальное строительство в Элисте в 1957 году было выделено 73 млн.руб., 40 тыс.м3 леса, детали сборных домов, стройматериалы, разнообразная техника. В порядке помощи остро нуждающимся семьям, инвалидам войны и труда было выдано более 1 млн.руб. и построены жилые дома на 734 тыс.руб. Для строительства индивидуальных домов и приобретения скота калмыцкому населению была предоставлена на льготных условиях через Сельхозбанк ссуда в 63 млн.руб. Всего за два года калмыцким населением было приобретено более восьми тысяч голов крупного рогатого скота, построено пять тысяч индивидуальных домов. В целом государство израсходовало на индивидуальное жилищное строительство 107,5 млн.руб., на приобретение скота – 18,5 млн.руб., на переселение и оказание единовременной помощи – 6,6 млн.руб.

В течение 1957-1959 гг. из различных районов Сибири, Средней Азии и Казахстана в родные степи возвращалось 18 158 семей (72 665 чел.). Преобладающее большинство трудоспособного населения (21 923 чел.) стало работать в совхозах и колхозах, на транспорте и в учреждениях.

Правда, многие калмыки по приезду в родные края, как отмечалось на сессии облисполкома в июне 1957 года, очень часто вместо теплой и дружеской встречи наталкивались на пренебрежительно-бездушное отношение со стороны многих руководителей районных организаций. Например, председатель Западного райисполкома Ефремов, несмотря на неоднократные просьбы прибывших на станцию Сальск 8 семей-калмыков о посылке автомашин за ними на железнодорожную станцию, никаких мер не принял к обеспечению транспортом. Организованная облисполкомом проверка по Западному, Яшалтинскому, Черноземельскому, Приютненскому, Сарпинскому и Яшкульскому районам показала, что здесь к приему, обеспечению жильем и трудоустройству прибывших калмыцких семей относятся совершенно безответственно, формально-бюрократически и руководители этих районов проявляют бездушное отношение к живым людям. Особо невыносимое отношение сложилось для калмыцких семей, прибывших в Западный и Яшалтинский районы. Председатель колхоза им.Чапаева Жмырко, председатель Пушкинского сельского совета в Западном районе Лесовой разместили 2 семьи из 13 человек в курятнике, в антисанитарных условиях на земляном полу с грудными детьми.

Не лучше обстояло положение с трудоустройством прибывшего калмыцкого населения. Если судить по формальным сводкам, то, на первый взгляд, кажется все благополучно, но если обратиться к фактам, то складывалась совсем иная картина. Критическое положение в связи с трудоустройством сложилось в Черноземельском и Прикаспийском районах. Например, Черноземельский район должен был по плану принять 650 семей на 5 апреля 1957 года, но размещено было всего 300, и все не трудоустроены.

Безусловно, были факты противоположные к приведенным выше и хорошего было больше. «Чтобы привлечь и удержать людей в хозяйстве, председатель колхоза «Пролетарская победа» Западного района Федор Дедов, – пишет М.Нармаев, – каждый день посылал в Сальск автомашины, и его люди встречали переселенцев. Что он делал этот председатель? Прибывших принимал в колхоз, давал единовременное пособия, выделял им хлеб, картошку, продавал корову или телку. А самое главное, отмерял

земельные участки, огораживал их и, хотя никаких строений пока там не было, велел сажать огород и деревья...».

К ноябрю 1957 года возвратилось на территорию Калмыцкой автономной области Ставропольского края 9 318 семей с населением 35 297 чел. Все прибывшие семьи были обеспечены постоянным жильем, в том числе проживали в коммунальных и ведомственных домах 705 семей, и на частных квартирах – 630 семей, во вновь построенных индивидуальных жилых домах – 1 736 семей, в купленных домах — 705 семей.

В конце октября 1957 года вопрос о состоянии в трудовом и хозяйственном устройстве возвратившихся семей калмыков был обсужден на областном партийном активе, где особое внимание было обращено на трудовое устройство и на обеспечение жильем, и на организацию приема и устройства калмыков в 1958 году.

Необходимо отметить, что процесс возвращения калмыков в родные места продолжался в 1958 и в 1959 годах.

Восстановление Калмыцкой автономной области в составе Ставропольского края на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 года поставило вопрос об административно-территориальном делении будущей Калмыцкой области в составе края.

Как известно, 28 декабря 1943 года Калмыцкая АССР была упразднена и ее административно-территориальное устройство было реорганизовано. До упразднения Калмыцкой автономии в республику входило 13 улусов (районов) – Долбанский, Лаганский, Приволжский, Улан-Хольский, Западный, Яшалтинский, Юстинский, Черноземельский, Троицкий, Приютненский, Сарпинский, Малодербетовский, Кетченеровский. В декабре 1943 года после упразднения автономной республики восемь районов были переданы в состав Астраханской области – Долбанский, Лаганский, Приволжский, Улан-Хольский, Юстинский, Черноземельский, Кетченеровский, Троицкий (переименован в Степновский, а затем передан Ставропольскому краю); в Ставропольский край – Приютненский, позже Троицкий (Степновский) районы; в Сталинградскую область – Малодербетовский и Сарпинский районы (в 1950 году объединены и названы Сарпинским районом); в Ростовскую область – Западный и Яшалтинский (переименован в Степновский район Ростовской области).

Кроме того, в составе Ростовской области в довоенный период находился Калмыцкий район, который в 1944 году был упразднен и влился в четыре района Ростовской области: Пролетарский, Мартыновский, Романовский и Зимовниковский.

После XX съезда КПСС, когда был рассмотрен вопрос о восстановлении автономии калмыцкого народа в составе Ставропольского края, в декабре 1956 года крайком КПСС и крайисполком Ставропольского края направили письмо в Бюро ЦК КПСС по РСФСР, Президиум Верховного Совета РСФСР, Совет Министров РСФСР «Об административно-территориальном делении Калмыцкой автономной области». «Учитывая экономические и территориальные условия, а также национальный состав населения, крайком КПСС и крайисполком просят образовать в составе Калмыцкой автономной области областной центр г.Элиста (ныне г.Степной) и 13 районов с количеством 64 сельских поселковых Совета, в том числе:

1. г.Элиста (областной центр), с населением 16 тыс.чел., подчинив ему Вознесеновский сельский Совет.

2. Целинный район (районный центр – поселок Целинный). В настоящее время на территории района имеется 6 сельских Советов, с населением 4,3 тыс.чел.

3. Яшкульский район (центр – поселок Яшкуль, ныне Песчанный).

4. Черноземельский район (районный центр – поселок Комсомольский, ныне Красный камышанник). Население – 3,4 тыс.чел.

5. Приютненский район (райцентр – село Приютное).

6. Западный район (райцентр – поселок Башанта), население района – 14 тыс.чел.

7. Яшалтинский район (ныне Степновский район), районный центр – поселок Яшалта (ныне село Степное).

8. Сарпинский район (райцентр – село Садовое), население 17,5 тыс.чел.

9. Приозерный район (районный центр – поселок Приозерный).

Образуется из земель бывшего Никольского района Астраханской области и части Сарпинского района Сталинградской области.

10. Юстинский район (ныне Енотаевский район), райцентр – поселок Юста (ныне – Трудовой).

11. Приволжский район (райцентр – рабочий поселок Кануков, ныне Приволжский).

12. Лиманский район (райцентр – село Лиман).

13. Каспийский район (пос.Каспийский).

Таким образом, приведенным выше письмом предусматривалось восстановление территории Калмыцкой области в пределах по состоянию на 27 декабря 1957 года, т.е. в пределах ранее существовавшей Калмыцкой автономной республики.

Вслед за Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 года выходит в свет Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об административном составе Калмыцкой автономной области» от 12 января 1957 года. Калмыцкая автономная область была восстановлена в составе десяти районов: Западного, Яшалтинского, Сарпинского, Приозерного, Приютненского, Юстинского, Целинного, Черноземельского, Каспийского, Яшкульского районов.

Таким образом, территория восстановленной Калмыцкой автономной области не соответствовала упраздненной в 1943 году Калмыцкой АССР, т.к. были исключены два района – Приволжский и Лиманский, которые остались в Астраханской области. Калмыцкий обком КПСС и облисполком обращались с неоднократными просьбами в Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совмин РСФСР о возвращении этих районов в состав Калмыцкой автономной области, но несмотря на это вопрос остается нерешенным.

25 декабря 1956 года Оргбюро и Оргкомитет направляют письмо в Бюро ЦК КПСС по РСФСР, в котором, в частности, говорилось: «...Учитывая, что калмыцкое население в бывшей Калмыцкой АССР было занято в основном в животноводстве и в рыбной промышленности и теперь тяготеет к этому, оргбюро Калмыцкой областной партийной организации области просят Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совет Министров РСФСР определить границы Калмыцкой автономной области в границах бывшей КАССР, т.е. включить районы Каспийский, Лиманский и Приволжский, часть земель Енотаевского и Никольского районов Астраханской области, Степновский, Черноземельский и часть земель Арзгирского, Апанасенковского районов Ставропольского края, Степновский, Западный районы Ростовской области и Сарпинский район Сталинградской области.

Ростовский, Сталинградский областные и Ставропольские краевые организации не имеют возражений против передачи Калмыцкой автономной области районов, бывших ранее в составе КАССР. Астраханские областные органы настаивают на том, чтобы часть Лиманского района и рабочий поселок Поволжский, бывшие ранее в составе КАССР, оставить в составе Астраханской области. В целях более правильного и быстрейшего восстановления экономики Калмыцкой автономной области и полного использования трудовых ресурсов, считаем целесообразным эту территорию включить в состав Калмыцкой автономной области».

На 1-й сессии областного Совета депутатов трудящихся данный вопрос ставился депутатом Нармаевым М.Б.: «...Значительное количество населения находится в

Астраханской области. Я хочу высказать свои мнения о нуждах тех калмыков, которые проживают в этой области. Недавно в Астраханской области были наши товарищи и рассказывают, что там калмыкам не дают работы, не обеспечивают жильем, даже в некоторых местах поставили условия, чтобы они к 20 марта ушли из этих мест. Считаю необходимым поручить областному Совету:
1. Об этих фактах сообщить Совету Министров РСФСР.
2. Послать представителя из облисполкома разобраться в причинах такого отношения к прибывшим калмыкам.
3. Необходимо поставить вопрос о присоединении двух районов, ранее входивших в состав Калмыцкой автономной республики и эти вопросы надо решать немедленно...».

24 января 1958 года в Бюро ЦК КПСС по РСФСР, Совету Министров РСФСР было направлено письмо от Калмыцкого обкома КПСС и от облисполкома за подписью Н.И.Жезлова и Э.А.Сангаева: «При образовании Калмыцкой автономной области и определении ее границ в январе 1957 года два района – Лиманский и Приволжский бывшей КАССР, с калмыцким населением в количестве 18 400 чел. на начало 1943 года остались в составе Астраханской области. После образования Калмыцкой автономной области, на прежние места жительства в Лиманский и Приволжский районы возвратились около 8 000 чел. калмыцкого населения. Прибывшее в эти районы калмыцкое население, а также оставшееся население в областях и краях Сибири, подлежащее плановому переселению в 1958 году, неоднократно обращались в ЦК КПСС и Президиум Верховного Совета СССР, а также Оргбюро Калмыцкой партийной организации и облисполком с просьбой о возвращении Лиманского и Приволжского районов Калмыцкой автономной области для приобщения калмыцкого населения этих районов к совместной жизни в целях дальнейшего развития хозяйства и культуры калмыцкого народа...».

В Калмыцкий обком КПСС и облисполком поступало множество писем частного и коллективного характера от калмыцкого населения, проживающего в Приволжском и Лиманском районах, с просьбой о возвращении их в состав Калмыцкой автономной области. Одно из этих писем было подписано 52-я жителями Лиманского и Приволжского районов разных национальностей – русскими, казахами, татарами и калмыками. В письме содержалось обращение жителей о восстановлении территории двух районов в составе Калмыцкой области. Однако из выступления первого секретаря Астраханского обкома КПСС Ганенко от 14 декабря 1956 года на партийной конференции Приволжского района известно, что руководители Астраханской области ходатайствуют перед Правительством об оставлении Приволжского и Лиманского районов за Астраханью.

Калмыцкое население, ранее проживавшее в этих районах, продолжало возвращаться из областей и краев Сибири на данные территории. При этом переживая большие трудности с жилищным устройством, трудоустройством, но несмотря на трудности, читаемые местными органами Астраханской области, народ все прибывает и устраивается кто где сумеет.

Приблизительно к июню 1957 года калмыцкое население, прибывшее из Сибири, достигло численности около 8 тыс. чел. и проживало в следующих населенных пунктах:

1. Зензели –	300 семей, 1400 душ
2. Коря-Оля-Чонта –	290 семей, 1 320 душ
3. Зельма –	30 семей, 140 душ
4. Бантир –	90 семей, 420 душ
5. Долбан (Лиман) –	120 семей, 510 душ
6. Яндык и окрестности –	80 семей, 390 душ

7. Промысловка с окр. –	90 семей, 425 душ
8. Айменким –	115 семей, 510 душ
9. Шебенер –	110 семей, 490 душ
10. Караван-Михайловка –	75 семей, 310 душ
11. Могота-Кюнкюня –	35 семей, 260 душ
ИТОГО:	1 335 семей, 6 125 душ.

Кроме того, калмыки проживали в русских селах Астраханской области – Икряное, Бахтемировка, Ниновка, Оранжерейное, Маячное и др. в количестве 350 семей с населением 1 580 чел.

Все предложения, касаемые территории Приволжского и Лиманского районов, не вызывали в центре возражений, а наоборот, они находили полную поддержку. Об этом можно судить по многим сохранившимся документам того времени. Однако в период принятия Указов Президиума Верховного Совета РСФСР от 9 и 12 января 1957 года состоялось волевое решение, исходящее, очевидно, от А.Б.Аристова – тогдашнего секретаря ЦК КПСС о передаче Лиманского и Приволжского районов в состав Астраханской области. Так, чисто субъективным, волюнтаристским подходом экономике Калмыкии в самом начале ее развития был нанесен непоправимый ущерб, т.к. экономически мощные и географически выгодно расположенные эти районы имели бы важное значение в подъеме народного хозяйства республики.

В процессе работы с данными документами, анализируя их, мы пришли к несколько неожиданному выводу: вопрос о присоединении Лиманского и Приволжского районов органически связан с восстановлением Калмыцкой автономной области.

Исходя из установки, что автономная республика самостоятельно решает вопросы, относящиеся к ее ведению, территория автономной республики не может быть изменена без ее согласия. В случае восстановления республики (как это было с Чечено-Ингушской и Кабардино-Балкарской АССР) следовало бы восстановление Калмыцкой автономии в ее прежних границах, т.е. включающей в себя Лиманский и Приволжский районы. Учитывая это, по-видимому, было принято решение оставить эти районы в составе Астраханской области, восстановив Калмыцкую автономную область в составе Ставропольского края. Таким образом, была достигнута цель оставить экономически развитые, географически выгодно расположенные районы за Астраханской областью.

Учитывая, что процесс становления автономии калмыцкого народа в составе Ставропольского края в основном завершился и область взяла необходимые темпы экономического и культурного роста, Президиум Верховного Совета СССР 29 июля 1958 года принял решение о преобразовании автономной области в Калмыцкую автономную республику.

19 октября 1958 года состоялись выборы в Верховный Совет Калмыцкой АССР, а 28 октября 1958 года в Элисте открылась его первая сессия. Ее открыл Герой Советского Союза, генерал-полковник в отставке О.И.Городовиков. Сессия избрала Президиум Верховного Совета Калмыцкой АССР. Было образовано правительство Калмыкии – Совет Министров КАССР. Первая сессия Верховного Совета Калмыцкой АССР образовала соответствующие комиссии, внесла дополнения и изменения в Конституцию Калмыцкой АССР.

Таким образом, Калмыкия стала одной из равноправных республик наряду с другими народами Российской Федерации. За достигнутые успехи в хозяйственном и культурном строительстве и в ознаменование 350-летия добровольного вхождения калмыцкого народа в состав России в августе 1959 года она была награждена орденом Ленина.

Исходя из всего вышеизложенного, можно заключить, что процесс восстановления автономии калмыцкого народа был частично завершен. С восстановлением Калмыцкой АССР была восстановлена историческая справедливость по отношению к калмыцкому народу, хотя в принятых государственных актах ничего не говорилось о полной политической реабилитации, снятии всех обвинений, предъявленных калмыцкому народу.

Приложение

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
О ликвидации Калмыцкой АССР
и образовании Астраханской области в составе РСФСР

Учитывая, что в период оккупации немецко-фашистскими захватчиками территории Калмыцкой АССР многое калмыки изменили Родине, вступали в организованные немцами воинские отряды для борьбы против Красной Армии, предавали немцам честных советских граждан, захватывали и передавали немцам эвакуированный из Ростовской области и Украины колхозный скот, а после изгнания Красной Армией оккупантов организовывали банды и активно противодействуют органам Советской власти по восстановлению разрушенного немцами хозяйства, совершают бандитские налеты на колхозы и терроризируют окружающее население, – Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Всех калмыков, проживающих на территории Калмыцкой АССР, переселить в другие районы СССР, а Калмыцкую АССР ликвидировать. Совету Народных Комиссаров СССР наделить калмыков в новых местах поселения землей и оказать им необходимую государственную помощь по хозяйственному устройству.

2. Образовать в составе РСФСР Астраханскую область с центром в гор.Астрахани. Включить в состав Астраханской области районы бывшей Калмыцкой АССР – Долбанский, Кетченеровский, Лаганский, Приволжский, Троицкий, Улан-Хольский, Черноземельский и Юстинский и гор.Элиста; районы Астраханского округа – Владимировский, Володарский, Енотаевский, Икрянинский, Камызякский, Красноярский, Наримановский, Харабалинский и гор.Астрахань.

Астраханский округ Сталинградской области ликвидировать.

3. Районы бывшей Калмыцкой АССР – Мало-Дербетовский и Сарпинский включить в состав Сталинградской области; Западный (Башанта), Яшалтинский – включить в состав Ростовской области; Приютненский – в состав Ставропольского края.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР (М.Калинин)

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР (А.Горкин)

Москва, Кремль
27 декабря 1943 г.

Сов.секретно
№ 1432/425/СС
ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Совета Народных Комиссаров Союза ССР
28 декабря 1943 г. Москва. Кремль.

Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет:

1. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета ССР всех калмыков, проживающих в Калмыцкой АССР, выселить в Алтайский и Красноярский края, Омскую и Новосибирскую области.

Выселение калмыков возложить на НКВД СССР. Обязать НКВД СССР направить выселяемых калмыков:

в Алтайский край –	25.000 человек
в Красноярский край –	25.000 человек
в Омскую область –	25.000 человек
в Новосибирскую область –	20.000 человек

3. Возложить на Алтайский и Красноярский крайисполкомы, Новосибирский и Омский облисполкомы:

а) Прием, размещение и вовлечение прибывающих спецпереселенцев в члены сельскохозяйственных, рыболовецких и промысловых артелей и наделение приусадебными участками в соответствии с уставом сельхозартели.

б) Оказание содействия по строительству собственных домов переселяемым путем предоставления местных строительных материалов.

в) Расселение калмыков производить главным образом в сельском хозяйстве, животноводстве и рыболовецких хозяйствах. Рабочих, служащих в предприятия районов вселения с использованием по специальности.

Расселение производить в первую очередь и пустующие здания колхозов и совхозов, путем освобождения части зданий в трудпереселенческих и спецпоселках, а также путем уплотнения жилых зданий в колхозах, совхозах и подсобных хозяйствах.

4. Обязать председателей крайисполкомов: Алтайского – тов.Корчагина, Красноярского – тов.Колущинского, облисполкомов – Новосибирского – тов.Токарева и Омского – тов.Гришина для обеспечения приема и размещения прибывающих переселенцев провести следующие мероприятия:

а) Создать краевые и областные комиссии в составе председателей крайисполкомов, секретарей обкома и начальников УНКВД. Возложить на эти комиссии проработку и проведение всех мероприятий, связанных с приемом и размещением прибывающих спецпереселенцев.

б) Командировать в места вселения ответственных представителей для проведения организационно-хозяйственных подготовительных мероприятий по размещению прибывающих.

в) В каждом районе вселения спецпереселенцев организовать тройки в составе председателя райисполкома, секретаря райкома и начальника УНКВД.

На указанные тройки возложить организацию встречи прибывающих спецпереселенцев и направление их к месту вселения.

г) Обеспечить наличие к моменту прибытия эшелонов с переселенцами на станциях разгрузки представителей колхозов, совхозов и подсобных предприятий, в которые вселяются прибывающие, а также достаточное количество мобилизованного транспорта для перевозки вещей и детей спецпереселенцев.

д) В местах вселения ко времени прибытия переселяемых обеспечить подготовку помещений для из размещения.

5. Для обеспечения питанием прибывающих спецпереселенцев в первые дни их устройства и освоения НаркомЗагу СССР и Наркоммясомолпрому СССР выделить Красноярскому и Алтайскому краям, Омской и Новосибирской областям продовольственного фонда по расчету согласно приложения № 1 в счет оставленного спецпереселенцами на месте скота и зерна.

6. Обязать Правление Сельхозбанка (тов.Кравцова) обеспечить выдачу кредитов для спецпереселенцев на индивидуальное жилищное строительство и хозяйственное обзаведение из расчета до 5 тыс. рублей на семью с рассрочкой на 7 лет под гарантию колхоза и совхоза.

7. Обязать Госплан СССР (тов.Вознесенского) выделить в 1-м квартале 1944 года для производства ремонта и приспособлений жилых зданий и других построек спецпереселенцам в течение января и февраля 1944 года:

	пиломатериалов	катанка для гвоздей	стекла
Алтайскому краю –	5 тыс.м3	7 тонн	2 вагона
Красноярскому краю –	3 тыс.м3	7 тонн	2 вагона
Омской области –	3 тыс.м3	7 тонн	–
Новосибирской области –	3 тыс.м3	7 тонн	2 вагона

8. Предоставить право Красноярскому и Алтайскому крайисполкомам, Омскому, Новосибирскому облисполкомам мобилизовать для перевозки спецпереселенцев авто- и гужтранспорт любых предприятий союзной и местной промышленности и колхозов, а также использовать автотранспорт, работающий на вывозке зерна в попутном и порожном направлении.

9. Обязать НКВД СССР организовать в районах расселения спецпереселенцев спецкомендатуры НКВД, отнеся их содержание на счет сметы НКВД СССР. Зарплату работникам спецкомендатур установить наравне с оперативными работниками УНКВД.

10. Обязать Наркомзем СССР (тов.Андреева), Наркомсовхозов (тов.Лобанова), Наркоммясомолпром (тов.Смирнова), Наркомрыбпром (тов.Ишкова), Наркомзаг СССР (тов.Субботина) организовать прием от спецпереселенцев в районах по указанию НКВД СССР: Наркомзему – лошадей и др. рабочий скот, Наркомсовхозов – племенной скот, Наркоммясомолпрому – молочный и другой продуктивный скот, Наркомрыбпрому – рыбную продукцию и орудия лова, Наркомзагу – продукцию сельского хозяйства.

Прием всего скота, рыбной продукции и продукции сельского хозяйства, а также компенсацию за принятое имущество спецпереселенцев производить на условиях, установленных постановлением СНК СССР № 1118-342сс от 14 октября 1943 года.

11. Обязать Наркомздрав СССР (тов.Митерева) обеспечить по согласованию с НКВД санитарно-медицинское обслуживание эшелонов со спецпереселенцами в пути.

Заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР (В.Молотов)

Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров СССР (Я.Чадаев)

№ 001475/279 сс 22 декабря 1948 года гор.Москва

№ 1

В целях укрепления режима поселения для высланных Верховным органом СССР в период Отечественной войны чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и др., а также в связи с тем, что во время их переселения не были определены сроки их высылки, Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 26 ноября 1948 года «Об уголовной ответственности за побег с мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» установлено, что переселение в отдаленные районы Советского Союза указанных выше лиц проведено навечно, без права возврата их к прежним местам жительства.

За самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения виновные подлежат к привлечению к уголовной ответственности и наказанию в 20 лет каторжных работ.

Этим же указом установлено, что лица, виновные в укрывательстве бежавших из мест обязательного поселения или способствовавшие их побегу, лица, виновные в выдаче разрешения выселенцам на возврат их в места их прежнего жительства, и лица, оказывающие помощь в устройстве их в местах прежнего жительства, подлежат привлечению к уголовной ответственности и наказанию за эти преступления лишением свободы на срок 5 лет.

№ 2.

Постановлением Совета Министров СССР № 4363 – 1726 сс от 24 ноября 1948 года «О выселенцах» установлено, что перечисленные выше выселенцы, уклоняющиеся в местах их поселений от общественно-полезного труда, т.е. пытающиеся продолжать паразитический образ жизни, подлежат привлечению к уголовной ответственности в соответствии с п.12 постановления Совета Министров СССР № 1841-730с от 3 июня 1948 года «О порядке применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 года «О выселении в отдаленные районы страны лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни», которым за это преступление установлена мера наказания – замена высылки заключением в исправительно-трудовых лагерях сроком на 8 лет.

№3

ПРИКАЗЫВАЕМ

1. Всех выселенцев, виновных в самовольном выезде (побеге) из мест обязательного поселения, при обнаружении немедленно арестовывать и привлекать к уголовной ответственности.

2. За самовольный выезд (побег) с мест обязательного поселения выселенцев: чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, турок, крымских болгар, крымских армян, курдов, хемшилов привлекать к ответственности по п.2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года.

3. Лиц, виновных в укрывательстве бежавших с мест поселения выселенцев поименованных в п.2 приказа, или способствовавших их побегу, а равно лиц, виновных выдаче разрешения этим выселенцам на возврат в места их прежнего жительства, и устройстве в местах прежнего жительства, арестовывать и привлекать к ответственности по п.4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года.

4. Выселенцев, поименованных в п.2 приказа, также как и лиц, выселенных на 8 лет за злостное уклонение от трудовой деятельности в сельском хозяйстве, в случае если они в местах поселения продолжают уклоняться от общественно-полезного труда и ведут паразитический образ жизни, – арестовывать и привлекать к уголовной ответственности по ч.2 ст.82 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

5. Выселенцев, не перечисленных в п.2 приказа, за совершенный ими побег из мест обязательного поселения привлекать к уголовной ответственности по ст.82 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

№ 4

6. Расследование дел на всех бежавших с мест обязательного поселения выселенцев проводить органам МВД по месту задержания бежавших и заканчивать в 10-дневный срок.

7. Все законченные следственные дела о побегах и уклонении от общественно-полезного труда выселенцев направлять на рассмотрение в Особое совещание при МВД СССР.

8. Прокурорам установить строгий надзор за точным исполнением Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года и постановления Совета Министров СССР № 4363-1726 сс от 24 ноября 1948 г.

Циркуляр МВД СССР и Генерального прокурора СССР № 32/39сс 14 февраля 1947 года отменить.

Министр Внутренних Дел Союза ССР Генеральный прокурор Союза ССР
С.КРУГЛОВ Г.САФОНОВ

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР
об образовании Калмыцкой автономной области
в составе Ставропольского края

В целях создания необходимых условий для национального развития калмыцкого народа образовать в составе Ставропольского края Калмыцкую автономную область с центром в городе Степной.

Включить в состав Калмыцкой автономной области:

из Ставропольского края – город Степной, Черноземельского и Степной районы, а также северо-западную часть Апанасенковского и Арзгирского районов (в границах бывшего Приютненского района);

из Астраханской области – западную часть Никольского и Енотаевского районов (в границах бывшего Юстинского и Кетченеровского районов), Придорожный сельский Совет Приволжского района, западную часть Лиманского района, восточную границу которого установить по линии железной дороги (на участке Басинская и разъезда № 8), Каспийский район (в границах бывших Лаганского и Улан-Хольского районов);

из Сталинградской области – Сарпинский район;

из Ростовской области – Западный и Степновский районы.

Поручить исполнительному комитету Ставропольского краевого Совета депутатов трудящихся, Организационному Комитету по Калмыцкой автономной области и исполнительному комитету Астраханского областного Совета депутатов трудящихся

представить на утверждение Президиума Верховного Совета РСФСР описание границы смежных территорий с Калмыцкой автономной областью.

Председатель Президиума Верховного Совета М.ТАРАСОВ

Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР И.ЗИМИН

Москва 9 января 1957 г.

БЮРО ЦК КПСС ПО РСФСР
ПРЕЗИДИУМУ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР
СОВЕТУ МИНИСТРОВ РСФСР
О территориальных границах
Калмыцкой автономной области

Калмыцкая автономная область была образована в ноябре 1920 года и в октябре 1935 года преобразована в Калмыцкую автономную республику в составе 13 административных районов, в том числе одного города, 121 сельских и 3 поселковых Советов.

На территории республики площадью в 74,2 тысячи кв. километров проживали 220 тысяч человек, в том числе 107,3 тысячи калмыков.

Основным направлением хозяйства республики было животноводство и рыболовство. В республике насчитывалось 153 колхоза, 17 машинно-тракторных станций и 13 совхозов, пашни 273 тысячи гектаров, крупного рогатого скота 258 тысяч голов, 1 056 тысяч голов овец, 55 тысяч голов лошадей.

В республике было 5 рыбных заводов, 1 рыбоконсервный комбинат, пловучий консервный завод и ряд других предприятий с общим числом рабочих и служащих около 10 тысяч человек.

После ликвидации в декабре 1943 года Калмыцкой автономной республики, в связи с переселением калмыков, вся ее территория была распределена между Ставропольским краем, Астраханской, Сталинградской и Ростовской областями РСФСР.

В связи с восстановлением национальной автономии калмыцкого народа и учитывая экономические и национальные условия, Ставропольский крайком КПСС и крайисполком просят включить в состав Калмыцкой автономной области всю территорию бывшей Калмыцкой автономной республики.

После образования Калмыцкой автономной области вся ее территория составит 74,2 тысячи кв. километров, с населением 214 тысяч человек, в том числе калмыком 82 тысячи человек. На территории области будут – областной юрод Элиста, 12 административных районов: Черноземельский, Целинный, Яшкульский, Приютненский, Западный, Яшалтинский, Сарпинский, Приозерный, Юстинский, Приволжский, Лиманный, Каспийский, 64 сельских и поселковых Советов. В области будет 41 колхоз, 48 совхозов, 25 МТС и МЖС. Посевная площадь составит около 600 тысяч гектаров, поголовье крупного рогатого скота – 179 тысяч голов, овец – 1 919 тысяч голов. На промышленных предприятиях области будет занято более пяти тысяч человек рабочих.

Крайком КПСС и крайисполком просят переименовать город Степной, присвоив ему прежнее название – город Элиста.

ПРИЛОЖЕНИЕ – Описание границ и карта Калмыцкой автономной области.

Секретарь крайкома КПСС И.ЛЕБЕДЕВ

Председатель исполкома крайсовета депутатов трудящихся Е.КРОТКОВ

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
О преобразовании Калмыцкой автономной области
в Калмыцкую Автономную Советскую Социалистическую Республику

Идя навстречу пожеланиям трудящихся Калмыцкой автономной области, руководствуясь принципом свободного развития национальностей и в соответствии с пунктом "е" статьи 14 Конституции СССР, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Утвердить произведенное Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 июля 1968 года преобразование Калмыцкой автономной области в Калмыцкую Автономную Советскую Социалистическую Республику.

2. Настоящий Указ внести на утверждение Верховного Совета СССР.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР К.ВОРОШИЛОВ

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М.ГЕОРГАДЗЕ

Москва. Кремль.

29 июля 1958 г.

Убушаев Владимир Бадахаевич.

Калмыки: выселение и возвращение. 1943-1957 гг.

Общественно-политическое издание

Издательство «Санан», Элиста, 1991 г.